ОШО

история жизни независимого мистика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Бунтарь, сотрясатель основ, просветленный мистик, интеллектуальный гигант — вот лишь несколько из множества ипостасей Ошо (известного также как Ачарья Раджниш и Бхагван Шри Раджниш).

Эта книга посвящена жизни Ошо и рассказывает о его духовных исканиях и истории чудесного просветления. Вы узнаете, как Ошо встал на путь борьбы с влиятельными фигурами своего времени и основал прославленный город Раджнишпурам в США. Как Ошо скитался по тюрьмам этой страны, где, по его мнению, был отравлен по распоряжению правительства. Книга заинтересует и тех, кто любит Ошо и восхищается им, и тех, кто еще не посвящен и пока находится в духовном поиске, и просто любознательных людей.

- Васант Джоши
  - Предисловие
  - Я принадлежу Вечности… Ошо
  - Кто такой Ошо?
  - Семья
  - Юность: годы странствий
  - Просветление
  - Нео-санньяса[32]. Лотос на болоте
  - Шри Раджниш Ашрам: место встречи
  - Молчание мудреца
  - Раджнишпурам в Америке
  - Шила и тучи, нависшие над Раджнишпурамом
  - Пародия на правосудие и демократию
  - Трудности на родине
  - Кругосветное путешествие
  - Он вернулся
  - Я оставляю вам свою мечту
  - Постскриптум. Встреча друзей[80]
  - Динамика отношений гуру — шишья (учитель — ученик)
  - Беседа с Ма Йога Нилам
  - Внутренний круг и Президиум
  - Ошо. Краткая биография
  - Рекомендуемая литература[85]
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

Васант Джоши
Ошо
История жизни независимого мистика

Предисловие

Лама Кармапа, последний глава Карьюгупты (или Красная Шапка), секты тибетских буддистов, говорит:

> «Ошо — это величайшая, после Будды, инкарнация в Индии. Он и есть живой Будда».

В самом деле, Ошо предлагает провидческий, блестяще выстроенный план создания нового человечества, а также нового мира.

Ошо — это не живой человек. Ошо — явление. Никто не может точно уяснить себе его естество и, следовательно, его невозможно описать словами. Ошо — как солнце, ярко сияющее, мощное, освещающее и питающее. Подобно тому, как мы видим все в свете, излучаемом солнцем, но не можем видеть самого солнца, точно так же мы улавливаем реальное существование света, приносимого Ошо, но неспособны понять природу его самого.

Ошо — «пробужденный», «просветленный», тот, кто способен проникнуть в сущность вещей чистым сознанием, а не через какое-то умственное представление. Он показывает, что физическое страдание есть создание разума, а также то, что возможно выйти за рамки разума. Несмотря на то, что история его необычной жизни не поддается описанию словами, как ни мало мы способны понять ее, его жизнь способна побудить нас на поиски такого же источника радости и божественности, мира и творчества, которые в нас заложены.

Ошо — настоящий мятежник, а не просто нонконформист. Он не из тех мнимых борцов «против всех», что кидаются из крайности в крайность. Он всегда пребывает в равновесии.

Ошо — не тот бунтарь, который, согласно определению словаря, отстаивает что-то или борется против кого-то. На самом деле бунт Ошо по своей природе — это отстаивание чего-то, но и это дает половинчатое, неполное представление. Ошо не только боролся против того, что представлялось ему неправильным, он не только ниспровергал устаревшее, ущербное, недейственное, он также открывал новые перспективы, проливал новый свет, в котором мы могли бы с большей ясностью и пониманием увидеть самих себя и мир вокруг нас. Он завершил вторую составляющую своего бунта, он создал новый взгляд на человечество, которое могло бы жить куда более благополучной жизнью.

Вот почему Ошо — самодостаточное явление, определяющее

единственно самого себя. В то время, как, с одной стороны, его бунт направлен на разрушение шизофренического состояния человечества — состояния, при котором имеет место расхождение и противоречие между материальным и духовным, между телом и сознанием, а с другой стороны, он поделился с нами всеохватным просветленным взглядом на жизнь во всей ее цельности, ведомой сознательным отношением и пониманием, любовью и медитацией, Зорбой[1] и Буддой.

У него нет ни карты, ни проводника, каждый следующий момент для него в новинку. В каждую следующую минуту он прибывает в новое место, к новым впечатлениям, к новой истине и к своему новому на нее взгляду. Воистину, его жизнь и труд — это лила[2]. Лила находится там, где невозможно найти логического объяснения вне ее, она выше логики и рациональных объяснений, это спонтанная, экзистенциальная, внерациональная, Божественная Игра Абсолютного Разума.

Ошо бунтарь потому, что он бросает вызов условностям и запретам, существующим в человеческом обществе — так, как может сделать только он, в то время, которое пожелает, и в месте, выбранном им самим. Бунтарь не страшится делать то, что Запрещено, потому что это совершается в интересах будущего человечества. В сущности, бунтарь показывает, как это показывал Ошо силой своего провидения, что он и является будущим человечества.

Бунтарь всегда одинок в своей борьбе с ложью, с жизненным негативом и лицемерием. Ошо говорит:

> «Я един в большинстве».

Мы не можем подобрать для него какую-либо категорию.

> «Я сам себе категория», —

провозглашает Ошо. Все бунтари равны только сами себе — Будда, Сократ, Иисус, Кабир[3], Мира[4], — все они мистики, единственные в своем бунте и в своих провидениях. Таких бунтарей Ошо называет «самой солью земли».

Изначально Ошо — ученый, исследующий душу. Он не религиозный человек, но все его существование пронизано религиозностью. Он не советует нам посвящать нашу жизнь поискам Бога, но скорее учит нас распространять божественное вокруг себя через медитацию, любовь и познание. Таким образом его послание говорит: будьте свободны от оков прошлого, ищите свой собственный путь и действуйте на свой страх и риск.

«Один человек против всей истории человечества» —

так Ошо описывает самого себя. И, совершенно естественно, он предположил, что будет совершенно неверно понят. Он говорит:

> «Люди всегда понимали меня неправильно — возможно, такова моя судьба»
>
> *(«Сат Чит Ананд»)*[5].

И чаще всего это непонимание происходило из-за того, что большинство людей видели только один кадр из того, что было целым захватывающим фильмом. Они видели скорее лужицу, а не поток сознания. По мере того, как проходит время, и наше понимание того, что несет этот поток, расширяется, мы все лучше понимаем, что самое изумительное в этом — сам процесс.

Да, истина всегда была где-то здесь, она всегда рядом. Но ее форма подогнана под сиюминутные потребности — так, чтобы помочь его слушателям в этот самый момент двигаться вперед, отодвигаться от «всей истории», в ловушку которой, как он видел, были пойманы люди, двигаться к тому, что он описывает как возможность наступления «Золотого Будущего».

В ранний период своей деятельности он представляется как еще один Дж. Кришнамурти[6] в противовес мастерам, ученикам, методикам и тому подобному. Но сейчас он признан разрушителем, который ниспровергает современные ему общепринятые взгляды — будь то Маркс или Ганди, материализм или социализм. Однако похоже, что Ошо открывает для себя то обстоятельство, что люди, способные поверить ему, все еще являются пленниками религиозных представлений. Значит, он восстает против религии.

Я слышал забавную историю о том, как в конце шестидесятых Ошо повернул в свою пользу беседу о Кришне в Мумбае (тогда — Бомбее). Привратник удивленно спросил его, верно ли то, что он собирается говорить о Кришне, поскольку «вы были здесь два года назад и выступали против Кришны».

Ошо ответил: «Да, но если я буду высказываться против Кришны, никто не придет, поэтому я буду выступать в защиту Кришны. А если вы станете кому-то пересказывать этот наш разговор, я буду все отрицать!»

Таким образом, чтобы не впадать в сомнения, как это случалось с Кришнамурти, Ошо начинает с веры, полагая ее истинным основанием разумного сомнения. Но об этом времени его жизни он говорит совершенно откровенно:

«…Но сейчас я просто говорю о моей собственной истине, потому что я могу поверить в то, что вы меня поймете, что вы не нуждаетесь в каких-то посредниках, таких как Иисус, Махавира[7], Будда, Кришна. Я могу говорить с вами напрямую, непосредственно. Мне не нужно играть словами».

«…Те игры, в которые я вынужден был играть, были греховной необходимостью, иначе у меня не было бы возможности найти вас. Вы думаете, вы пришли бы к атеисту, аморальной личности, безбожнику, человеку, отрицающему религию? Если вы зададите себе самим этот вопрос, вы поймете, почему мне пришлось использовать религию и религиозную терминологию. Я проделывал это против моего желания и только для вас. Все это проделывалось мною много раз, но теперь в этом нет необходимости».

(From Personality to Individuality — «От личностного до индивидуального»).

Таким образом, он играет роль учителя, посвящает в ученики, иногда на железнодорожных станциях, зло высмеивает условности санньясы; чтобы позлить окружающих, принимает имя Бхагван, а в один прекрасный день просто говорит: «Шутки кончились».

Разумеется, Ошо все время настаивал на том, что у него нет последователей, только попутчики, но следовать за ним — это так легко и приятно. И потом — это же нас ни к чему не обязывает… Мы можем переложить обязанности на кого-то еще — Бога, гуру, Будду, Иисуса. Но Ошо, медленно и упорно, лишал нас своей поддержки в выполнении наших намерений — как птица выманивает своих птенцов из гнезда. И это могло бы стать тяжким испытанием. Создавать нечто, опираясь на поддержку Ошо — это одно. Создавать то, что задумано и взращено самостоятельно, без посторонней помощи, опираясь только на внутренние возможности каждого? Кто бы тогда мог подумать, что сегодня будет возможно распространить его работу «за пределы нашего разума», как он это и предсказывал?

И потом, однажды, неожиданно, он покидает нас. Пришло время остаться одним. Не внушает особых опасений ни его вид, ни то, что он говорит, скорее, то, на что он указывает. Он оставляет нас одних, совершенно одинокими, так, что мы не можем принять чью-то помощь, перейти под начало какого-то другого пророка, не представляем, что Гаутама Будда или Иисус могут явиться, чтобы спасти нас. Брошенные бесконечно

одинокими, мы вынуждены найти опору в глубинах собственных душ. Он объясняет нам это так:

> «Нет дороги, некуда идти, нет ни советчика, ни учителя, ни наставника. Кажется, что это тяжело, неприятно, но я делаю это, потому что я люблю вас, а люди, этого не сделавшие, совсем вас не любят. Оно любят себя и очень любят быть окруженным толпой, и чем больше толпа, тем более разрастается их эго.
>
> Вот почему я даже назвал просветление последней игрой. Чем быстрее вы избавитесь от нее, тем лучше. Почему бы не жить просто? Что за необходимость суетиться? Вы то, чем делает вас действительность. Просто расслабьтесь».

«Ом Мани Падма Хум»[8].

Я бесконечно благодарен любящим родителям Ошо, его родственникам, друзьям и ученикам за их помощь и сотрудничество в составлении истории его жизни. Я также глубоко признателен моим друзьям и спутникам — Джайешу, Амрито, Нилам, Анандо и Чайтанья Кирти, которые уделили мне свое драгоценное время, чтобы дать бесценные замечания, сделанные по прочтении моей рукописи. Я сам, в частности, в величайшей степени обязан Прем Амрито (доктор Джордж Мередит), персональному врачу Ошо, одному из тех, кто ухаживал за Ошо, за разрешение включить в книгу его наблюдения, в особенности подробности здоровья Ошо, которые основаны всецело на его, Амрито, рассказах.

Я включил в эту книгу рассказ о жизни Ошо, входивший в предыдущий труд The Awakened One: Life and Work of Bhagwan Shree Rajneesh («Пробужденный: жизнь и работа Бхагвана Шри Раджниша»). Эта книга была издана Harper & Row, Сан Франциско, в 1983 г.

В ходе создания этой книги я получил неоценимый опыт, испытывая одновременно радость и благоговение. Эта книга на самом деле не просто биография Ошо. Я никогда не намеревался досконально выяснить каждую деталь невероятно емкой жизни Ошо — это было бы чистым безумием. Это была скорее попытка соткать одеяние из нитей, свитых из моего сердца. При написании этой книги мне никогда не приходило в голову пытаться отразить реальность, и эта история похожа на то, как это прекрасно выражено Уильямом Блейком:

> В одном мгновеньи видеть вечность,

Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо в чашечке цветка.

Перевод С. Маршака

Я выражаю мою благодарность Шобиту Арья, издателю Wisdom Tree за его личный интерес в публикации этой книги. Также я благодарю Нандиту Джайшанкар и Анкиту А. Талвар за редактуру, сделанную с большой тщательностью.

Доктор Васант Джоши
Август 2009 г.

Я принадлежу Вечности… Ошо

Я не являюсь частью какого бы то ни было движения.

То, что я делаю — вечно.

Так было с тех пор, как на Земле появился первый человек, и так будет продолжаться до последнего человека. Это не движение, это самая суть эволюции…

Я — часть вечной эволюции человека.

Поиски истины никогда не новы и никогда не стары. Поиски вашего образа существования не зависят от времени. Они вне времени.

Возможно, я уйду, но то, что я делаю, будет продолжаться. Кто-то другой станет это делать. Меня здесь не было, а кто-то другой делал это. Здесь нет ни основателей, ни предводителей. Это настолько масштабное явление, что множество просветленных появлялись, вносили свой вклад и исчезали.

Но их вклад поднимал человечество на несколько более высокий уровень, делал его чуть лучше, немного более человечнее. Они оставили этот мир немного красивее, чем нашли его.

Это великая задача — оставить после себя мир немного лучшим. Гораздо больше, чем можно требовать от человека. Мир слишком велик, а каждый отдельный человек слишком мал. Если он может оставить просто несколько штрихов на общем полотне, которое создавалось в ходе миллионов лет эволюции, этого вполне достаточно. Всего несколько штрихов… чуть ближе к совершенству, чуть больше ясности.

Я не часть какой-то модели, какого-то движения. Я принадлежу вечности, и я хочу, чтобы вы тоже принадлежали вечности, а не чему-то преходящему.

Через 25 веков снова отравили Сократа.

Кто такой Ошо?

> Неспособность к предвидению, похоже, завладела большей частью развитых наций… Это болезненное явление последнего времени очевидно в глобальном масштабе: промахи глав правительств, иногда — целых партий и демократических систем, весь этот круг вопросов представляется гражданам подлежащим самому срочному рассмотрению. Ясно, что этот мир нуждается в неком новом предвидении.
>
> *Журнал «Time», 12 июля 1993 г.*

Миллионам обожавших его учеников и приверженцев во всем свете он был известен просто как Ошо. В Индии, а позднее и всему миру он был знаком также и как Ачарья Раджниш и Бхагван Шри Раджниш. Как объяснял сам Ошо, свое имя он образовал из слова Уильяма Джеймса «oceanic» — «океанский, огромный как океан», — тот, что растворяется в океане, что опережает на шаг буквальное значение. В то время как «oceanic» описывает впечатление, «Ошо» означает того, кто переживает это впечатление. «Ошо» обозначает того, кто растворился во вселенском океане сознания и утратил свою идентичность так же, как капля росы исчезает в океане. Слово «Ошо» также исторически использовалось на Дальнем Востоке со значением «Благословенный, тот, на которого пролился небесный ливень».

Через двадцать пять веков после Гаутамы Будды Ошо еще раз повернул колесо дхармы[9], чтобы пробудить человеческое сознание. Нелегко писать о нем. Он как бесконечное пространство, содержащее все двойственности, все многообразия и все противоречия. Он излучает разум, несущий свет тем, кто бредет ощупью во мраке. Он олицетворяет духовность во всей ее бесконечной славе. Для мчащегося на предельных скоростях человечества Ошо представляется, возможно, единственной альтернативой построения мирного и здравомыслящего общества. Его провидение и его труд служит примером великой духовной революции, невероятной трансформации в жизнях отдельных людей, желавших расти интеллектуально и обрести счастье. Он предлагает ясность и открытость, любовь и сострадание, понимание и познание всему человечеству, которое сейчас находится в тисках разрушения, боли и страдания.

Революционное послание Ошо происходит из его собственного понимания истины. Таким образом, его слова

обладают достоверностью и четкостью, в которых есть сила, чтобы привнести полное изменение в любого, кто желает раскрыться перед ним. Ошо отличается почти ото всех других познавших себя, просветленных мастеров. Он, возможно, первый среди них, кто преуспел в том, чтобы сделать религию современной и доступной каждому человеку в любой момент его жизни.

Часто называемый бунтарем, разрушителем, просветленным мистиком, абсурдистом, анархистом, плодовитым автором, возмутителем спокойствия, антихристом, духовным террористом, интеллектуальным гигантом, Ошо является всем этим сразу и еще больше, просто потому что он не является частью какой-то традиции, философской школы или религии.

> «Я есмь начало некоего, абсолютно нового религиозного сознания, — провозглашает он. — Пожалуйста, не связывайте меня с прошлым. Это даже хуже поминальных молитв».

Он — Будда, Лао-цзы[10], Кришна, Иисус, Кабир, Гурджиев[11] и многое другое, вместе взятое.

В течение всей своей жизни Ошо оставался предметом споров — точно так же, как все другие просветленные мистики. Их обсуждали и осуждали потому, что их способ существования — это путь перемен и перерождений, которому общество активно сопротивляется. Общество предпочитает свой status quo, поскольку со знакомым проще иметь дело. А вот слова и дела просветленного учителя мало приемлемы. Как раз это нежелание принимать знания просветленного учителя и порождает споры.

Так же, как говорит сам Ошо:

> «Я пришел не для того, чтобы поучать, я пришел, чтобы пробуждать». Учитель никогда не вносит противоречий, поскольку ему удобно при существующем положении вещей, status quo, он полон желания идти проторенной тропой. Учитель говорит и делает то, что принято в обществе. У нет ничего своего — того, что можно было бы предложить обществу, даже знаний, полученных из его собственного жизненного опыта. Только просветитель, подобный Ошо, только он может вырвать нас из вековой давности условностей. Он пришел в этот мир, чтобы пробудить от религиозного и социального гипноза. Он подвигает нас очнуться от нашей изначальной реальности и двинуться к

действительности вокруг нас, а затем к реальности будущей эволюции в качестве просветленного существа. Для этого он будоражит нас и заражает нас энергией противоречия, так, чтобы человечество могло очнуться от этой бессознательности. В отношении Ошо споры всегда были гораздо более горячими, потому что он возвышал голос истины против правительств, религий, старых верований открыто и бесстрашно. Он провозглашал себя «категорией, равной самой себе».

Ошо — просветленный, ярчайший мистик, ниспровергавший устаревшие верования, традиции и учения. «Я обучаю абсолютному неповиновению, — заявлял он. — Я не намерен идти на компромиссы, я решил быть предельно откровенным и правдивым, чего бы мне это ни стоило». В ходе своих дискуссий, он говорил о необходимости появления «нового человека» или «нового человечества». Ошо делает упор на тот факт, что, вследствие разобщенности, человечество еще и ущербно. Деление человечества на Восток и Запад, Север и Юг бессмысленно. Для него мир был изначально един, и все подобные подразделения были основаны на человеческом невежестве. Ему хотелось бы увидеть, как Восток и Запад сливаются, взаимно обогащая друг друга. Только здесь, говорит он, заложена возможность по-настоящему длительного спокойствия и гармонии. В его предвидении появления нового человека и нового человечества не было места каким-то разделениям. Он говорит: «Только цельная личность может быть святой». Согласно Ошо:

> «Новый человек не будет чем-то или — или, он будет и тем, и другим. Новый человек будет и земным, и божественным, принадлежащими этому миру и другим мирам. Новый человек воспримет свою собственную полноту и будет жить без каких-то внутренних барьеров, он не будет расщеплен. Его бог не будет противопоставлен дьяволу, его смертность не будет противопоставлена бессмертию, он не будет знать противопоставлений. Он переступит границы дуализма, он не будет шизофреником. Вместе с новым человеком придет и новый мир, потому что новый человек будет воспринимать мир качественно другим способом и будет жить совершенно иной жизнью — такой, которой он никогда не жил. Он будет мистиком, поэтом, ученым — всем вместе».

Подобным же образом Ошо считал необходимым соединить

науку и сознание. Он хотел видеть мир таким, в котором наука работает не на разрушение, но на расширение человеческого сознания. Фактически он предложил стремиться к тому, чтобы сознание руководило развитием науки.

Санньясинов[12] Ошо часто клеймят как поклонников некоего «культа», а самого Ошо анекдотичным образом причисляют к лидерам культов, таким как преподобный Джим Джоунз и Кореш. Это очень далеко от истины. Джим Джоунз и Кореш, оба христиане, были подвержены навязчивой идее прославиться после смерти, перевоплотиться и совершить второе пришествие. Они фанатически верили в библейские пророчества и использовали свой фанатизм, чтобы вербовать сторонников и управлять ими. Оба они, Джим Джоунз и Кореш, были продуктом слепой веры, жадности и амбициозности.

Возможно, любой ценой они пытались привлечь внимание и получить признание. Ошо не рассматривал своих санньясинов как последователей, но как друзей и попутчиков. Его представление о санньясинах основывалось на индивидуальной свободе существовать, исследовать, экспериментировать и задавать вопросы. Он не просил их верить или не верить, но только искать истину, что принесет свет и радость в их жизнь. Согласно Ошо, санньясин должен быть полон благоговения перед жизнью.

Санньясин — это тот, кто живет естественной жизнью, кто открыт перед жизнью во всех ее проявлениях. Санньясин не озабочен вопросом, есть ли Бог или нет, его усилия должны быть направлены на то, чтобы привнести в жизнь то, что Ошо называл «благочестием» — умение быть сознательным, сочувствовать, любить и восхвалять жизнь. Санньясин с заботой относится к этому миру — так, словно он готов создать рай на земле, а не ожидать, когда покинет эту землю в поисках призрачного рая. Послание Ошо четко и однозначно:

> «Я не хочу, чтобы мои люди покидали этот мир… сейчас то время, когда люди должны быть достаточно сильными своим сознанием, чтобы, оставаясь в обществе, не идти на компромиссы. Хотя это более, чем трудно, это сильный вызов — жить в обществе и не быть его частью, жить в обществе и не позволять обществу жить в вас. Это мой особый вклад в религиозный опыт и приношение бунтарски настроенным человеческим существам».

Ошо не призывает к изменениям в обществе и (или) во всем мире, потому что для него общества не существует — только отдельные люди.

> «То, в чем мы нуждаемся, это совершенно новый вид изменений — изменения в сердце каждого отдельного человека. Вместо того чтобы рассуждать в терминах революции и изменений в обществе, в его структуре, мы должные думать о том, как больше медитировать и изменять каждого человека в отдельности», —

говорит Ошо.

Те, кто пришли к Ошо, следовательно, являются отдельными личностями в поисках необходимых перемен и перерождения. Они готовы встретиться лицом к лицу с теми проблемами, которых общество старается не замечать. У них достаточно смелости взглянуть в лицо болезням, которые, как учит общество, надо скрывать или подавлять. Медитация является средством такого обновления и самой основой предвидения Ошо. По его словам:

> «Мир может достичь гармонии, если медитация распространится вширь и вглубь, а люди придут к осознанию самих себя. То, с чем нам придется работать, будет совершенно другим измерением, не революция, но медитация, перерождение. И это не так трудно, как думают люди. Это просто вопрос понимания ценности медитации. Мои усилия направлены на то, чтобы сделать медитацию наукой, поскольку она не имеет ничего общего с религией. Таким образом, заниматься этим может каждый, исповедует он индуизм или христианство, иудей он или мусульманин — это не имеет значения. Медитация должна стать чем-то вроде всепоглощающего пламени. Тогда у нас есть некоторая надежда».

Медитация, санньяса, община, Раджнишпурам, кругосветное путешествие — таков был могучий размах деятельности Ошо. Вынесенный из любви и сострадания, эксперимента и динамизма[13], все эти экзистенциальные истины означали пробуждение человечества. Все, что происходило вокруг Ошо, было не движением, и уж конечно, не «новым религиозным движением». Ошо дал нам не «новую религию», а только новое религиозное сознание. Он отрицал, что является лидером какого-то движения или даже частью какого-то движения.

> «Я не являюсь частью какого бы то ни было движения, — говорит Ошо. — То, что я делаю, идет изнутри. Оно существовало с тех пор, как на Земле

появился первый человек, и будет продолжаться до последнего человека. Это не движение, но сама сущность эволюции».

Он донес до всех известие, что энергетическое поле, созданное совместно с его санньясинами для повышения человеческого сознания, после него будет становиться все сильнее. Искатели со всего мира, которые посещают эту общину, безо всякого исключения могут проверить истинность этого на себе.

У Ошо был дар предвидения. И решающим моментом является то, что мы обращаем внимание на его пророчества относительно сострадания и мира, любви бесконечной созидательности, вместо того, чтобы ожидать, когда правительства, политические и религиозные деятели решат наши проблемы. Еще слишком рано оценивать тот дар, что преподнес Ошо человечеству. Но сам он ясно представлял, что сделал.

> «Люди могут понять — сегодня или завтра-послезавтра, не имеет значения, — но когда-нибудь поймут обязательно. Одно я могу сказать — что бы я ни говорил сейчас, завтра станет философией, религией будущего, религией всего человечества».

За несколько недель перед тем, как покинуть свое тело 19 января 1990 года, Ошо ответил на вопрос — что будет с делом его жизни, когда он уйдет?

> «Моя вера в бытие абсолютна. Если в моих словах есть хоть какая-то истина, она переживет меня… Факел подхватят те, у кого сохранится интерес к моей работе, но я никому ничего не хочу навязывать… Я останусь источником вдохновения для моих людей. И это именно то, что будут чувствовать большинство санньясинов. Я хочу, чтобы они росли сами по себе, чтобы они сами воспитывали в себе самое главное — любовь, вокруг которой никто не создаст какую-то церковь; осознанность, которая не станет чьей-то монополией, веселье, радость, и свежие, по-детски удивленные глаза… Я хочу, чтобы мои люди познали себя, а не становились кем-то по чужому приказу. Главный путь ведет внутрь себя…»

Семья

Отец Ошо, Бабулал (по-домашнему его называли Дадда, что значит «старший брат», родился в 1908 г., в Тимарни, маленьком городке штата Мадья Прадеш. Предки Бабулала принадлежали к джайнистской секте Дигамбара. Предки Бабулала с отцовской стороны были последователями маленькой секты, называемой Таран Пантх. Секта была основана в шестнадцатом столетии святым по имени Таран Свами, который был современником индийских святых Кабира и Нанака[14].

Таран Свами, сам джайнист течения Дигамбара, был выходцем из секты Парвар, которая первоначально располагалась в Мадья Прадеш. Таран Свами выступал против идолопоклонства, которое было широко распространено среди джайнистов секты Дигамбара. Он проповедовал поклонение невидимому и неосязаемому божеству, критиковал джайнистов Дигамбара за их приверженность материальному и убеждал их вместо этого обратиться к духовным ценностям, которым учил Махавир, основатель джайнизма. Из-за своих взглядов Таран Свами столкнулся с жесткими преследованиями со стороны общества. Однако некоторые джайнисты, а также и неджайнисты восприняли учение Тарана Свами и стали считать его своим гуру. Предки Дадды были среди них.

Учение Тарана Свами было записано в четырнадцати книгах. Говорят, что Ошо, который читал эти книги в детстве, долго находился под впечатлением от прочитанного. Дед Ошо происходил из большой семьи, первоначально принадлежавшей общине городка под названием Басода. Басода была поражена чумой, и ее население целиком погибло от эпидемии. Семья Ошо также потеряла нескольких членов. Многие, включая отца Дадды и его дядю, вместе с семьями спаслись бегством в Тимарни, где жили свойственники дяди Дадды. Одна из тетушек Дадды тоже жила в Тимарни. Она одолжила отцу Дадды несколько рупий, чтобы тот смог купить ткани, с которых начал свой небольшой бизнес. Он переезжал на лошади от деревни к деревни и торговал тканями. Позднее та же самая тетя сосватала отцу Дадды невесту, а также помогла снять для новобрачных дом.

По мере того как семья росла, ее материальное положение становилось все более сложным. Отец Дадды решил покинуть Тимарни и попытать счастья где-то в другом месте. Однажды он погрузил все свое имущество в тележку и отправился с семьей в Кучваду, небольшой городок в Мадья Прадеш, где жили родственники его жены. Между Тимарни и Кучвадой

располагался город Гадарвара. Не будучи очень большим, этот город был вполне процветающим — поскольку в то время являлся местным центром торговли зерном. Отец Дадды решил попробовать начать свое дело в этом городе, и в 1934 г. семья поселились в Гадарваре. (Ошо в то время было уже три года.)

Дадда и его отец усердно работали на благо своего дела. Дед Ошо любил свою торговлю тканями и старался внести в нее человеческое начало. Ошо с удовольствием вспоминает об этом:

> «Я помню моего старого деда. Он был торговцем тканями, и я, и вся семья были озадачены тем, до какой степени он любил свое дело. Он мог часами заниматься с покупателями. За что-то, что стоило десять рупий, он мог попросить пять, сам понимая, что это полная бессмыслица. И его покупатели тоже знали об этом; они понимали, что это должно стоить около десяти рупий, а торговаться начинали с двух рупий. Потом следовала длившаяся часами торговля… Мой отец и дядя злились… Но у него, у дедушки, были собственные покупатели. Придя, они спрашивали — где Дадда, где дедушка? Потому что торговаться с ним было игрой, представлением, в котором мы теряли рупию-две, чуть больше или чуть меньше, но разве это главное? Покупатели получали от этого удовольствие».

Члены семьи Ошо оказали на него громадное влияние. Оба брата Дадды, Амритлал и Шикхарчанд, младший, были в ней важными людьми. Образованность Амритлала и его деятельность рано стали жизненным примером для Ошо, который для самовыражения начал писать стихи. Однако ближе Ошо был к своему младшему дяде, Шикхарчанду. Шикхарчанд был активным членом Партии Конгресса[15] и с воодушевлением разделял прогрессивный образ мыслей. Он верил в идеи социализма и отвечал за их пропаганду в Гадарваре. Эти идеи также оказали влияние на Ошо. Вместе с Шикхарчандом он провел несколько встреч с молодыми людьми и убедил их последовать социалистическим идеям. Из-за активного участия в политической деятельности Шикхарчанд не смог продолжать учебу после окончания средней школы. Впоследствии он стал учеником Ошо, своего собственного племянника.

Но, возможно, наибольшее влияние на Ошо оказал его отец, Дадда. Ошо часто в своих лекциях приводил в пример его личные качества. Его отец был необычайно милым человеком. Он был хорошо известен жителям Гадарвары тем, как легко справлялся со своими многочисленными обязанностями главы большого

семейства, делового человека и уважаемого гражданина Гадарвары. Его простота, доброта, мудрость и подкупающее чувство юмора бросались в глаза и производили впечатление на всех, кто имел с ним дело.

Дадда очень хотел получить законченное образование, но ему пришлось отказаться от этой мечты, поскольку после четвертого класса он начал помогать отцу в торговле. Однако он решительно поддерживал своих младших братьев в намерении закончить школу — даже против воли их отца, который хотел, чтобы младшие братья тоже занимались семейным бизнесом. Дадда тайком снабдил Амритлала деньгами для того, чтобы тот мог закончить среднюю школу и поехать в Джабалпур продолжать обучение в колледже. Это привело к разладу в семье.

В 1932 г. Амритлал присоединился к движению за независимость Индии под руководством Махатмы Ганди и попал в тюрьму. Когда отец Дадды и другие члены семьи узнали об этом, они были потрясены — сама мысль о том, что кто-то из членов семьи находится в тюрьме, глубоко их огорчила и испугала. Дед Ошо был очень сердит и упрекал Дадду за то, что тот помог Амритлалу уехать, — а иначе бы Амритлал не попал в тюрьму, говорил отец. Но Дадда остался при своем мнении и поддерживал других в стремлении продолжать образование. Действительно, несмотря на все препятствия, он сделал все, чтобы его дети получили дипломы врача, инженера и ученого.

Дадда обладал двумя замечательными качествами: способностью любить и глубоким уважением к природе. Его повседневная жизнь включала прогулку вдоль реки ранним утром, а потом купание в реке в течение нескольких часов. Ранние воспоминания Ошо об отце связаны с этими ежедневными прогулками. Он подробно рассказывал об этом:

> «Первое, что я помню о нем: как он будит меня в три часа утра. Я был тогда совсем маленьким, и для меня три часа ночи было временем сна… А он будил меня в три часа утра и вел на прогулку… Это было его первым даром мне — брахма махурта (священное время перед восходом солнца). Сначала мне это очень не нравилось. Я буквально тащился за ним, но постепенно я начал видеть и чувствовать красоту этих ранних утренних часов… Мало-помалу я пришел к пониманию, что эти мгновения раннего утра нельзя пропускать. Возможно, Бог никогда в другое время не бывает так близок к Земле, как в мгновения раннего утра».

Другие качества, делавшие Дадду очень приятным человеком,

это его дружелюбие и щедрость. Ошо с теплотой вспоминает, каким гостеприимным, отнюдь не являясь богачом, был его отец. Каждый день он приглашал кого-то на обед, даже если для этого приходилось занимать деньги. Кажется, смыслом его жизни было делиться чем-то с другими. Дадда также активно участвовал в помощи бедным, в финансовом отношении или еще каким-либо доступным ему образом. Он обладал прогрессивным складом ума и был готов пренебречь общепринятыми нормами поведения, даже если это грозило ему остракизмом.

Но прежде всего Дадда был высоко духовным человеком. Как рассказывал Амритлал, Дадду очень уважали за искреннюю религиозность. Дадда часто посещал храмы, держал посты, а также читал священные книги. Но это было только небольшой долей его духовных поисков. Внутренне он искал того, что выходило за границы храмов, чтения книг или соблюдения ритуалов.

Последние десять лет своей жизни он провел в регулярных, с трех до шести часов утра, медитациях. Он так глубоко погружался в медитацию, что мать Ошо начинала беспокоиться и пыталась разбудить его ко времени начала утренней беседы Ошо, которая обычно начиналась в восемь утра. (Последние десять лет жизни Дадда провел в общине Ошо в Пуне.) В некоторых случаях Дадда проводил в такой глубокой медитации несколько часов подряд и даже пропускал беседы.

Что касается матери Ошо, Сарасвати, ее всегда видели в качестве радушной хозяйки, чтимой на ее любезное гостеприимство, а также за то, что она была во всем помощницей своему мужу, который до самозабвения любил развлекать гостей, родственников и всех других людей. Она была простым человеком и покинула свое тело как просветленная личность 17 мая 1997 г.

В течение всей жизни люди расспрашивали Сарасвати об Ошо и о том, как он жил в юности. Она рассказывала обо всем откровенно и без высокомерия. Отвечая на вопросы, которые ей все время задавали, она выражала свои чувства следующим образом:

> «Я не знаю, как он (Ошо) мог появиться на свет в такой простой семье, как наша. Люди по-прежнему задают так много бессмысленных вопросов, а Ошо говорит так мудро, и мы здесь все до такой степени удивлены тому, как он мог родиться в такой простой семье! Если бы мы, родители, были более образованны, то смогли бы лучше описать все то, что мы знаем о его

жизни… сказали бы о нем еще много хорошего… Но мы не можем. Мы теряемся, когда нам задают этот вопрос. Люди засыпают нас вопросами, а мы даже не знаем, что им ответить».

Сарасвати была единственным ребенком в семье и поэтому была очень дорога своим родителям. Они жили в Кучваде, маленькой животноводческой деревне, расположенной в прекрасной горной долине Видхья штата Мадхья Прадеш. Ее отец был довольно зажиточным человеком, обладавшим солидным капиталом. Вдобавок к ферме он владел небольшой бакалейной лавкой. В то время браки между детьми в Индии не были редкостью, и матушка Ошо вышла замуж еще ребенком. Ошо вспоминает:

> «Моя мать вышла замуж, будучи семи лет от роду. Я спрашивал ее несколько раз — расскажи мне, что ты тогда чувствовала? Она сказала: „Я не понимала, что происходит. Я просто радовалась происходящему. Я бегала повсюду и смотрела на то, что происходит, пока меня не забрали назад в дом. И меня заперли там на целый день, пока шла сама церемония, потому что я лезла к музыкантам, слушала музыку, глазела на лошадей. (По традиции, считается дурным предзнаменованием, если невеста увидит жениха до окончания брачной церемонии.) А потом за мной пришли…“ И отца я тоже спрашивал — что ты чувствовал? Он ответил — не знаю, мне просто очень нравилось, что меня катают на лошади. (Жених приезжает в дом невесты верхом под музыку местных музыкантов.)».

В результате союза этих двух любящих, простых и честных людей в доме ее родителей в Кучваде 11 декабря 1931 г. Сарасвати произвела на свет очень красивого и здорового мальчика.

Мать Ошо припоминала, что через несколько дней после рождения сына она получила предзнаменование, что тот будет обладать великой душой. Когда она была на шестом месяце, за ней, чтобы увезти в Кучваду, где она должна была рожать, приехал ее двоюродный брат. Это было время самых сильных муссонных дождей, и река Нармада, которая пробегает между Тимарни и Кучвадой, вышла из берегов. Лодочник отказался перевозить их через реку.

Беспомощные, мать Ошо и ее кузен провели три дня у реки,

ожидая, когда вода спадет. На третий день мимо проходил высокий, внушительного вида монах и увидел их, ожидающих переправы. Монах сказал все еще не желавшему перевозить людей лодочнику, что чрево этой благородной женщины носит великого человека, который скоро появится на свет. Он убедил лодочника, что он и его пассажиры останутся невредимы, поскольку им поможет душа этого будущего великого человека. Лодочник поверил монаху и поплыл через опасную, бурлящую реку. Слова монаха оказались верными. Все переправились через поток без какого бы то ни было вреда или затруднений.

Сарасвати была невероятно рада рождению сына. Ее родители тоже были очень счастливы, особенно новоиспеченный дед. Изящное телосложение и красота ребенка убедили дедушку, что в мальчике воплотился некто, кто был в прошлой жизни властителем, и дед, неожиданно для самого себя, назвал его «Раджа», что означает «царь».

Отец Сарасвати так сильно любил внука, что не разрешал ей увозить его назад, в Тимарни, где она жила вместе с Даддой и семьей его отца, занимавшимися хлопотной торговлей тканями. Ошо описывает это так:

> «Мои ранние детские годы прошли в доме деда и бабушки с материнской стороны, которых я очень любил… Они чувствовали себя очень одинокими, поэтому и хотели меня воспитывать. Вот я и оставался с ними до семи лет. Я принимал их за моих отца и мать. Они были очень богаты, и у них было все, что нужно. Поэтому я рос как принц. Я стал общаться с моими настоящими родителями только после смерти дедушки и бабушки с материнской стороны… Я любил только их и получал от них только любовь».

Каждый раз, когда Раджу (Ошо) привозили повидаться с отцом и его семьей, для всех них это было радостное событие. Младший дядя Ошо, Шикхарчанд, рассказывал об одном невероятном событии. Когда Раджу привезли в Тимарни в первый раз, Шикхарчанд был первым, кому удалось взять на руки и подержать шестимесячного ребенка. Он приветствовал прекрасное дитя с бесконечной радостью. Позднее он дал Радже новое имя — Раджниш Чандра Мохан. До поступления в школу мальчика называли Раджа; после этого он принял свое официальное имя — Раджниш.

Рождение Ошо было неординарным событием. Это было рождением священной души, которая до этого уже ходила по земле в поисках истины. Его последнее рождение состоялось за

700 лет до этого в горах, где у этого человека была своя школа, привлекавшая как учеников из разных традиций, так и самых дальних мест.

Мастер (Ошо в его предыдущем рождении) тогда прожил сто шесть лет. Незадолго до кончины, чтобы достичь просветления, он постился в течение 21 дня. Но перед тем, как окончательно раствориться в вечности, у него была возможность получить еще одно рождение. Он считал учеников своей семьей; среди них было много таких, которые все еще были на пути к пониманию Истины и нуждались в помощи.

Он также видел громадные возможности в слиянии Востока и Запада, тела и души, материального и духовного. Он видел возможность создания нового человека, человека будущего, полностью независимого от его прошлого. Он, подошедший вплотную к достижению того, над чем так упорно трудился в течение всех предыдущих жизней, решил еще раз вернуться в человеческое тело — только из любви и сострадания к своим людям. Он обещал своим ученикам вернуться, разделить с ними его Истину и довести их разум до состояния осознанности.

Завораживающее повествование о предыдущем рождении Ошо вышло на свет совершенно случайно; сам Ошо не обратил на него внимания. Много лет назад, когда его мать была в Пуне, в гостях у мистера Рамлала Пунгалия, ученика Ошо, он спросил ее, не помнит ли она чего-то особенного о детстве ее сына. Сарасвати рассказала ему, что сразу после рождения Ошо не плакал и отказывался от молока, что было совершенно непохоже на других детей.

Я поднял тот же вопрос во время интервью с матерью Ошо в октябре 1979 г., спросив, не припомнит ли она чего-то еще в связи с тем, что она рассказывала мистеру Пунгалия. Она описала этот случай следующими словами:

> «Да, он отказывался от молока три дня подряд. Я ужасно беспокоилась, но не знала, что делать. За ним присматривала моя мать. Она поила его водой и уговаривала меня не волноваться. На четвертый день она хорошенько искупала его, и он начал сосать молоко». Я спросил, не капризничал ли ребенок в течение этих трех дней? Она ответила: «Нет, совершенно нет, все эти три дня он был здоров».

Позднее Ошо объяснил это необычное обстоятельство сам:

> «Это правда. Семьсот лет назад, в моей предыдущей жизни существовала 21-дневная духовная практика,

которую следовало выполнить перед смертью. Я должен был покинуть мое тело после полного 21-дневного поста, но я не смог завершить его… Когда в той жизни мне оставалось жить три дня, меня убили… и эти три дня были упущены. В этой жизни эти три дня были наверстаны (когда Ошо начал сосать молоко только на четвертый день)».

Это убийство, согласно Ошо, не было актом вражды или неприязни.

> «Много раз в разных беседах я говорил, — сказал Ошо, — что как Иуда долго пытался убить Иисуса, не испытывая к Иисусу враждебности, так и тот человек, что убил меня, не был настроен враждебно, просто его таковым сочли и относились как к моему врагу».

Ошо продолжает:

> «Это убийство оказалось полезным. На момент смерти эти три дня остались свободными. После всех моих отчаянных попыток достичь просветления в той жизни я стал способен достичь его в этой жизни. После того как я прожил двадцать один год, это стало возможным в течение тех трех дней. Для каждого из тех трех дней мне пришлось прожить по семь лет этой жизни».

Воспоминание о предыдущей жизни Ошо приоткрывает нам всю значимость того, существует ли после смерти возрождение и существует ли какое-то основание под теорией реинкарнации. Разъяснение Ошо основано на его личном опыте и делает это разъяснение особенно значимым для тех, кто идет по дороге духовности, а также для тех, кто трудится на ниве парапсихологии и измененных состояниях сознания.

Каким образом человек возрождается в новом теле? Как возрождается Будда? Как возродился Ошо? Каким образом он отмерил промежуток времени в семь веков между его предпоследним рождением и этим? Это те вопросы, на которые Ошо дал обстоятельные ответы.

> «У меня есть способность к внутреннему видению, — говорит Ошо, — каждый Будда обладает внутренним видением. Когда на свет появляется человек, подобный Будде, он рождается полностью осознающим себя. Даже

находясь в утробе матери, он уже осознает себя».

Что касается Ошо, смерть в норме происходит в бессознательном состоянии, состоянии, в котором умирающий полностью неспособен осознавать или наблюдать наступление смерти. Наблюдение за умиранием возможно только, если умирающий имеет большой опыт глубокой медитации, при которой он мог видеть свое тело отделенным от сознания. Ошо объясняет, что значит умирать и возрождаться, полностью осознавая это:

> «Если вы в вашей текущей жизни способны умирать, пребывая в полном сознании, то есть не теряя сознания, когда вы умираете, вы наблюдаете каждую стадию умирания, вы ощущаете каждый шаг и остаетесь в полнейшем осознании того, что ваше тело умирает, разум улетучивается, а потом вы вдруг видите, что вы уже находитесь вне тела и ваше сознание его покинуло. Вы видите лежащее мертвое тело и то, что вы плаваете вокруг него… Если вы способны осознавать это, когда вы умираете, это одна часть рождения, одна его сторона. Если в этой части вы чувствуете себя осознанно, вы будете осознавать себя и во время зачатия. Вы будете виться около пары, занимающейся любовью, находясь в абсолютном сознании. Вы войдете в утробу совершенно осознанно. Ребенок будет зачат в осознании того, что происходит.
>
> …Находясь в течение девяти месяцев в материнской утробе, вы будете все осознавать. И не только вы осознаете, что происходит. Но когда дитя, подобное Будде, находится в утробе матери, меняется и личность матери. Она тоже становится более сознательной… мать немедленно ощутит свою большую осознанность».

Говоря о своем собственном опыте, Ошо соглашается со святыми, такими как Будда и Махавир, в том, что два величайших вида страдания — это рождение и смерть. Ошо делает шаг вперед и добавляет, что боль при рождении намного острее и существеннее, чем при смерти. Он продолжает, начиная с того, что:

> «Если вы доверяете мне, я скажу вам, что боль (при новом рождении) гораздо сильнее, чем при умирании… И так оно и должно быть, потому что рождение дает начало смерти… Рождение есть начало страданий,

> смерть — их окончание. Рождение должно быть болезненнее — и так оно и есть! И после девяти месяцев полного покоя, расслабленности, безмятежности, ничегонеделания следует неожиданный удар — тебя выбрасывают наружу, оттуда, куда ты больше никогда не вернешься, это такой удар по нервной системе. Никогда более!»

Ошо при повторном рождении пришлось столкнуться со сложностями. Самое большое препятствие — это найти подходящую утробу.

> «Для каждой личности, достигшей определенной степени развития, — говорит он, — достаточно сложно выбрать себе для следующего рождения подходящих родителей».

Ошо поясняет, что во времена Махавира и Будды, когда люди в целом имели более высокие духовные качества и обладали более продвинутыми в развитии душами, найти подходящих родителей было легче. В случае Ошо решающим обстоятельством было время ожидания до появления подходящих родителей. В Дадде и Сарасвати он встретил идеальных родителей вследствие их духовных качеств, любящей натуры и высокой степени осознанности.

Ошо ждал 700 лет, чтобы подыскать себе для нового рождения подходящую пару, он объясняет, как он вычислил этот промежуток в 700 лет. Однако он сначала пояснил различие между исчислением природы времени, которое продвинувшаяся в развитии душа находится в теле, и тем, сколько она является чистым сознанием:

> «Отсчет начинается только с тела. Вне тела срок существования не имеет значения, семь лет прошло или семь веков. Только с обретением тела разница начинает иметь смысл».

Следовательно, чтобы вычислить промежуток между последней смертью и следующим рождением, он применял косвенный способ: он исчислял время, потраченное на то, чтобы осмыслить, кем был в прошлых жизнях и кем бы он мог стать далее после нового рождения.

> «Полагаю, что я знаю ту выдающуюся личность, которой я был в течение моей жизни семьсот лет назад.

В тот промежуток времени, пока у меня не было тела, она могла родиться десять раз. Таким образом, существуют воспоминания о ее десяти прошлых рождениях. Единственно исходя из этих воспоминаний, я могу вычислить, сколько лет я находился без тела».

Поясняя разницу между временем, которое личность находится в теле и в «нетелесном» состоянии, Ошо говорит:

«Это несколько похоже на следующее: в один прекрасный момент я засыпаю и вижу сон. Во сне я вижу, что прошли годы, а через некоторое время вы будите меня и говорите, что я задремал… Во сне эти несколько лет могли пролететь мгновенно. Временная шкала времени сна иная… Если, очнувшись от сновидения, тот, кто этот сон видел, не имеет возможности определить, когда он заснул, тогда будет трудно определить продолжительность времени его сна. Это можно сделать только с помощью часов, например, если в предыдущий раз я проснулся в одиннадцать часов, а сейчас встал, когда на часах только одна минута двенадцатого. Другими словами, я могу узнать это только потому, что вы тоже были здесь со мной (в одно и то же время со мной); другого способа узнать это нет. Следовательно, только таким образом было определено, что прошло семьсот лет».

Ошо делает упор на то, что в отношении духовного роста людям чрезвычайно важно знать об их прошлых жизнях, чтобы они могли начать свои поиски с того места, где они закончили их в прошлом. Так они смогут сберечь значительные запасы энергии и время, предназначенные для поисков Истины в текущей жизни. Он объясняет:

«Таким образом, то немногое, что я рассказал вам о моей предыдущей жизни, происходит не от того, что она имеет какую-то ценность или вам надо что-то обо мне знать.

Я рассказал это только потому, что вы размышляете о самих себе и нацелены на поиски своих прошлых жизней. Те моменты ваших прошлых жизней, которые вы узнаете, станут для вас духовной революцией и эволюцией. Потом вы начнете с того места, на котором закончили в предыдущей жизни; в противном случае вы потеряетесь в бесконечных жизнях и никуда не придете.

Каждая следующая жизнь станет повторением предыдущей».

Ошо рос как всякий обычный ребенок, и все же в нем было нечто совершенно уникальное, отличавшее его от других детей. С самого раннего возраста одной из выдающихся черт его характера была нацеленность на эксперимент. Его интерес к людям, его тонкие наблюдения человеческой натуры, его творческое отношение к действительности и его собственные поиски «настоящего» являлись факторами, непосредственно и прямо определившими его полную экспериментами жизнь.

Его поиски привели к его необыкновенным озарениям относительно окружавшего его мира и человеческой души. С каждым озарением он все ближе и ближе подходил к пониманию, «что есть что».

Юность: годы странствий

Даже будучи ребенком, Ошо проявлял жажду познания Истины. На его поиски повлияли бесчисленные столкновения со смертью. Впервые он пережил шок от встречи со смертью в возрасте пяти лет, когда умерла его младшая сестренка Кусум, которую он обожал. Он был так опечален ее уходом, что отказывался от пищи и упорно вел себя как правоверный джайнский монах, одеваясь в набедренную повязку и нося с собой чашку для подаяний. Его мать описывала эту сцену следующим образом:

> «Когда мы ели, он просил нас сесть в ряд и ходил из конца в конец и просил еды, протягивая чашку для подаяний».

Только после настойчивых убеждений маленький Ошо согласился вернуться к своим обычным, повседневным делам.

Многие из случившихся у Ошо встреч со смертью были частью его собственных экспериментов. Три наиболее значимых случая были предсказаны астрологом. Дед Ошо обратился за предсказанием к одному очень авторитетному астрологу, который, сверившись с астрологической картой Ошо, предсказал, что ребенок не доживет до семи лет. Раз ребенок был обречен на такую короткую жизнь, астролог, как следствие, счел ненужным чертить дальше его натальную карту.

После смерти астролога его сын продолжил работать над натальной картой Ошо. Сын астролога был весьма озадачен и наконец объявил, что ребенок каждые семь лет будет находиться под угрозой смерти и почти наверняка погибнет в возрасте двадцати одного года. Естественно, эти предсказания обеспокоили родителей Ошо и всю их семью. Но, как указывает Ошо, астрологи были в какой-то степени правы. Седьмой, четырнадцатый и двадцать первый годы жизни стали периодами, когда Ошо все ближе и ближе сталкивался со смертью.

Говоря о своем первом, самым глубоком переживании смерти, Ошо рассказывает:

> «В возрасте семи лет я выжил, но глубоко прочувствовал смерть, не на себе, но на примере деда с материнской стороны. Я был так привязан к нему, что его смерть показалась сродни моей собственной. При приближении смерти мой дедушка утратил речь. Мы в

нашей деревне целые сутки ждали, что будет дальше. Однако никаких улучшений не наступило. Я помню, как он старался что-то сказать, но не мог. Он хотел что-то сказать, но не смог произнести этого. Вот нам и пришлось везти его в город на запряженной волами повозке. Медленно, одно за одним, его чувства начали сдавать. Он умер не сразу, но медленно и мучительно. Сначала отказала речь, потом слух, затем он закрыл глаза. Сидя рядом с ним в повозке, я наблюдал все очень близко, а нам предстоял путь в тридцать два километра… Все происходившее тогда было выше моего понимания. Эта смерть была первой, свидетелем которой я стал, и я даже не понимал, что он умирает… Медленное угасание его чувств и сама его кончина глубоко врезались в мою память».

Для Ошо вместе с уходом любимого дедушки рухнул весь мир. Ошо продолжает описывать то, как он чувствовал себя после его смерти:

«Когда он умер, мне казалось предательством принимать пишу. Да, мне просто не хотелось жить. Я ощущал, хотя и по-детски, что произошло нечто очень значимое. Три дня я просто лежал. Я просто не вставал с постели. Я повторял — если он умер, я тоже не хочу жить. Я остался жить, но в эти три дня я сам пережил смерть. Я как бы умер, и я пришел к пониманию — теперь я могу сказать относительно того раза, что это было смутное переживание, — я как бы почувствовал, что смерть невозможна».

Эта смерть повлекла за собой еще одну глубокую перемену в Ошо как в отдельной личности — разрушение горячей, глубоко личной привязанности принесло свободу, возможность быть единственно самим собой — и быть одиноким. Ошо утверждает:

«Смерть взглянула на меня до того, как началась настоящая жизнь. В самом начале моей жизни была разрушена сама возможность того, что кто-то станет для меня важней меня самого. Первоначально существовавшая ценность была низвергнута… Само понятие существования в одиночестве завладело мной в возрасте семи лет. Одиночество стало моей природой. Его смерть навсегда освободила меня ото всех видов человеческих привязанностей. Его смерть стала для меня

> смертью всех связей. С тех пор я не мог завязать с кем-либо хоть сколько-нибудь прочных уз. Как только мои отношения с кем-либо становились слишком близкими, на меня падал взгляд смерти».

Это не означает, что смерть сделала его нелюдимым — только то, что он перестал смотреть на других с точки зрения налаживания прочных отношений. С тех пор смерть сопровождала каждое живое существо, с которым он вступал в близкий контакт. Он воспринимал действительность с той точки зрения, что человек, с которым он почувствовал хоть какую-то близость, назавтра может исчезнуть. Самое существование смерти и бесплодность поисков каких бы то ни было прочных отношений привело его к пониманию, что одиночество делает человека по-настоящему счастливым. Вот как Ошо объясняет это:

> «По мере того как это чувство одиночества становилось все глубже и глубже, в моей жизни стало появляться нечто новое. Сначала это одиночество делало меня несчастным, но понемногу оно начало превращаться в счастье… С тех пор я никогда не чувствовал себя несчастным».

Для него стало очевидным, что его одиночество — это фактически состояние самодостаточности; это состояние, в котором он более не чувствует себя зависимым от других. Это стало на самом деле свободой от зависимости, что навсегда сделало его счастливым. Он утверждает:

> «У меня уже не было иного пути, как только обратиться назад, к самому себе. Я был, так сказать, выкинут назад, к самому себе. Постепенно это делало меня все более и более счастливым. Позже я пришел к ощущению, что это близкое созерцание смерти в нежном возрасте стало для меня скрытым благословением».

Это событие возымело глубокое влияние на взросление ребенка. Сам Ошо говорит об этом в следующих выражениях:

> «Это событие можно рассматривать как первое из оставивших глубокий след в моей душе. С этого дня, каждый день, каждую минуту осознание жизни неизменно ассоциировалось у меня с осознанием смерти. С того момента быть или не быть стало для меня одинаково ценным».

После смерти деда Ошо отправился в дом своих родителей и всей их семьи в Гадарвару. В то время Гадарвара была небольшим городом с примерно 20 000 жителей. Город был расположен в 100 км от города Джабалпур. Его обитатели принадлежали по большей части к народности хинди и занимались торговлей зерном и тканями, а сам город был окружен деревнями, где жили крестьяне-земледельцы.

В семилетнем возрасте Ошо определили в начальную школу Пундж в Гадарваре. Но даже в таком раннем возрасте его творческому уму было тесно в рамках традиционного обучения, и он всячески уклонялся от учебы. В самом начале, почти два года, уговорить его пойти в школу было чрезвычайно сложно. Чтобы увильнуть от похода в школу, он иногда придумывал истории. Однажды он вернулся домой в слезах, говоря, что он больше не пойдет в школу, потому что учитель подверг его телесному наказанию. Мать его огорчилась и попросила младшего дядю Ошо, Шикхарчанда, пойти и все немедленно выяснить у самого учителя. Шикхарчанд взял юного Ошо и направился с ним в школу. По пути, однако, Ошо признался дяде, что притворялся и учитель его не наказывал. Ему просто не нравилось ходить в школу.

Ошо никак не мог привыкнуть к тупому, бессмысленному заучиванию и наплевательски относившимся к работе учителям. Он не нашел чего-то, что ему хотелось бы изучать, не видел в школе ничего, кроме скучных слов, чисел и ничего не значащих деталей — ничего достаточно полезного для продвижения в его внутренних исканиях. Это окончательно разочаровало его в обычных школьных занятиях и фактически породило величайшее отвращение ко всем предметам, изучаемым в школе. Ошо так говорит о тех сильных чувствах, что обуревали его в то время:

> «С самого детства у меня не было интереса ни к одному из предметов, которым обучали в школе — такова моя несчастная история! Я всегда удивлялся, зачем надо запоминать эти глупые названия. Почему, за какие грехи нас наказывают, заставляя запоминать имена каких-то людей, даты, точные даты, точные имена? Ведь все, что создали эти люди, это нечто уродливое! История — это полная ерунда! За что нас так наказывают? Поэтому я никогда не ходил на уроки истории. Я никогда не интересовался изучением языка, ни одного языка, никакого.
>
> Весь мой интерес, с самого начала, состоял в том, как расширить сознание. Никакая история, география,

математика или языки здесь не помогут. Все эти вещи ни на что не годны. Все мое существо двигалось в совсем другом направлении».

Для Ошо оказалось в равной степени трудным поддерживать отношения хоть с каким-либо учителем, потому что он не нашел никого, кто понял бы его запросы или имел опыт в поисках того, что искал он сам. Поскольку это создало о нем совершенно неправильное представление, его стали рассматривать как нескромного и невежливого мальчика. Для самого Ошо это ощущение было полезным. Коль скоро у него опять не появилось кого-то, похожего на наставника, он оказался наедине с самим собой, опять почувствовал себя одиноким.

> «Я никого не мог принять в качестве своего учителя, — объясняет Ошо, — и хотя всегда был готов стать чьим-то учеником, я не нашел никого, кого бы я мог назвать „мой наставник“».

Он и дальше пытался найти кого-то, кто смог бы раскрыть ему феномен смерти, которую бы наблюдал так ярко и близко.

> «Все, кого я встречал, были слишком увлечены жизнью и вовлечены в нее. Человек, который не видел смерть, никогда бы не смог стать моим учителем. Я хотел бы почитать их, но не мог. Я мог почитать реки, горы и даже камни. Я не встретил учителя, к которому испытал бы прилив уважения, потому что не чувствовал, что кто-то знает абсолютную истину, без которой жизнь бессмысленна. Я никогда не ощущал себя маленьким ребенком, который должен оставаться под чьей-то защитой и присмотром. Не к одному человеку я шел — я шел ко многим людям сразу, но всегда возвращался с пустыми руками, поняв, что все, что мне давали, я уже знал. У них ничему нельзя было научиться».

Это еще только активировало его внутренние поиски. По собственным словам Ошо:

> «Меня опять отбросило назад, к самому себе, уже с другой стороны, потому что я никогда не верил и не чувствовал, что истине можно научиться у других людей. Есть только один способ познания, и этот способ — познать все самому».

Но юный Ошо не был окончательно потерян для школы. Прямо с первого класса Ошо прославился своим прекрасным почерком и способностями к рисованию. Он начал читать газеты и журналы во втором классе и тогда же стал — самым юным изо всех — абонентом публичной библиотеки Гадарвары. Еще в начальной школе Ошо проявил свой талант поэта, писал короткие истории, статьи, фотографировал. В шестом классе он самостоятельно издавал рукописный журнал «Прайас», что значит «Попытка».

Среди того, что сделало Ошо популярным, был его необыкновенный талант рассказчика, особенно когда он рассказывал детективные истории. Свами Агеа Сарасвати, друг его детства, с теплотой вспоминает школьные дни, когда после занятий рисованием Ошо обычно рассказывал своим товарищам необыкновенные истории, вычитанные в детективных романах.

Еще одна вещь, развивавшая ум Ошо, была его любовь к природе и его восхищение рекой Шаккар (что значит «сахар»), чьи пресные воды пробегали через Гадарвару. В реке он нашел не только друга, но и учителя. Все его существо стремилось слиться с рекой и ее окрестностями во всех их состояниях. У Ошо есть глубоко поэтичное описание его внутренней связи с рекой:

> «В детстве я рано утром обычно ходил на реку. Это была меленькая речушка, которая текла очень медленно, если только вообще текла. И утром, когда солнце еще не взошло, нельзя было понять, течет река или нет, настолько медленным и спокойным было течение. И утром, когда там никого не было, купальщики еще не появились, там было потрясающе тихо. Даже птицы не пели в такую рань, не слышалось ни единого звука, все было окутано тишиной. А над рекой висел аромат деревьев манго… Я постоянно приходил туда, на самую дальнюю излучину реки, чтобы посидеть там, просто чтобы посидеть. Не было необходимости что-то делать, мне было достаточно просто там находиться. Это было прекрасное состояние — находиться там. Я купался, плавал, а когда солнце поднималось выше, я доплывал до другого места на берегу, где был широкий песчаный пляж, чтобы обсохнуть на солнце, и лежал там, иногда даже засыпал».

Когда мать спрашивала, чем он занимался целое утро, Ошо обычно отвечал: «Ничем». Недовольная ответом, мать настаивала на ответе. Ошо говорит:

«Моя мать настаивала на том, чтобы я чем-то занимался, и я говорил: „Ладно, я купался и сушился на солнце“, и ей этого было достаточно. Но я не был доволен — то, что происходило на реке, было невозможно описать словами. „Я купался“. Это утверждение звучит так бледно и невыразительно. Играть на берегу реки, купаться в реке, плавать по реке — это такие глубокие впечатления, что сказать просто „я купался“ означало не сказать ничего или сказать „я пошел туда, прогулялся по берегу реки и посидел там“ — это все не передает никакого впечатления».

Ошо повезло найти человека, который так же глубоко любил реку. Этот человек дал Ошо первые уроки плавания и научил общаться с рекой. То, как этот наставник плавания учил его плавать, дало юному Ошо очень мощный толчок к внутреннему прозрению, как сохранить собственную цельность. Вот как Ошо описывает это:

«В детстве меня послали обучаться плаванию к мастеру. Он был лучшим пловцом в городе, и никогда более я не встречал человека, который любил бы воду так преданно, как он. Вода была для него божеством, он преклонялся перед ней, а река было его родным домом. Рано, в три часа утра, его уже можно было найти у реки, а ночью его можно было найти сидящим и медитирующим на берегу. Смысл его жизни состоял в том, чтобы находиться поближе к реке…

Когда меня привели к нему, я хотел научиться плавать. Он взглянул на меня и что-то почувствовал. Он сказал: „Не существует способа научить плавать. Я просто могу кинуть тебя в воду, и способность плавать снизойдет на тебя сама собой. Нет способа научить этому. Этому научить нельзя. Это же умение, а не знание“. И вот что он сделал. Он кинул меня в воду, а сам стоял на берегу.

Два-три раза я уходил на дно, чувствуя, что тону. Он просто стоял там — даже не пытался мне помочь. Конечно, когда на карту поставлена ваша жизнь, вы сделаете все от вас зависящее. Так и я принялся бить руками что есть силы. Это были бестолковые, лихорадочные движения, но умение пришло. Когда на карту поставлена ваша жизнь, вы сделаете абсолютно все, что можно, самое невероятное, вот тогда случается

невероятное! Я смог выплыть! Я был потрясен! „В следующий раз, — сказал я, — вам не придется кидать меня в реку, я прыгну туда сам“. Сейчас я знаю, что в теле существует природная плавучесть. Дело не в том, чтобы поплыть, дело только в том, чтобы настроиться на одну тональность с водой. Если вы с ней действуете в одной тональности, она поддержит вас».

Свами Агеа Сарасвати рассказывает об одном случае в детстве Ошо, который еще лучше характеризует его отношения с рекой.

«Необыкновенной радостью было проводить с Ошо ночь у реки. Это было невероятно и иногда страшно, потому что никто из нас, его друзей, не мог предположить, что он вздумает делать, пока мы бродим по берегам реки. Он был совершенно непредсказуем, или, говоря другими словами, являлся абсолютно стихийной личностью, но мы следовали за ним, полностью ему доверяя и жаждая приключений. Большую часть времени мы проводили, купаясь с Ошо в реке. Даже если вода в реке опасно поднималась, Ошо требовал, чтобы мы прыгали в воду и плыли через реку. И не только это — он указывал нам на противоположном берегу определенное место, которого следовало достичь. Нам этого никогда не удавалось, потому что течение было слишком сильным, и нас относило за несколько миль от предполагаемого места. Ошо же, напротив, всегда удавалось достичь указанного места, где, как предполагалось, нам следовало встретиться».

Река также служила Ошо убежищем. Когда ему было особенно грустно, он обычно приходил на реку и сидел там, медитируя. Его друзья отмечают два особых случая — когда умер его товарищ по играм, Шаши, и еще 30 января 1948 г., когда был убит Махатма Ганди. Услышав новость о смерти Махатмы Ганди, Ошо сказал своим друзьям, что так огорчен, что даже не способен плакать. В тот вечер он с друзьями ушел на реку, чтобы провести время в медитации.

Для Ошо река и ее окрестности была идеальным местом для проведения глубоких медитаций. Однажды, когда у Ошо спросили, совершал ли он когда-либо какую-нибудь садхану (духовную практику), он припомнил очень интересную историю. Когда кино еще было в Гадарваре в новинку, сеанс обычно длился четыре-пять часов, а иногда и больше, потому что проектор часто

ломался. Ошо уходил из дома ранним вечером, сказав родным, что идет в кино. Но вместо этого он проводил время на речном берегу, лежа голым на песке. Родные, знавшие о кинотеатре, никогда не спрашивали у Ошо, где он бывает поздно вечером. Его слияние с рекой, таким образом, стало экспериментом в области полного и глубокого расслабления. Это помогло ему изучить самые глубокие уровни своего сознания.

Также Ошо использовал реку для глубокого изучения смерти. Его дяди, друзья и родственники рассказывают, как он прыгал в разлившуюся реку и переплывал ее, или как он взбирался на мост высотой в 21 м и прыгал оттуда в бурлящую воду Одним из экспериментов, от которого волосы встают дыбом, был нырок Ошо прямо в водоворот. Для него же нырок в водоворот стал «одним из самых прекрасных впечатлений». Ошо так описывает природу водоворота и свой опыт:

> «В реках, особенно во время паводка, образуется много мощных и опасных водоворотов. Вода движется по кругу, закручиваясь винтом. Если вы попали в такой водоворот, он захватывает вас, силой тащит на дно, и чем глубже вы погружаетесь, тем быстрее вращение. Естественная реакция вашего существа это, разумеется, бороться с вращением, поскольку оно кажется нам смертельно опасным. Но если вы боретесь с ним в полноводной реке или рядом с водопадом, где образуется много водоворотов, вы скорее всего погибнете, потому что водоворот очень мощен. Вы не сможете перебороть его. А природа водоворота такова: на поверхности он велик, но чем глубже вы погружаетесь, тем меньше и меньше он становится — меньше, но сильнее. А у самого дна он так мал, что вы сможете выбраться из него безо всякой борьбы. Фактически у самого дна водоворот выбросит вас сам. Но вам надо добраться до дна. Если вы боретесь с ним на поверхности, он вас одолеет. Вы не сможете выжить. Я проводил такие эксперименты со многими водоворотами. Впечатления были превосходны».

Это описание иллюстрирует озарения Ошо относительно смерти. Чем сильнее вы боретесь со смертью, тем более она охватывает, ломает и поглощает вас. Но если вместо того, чтобы сопротивляться ей, вы медитативно позволите себе глубоко погрузиться в нее, то обязательно выйдете из нее с потрясающими, волнующими впечатлениями. Если вы погружаетесь в таинства и достигаете дна, то автоматически

выходите из них невредимым и свободным от страха.

Для ребенка поглощенность Ошо феноменом смерти была весьма необычна. Сопровождать людей, несущих мертвое тело к месту кремации, стало его обычным занятием. Когда родители спросили Ошо, почему он так часто ходит на площадку для кремации вместе с похоронной процессией, он сказал:

> «Меня не интересует этот человек. Смерть — очень красивое явление и вдобавок одно из самых таинственных. Такое нельзя пропускать».

Далее Ошо добавил:

> «В тот момент, когда я слышал, что кто-то умер, я немедленно оказывался там, всегда наблюдая за происходящим, поджидая, что случится». Он наблюдал и слушал, как люди философствуют о смерти и цитируют строки из священных книг. Все это очень раздражало Ошо. «Мне начало казаться, что люди на самом деле стараются не думать о смерти. Занимаясь разговорами, они пытаются отвлечься от того, что происходит. Они даже не смотрят на покойного. Вот в чем дело! Смерть рядом, а вы ее обсуждаете! Что за глупцы!»

Свами Агеа Сарасвати утверждает, что маленьким мальчиком Ошо часто ходил один ночью на площадку для кремации и проводил там лежа долгие часы.

Эта необычная особенность поведения беспокоила семью Ошо. Частично от того, что это было противоестественно, частично от того, что ему должно было исполниться четырнадцать, еще один семилетний срок, в который ему была предсказана гибель. На этот раз Ошо также удалось физически выжить, хотя он сознательно пошел навстречу смерти. Он сказал родным, что если смерть, как это предсказал астролог, неизбежна, будет лучше, если он приготовится к ней заранее. Он захотел встретить смерть на полпути, он сознательно хотел пойти ей навстречу. Родные были потрясены и озадачены, услышав это, но не стали вмешиваться в его планы.

Ошо был полон решимости выполнить свои планы. Он пошел к директору школы и попросил освободить его от занятий на семь дней. Он сказал директору, что собирается умереть. Директор не поверил своим ушам. Думая, что Ошо собирается совершить самоубийство, он потребовал объяснений. Ошо рассказал директору о предсказании астролога относительно возможной гибели на четырнадцатом году жизни. Он также сказал

директору: «Я хочу уединиться на эти семь дней ожидания смерти. Если смерть придет, то лучше встретить ее в сознании, потому что это добавит мне опыта». Директор был в замешательстве, но отпустил Ошо на эти семь дней.

После этого Ошо отправился в старый, уединенный храм рядом со своей деревней. Там находился жрец, следивший за этим храмом. Ошо сказал, что его не следует беспокоить, и попросил жреца приносить ему один раз в день что-то из еды и питья, пока он будет лежать в храме в ожидании смерти. Для Ошо это стало прекрасным жизненным опытом. В действительности смерть, разумеется, так и не пришла, хотя Ошо сделал почти все возможное, чтобы «умереть». Он прошел через странные и необычные ощущения. Много чего с ним произошло, но по словам Ошо: «Самое характерное из того, что вы чувствуете, когда вот-вот умрете, это то, что вы становитесь более спокойны и молчаливы». Некоторые из впечатлений в течение этого эпизода действительно завораживают. В отношении страха смерти Ошо рассказывал об одном особом случае.

> «Я лежал там. На третий или четвертый день в храм вползла змея. Это было в поле моего зрения, я ее видел. Но меня это не испугало. Неожиданно меня охватило странное чувство. Змея подползала все ближе и ближе, и я чувствовал себя очень странно. Страха не было. Вот я и подумал — может быть, моя смерть придет ко мне вместе с этой змеей, тогда зачем пугаться? Ждать! Змея переползла через меня и исчезла. Страх испарился. Если вы принимаете смерть, страха не будет. Если вы цепляетесь за жизнь, все страхи будут с вами».

Коль скоро смерть принимается как реальность, ее приятие немедленно создает расстояние, точку, с которой каждый может наблюдать за течением жизненных событий. Это возвышает над страданиями, печалью, заботами и разочарованиями, которые обычно сопровождают подобные события. Ошо описывает свои впечатления, связанные с таким состоянием отстраненности:

> «Много раз мухи вились вокруг меня или ползали по мне, прямо по лицу. Иногда меня это раздражало, и мне хотелось их согнать, но потом я привык справляться с собой — какой в этом толк? Рано или поздно, я начну умирать, и здесь не будет никого, кто бы мог укрыть мое тело. Так пусть все будет как будет. В тот момент, когда я позволил мухам вести себя как им вздумается, раздражение исчезло. Они по-прежнему ползали по

моему телу, но меня это как будто не касалось. Они как будто ползали по чьему-то чужому телу. Это было как бы на расстоянии. Если вы принимаете смерть, появляется отстраненность. Жизнь со всеми ее заботами и хлопотами проходит где-то далеко».

Вряд ли можно сказать, что Ошо так уж верил в предсказания астролога. Тем не менее это дало ему хорошую возможность, побудило к изучению и пониманию смерти. Ошо заключает:

> «Физически я, конечно, однажды умру. Однако то предсказание астролога помогло мне тем, что подтолкнуло к раннему осмыслению смерти. Я мог рассуждать и воспринимать ее наступление почти сознательно».

Таким образом, путем напряженного и созерцательного прохождения через состояние смерти, Ошо убедился, что даже если его тело могло умереть в том смысле, что перестало отвечать на какие-то раздражители, его сознание оставалось бы полностью активным. Он рассуждает:

> «В некотором отношении я умер, но я пришел к пониманию того, что также существует нечто вроде бессмертия. Если вы полностью принимаете смерть, вы начинаете осознавать ее».

Плавал ли он в полноводной реке Шаккар или искал других приключений, Ошо оставался прирожденным лидером довольно опасной мальчишеской ватаги. Его приятели бесконечно любили и уважали Ошо. Он был не только их товарищем по оружию, но их наставником и проводником. Они были поражены остротой его ума, его отвагой и творческим настроем. Ошо отвечал своим товарищам любовью и тепло заботился о них. Он не только сам экспериментировал и познавал новое, он воодушевлял на то же самое своих товарищей. Чтобы избежать повторений, они каждый день придумывали новое занятие. Ошо постоянно напоминал им, что надо бороться против предрассудков и лицемерия.

Компания Ошо была хорошо известна жителям города благодаря их бесстрашным выходкам: поговаривали, что даже местные воры и убийцы избегали вставать на их пути. Их проделки совершались днем, а в полнолуние они развлекались тем, что отвязывали осликов и катались на них до самого рассвета. Поток жалоб от возмущенных жителей постоянно обрушивался на семью Ошо. Его отец, слушая шутливые

отговорки сыночка, обычно был в замешательстве и не знал, что делать, поскольку догадывался, что большинству жертв не на что было жаловаться — разве что на ущемленное самолюбие.

В целом Дадда не обращал внимания на жалобы, но был один случай, когда, рассердившись не на шутку, он запер Ошо в его комнате. Он отказывался выпустить сына до тех пор, пока он сам не успокоился, однако наказание оказалось бесполезным, поскольку Ошо прекрасно чувствовал себя в своем собственном обществе. Он оставался взаперти несколько часов, не совершая ни одного движения и не издавая ни одного звука. Когда Дадда обеспокоился этой тишиной, Ошо с прохладцей в голосе сообщил ему, что беспокоиться не о чем и он будет просто счастлив оставаться в комнате сколь угодно долго. Несколько раз учитель наказывал Ошо за то, что тот опаздывал на уроки. Он заставлял его бегать вокруг школьной спортплощадки. Но и эта идея возымела обратное действие, поскольку Ошо обожал физические упражнения и продолжал опаздывать, чтобы почаще оказываться на спортплощадке. В конце концов учитель сдался!

Первый бунтарский поступок Ошо пришелся на седьмой класс. Директор школы был приверженцем строгой дисциплины, особенно внимательно надзиравшим за соблюдением правил поведения в школе. Свободолюбивый дух Ошо всегда противился навязанной ему дисциплине. Он верил в свою собственную, спонтанную дисциплину. В школе всем предписывалось носить матерчатые шапочки, Ошо же, однако, разрешалось носить шерстяную шапочку, единственную на всю толпу учащихся. Однажды Ошо пришел в кабинет директора и спокойно заявил, что с этого момента обязательное ношение шапочек в школе отменяется, и если их ношение не станет добровольным, учащиеся устроят забастовку. У директора хватило здравого смысла, чтобы правильно просчитать ситуацию, и с этого дня надевать головные уборы стало необязательным. Позже Ошо провел в школе еще несколько кампаний протеста против бессмысленных правил, строгой дисциплины и ханжеского поведения учителей.

Бунтарство Ошо также находило свое выражение в форме проделок, целью которых чаще было отнюдь не выставить напоказ лицемерие общества и уязвить чье-то эго. Его шутки и поддразнивание не были злобными и не были направлены на то, чтобы кого-то уколоть — все, что он делал, было добродушной шуткой. На первый взгляд казалось, что его энергия направлена на какого-то человека, но на самом деле он метил в устаревшие обычаи или эгоцентричное поведение. Человек как таковой никогда не являлся его мишенью, он нападал только на

застывший стереотип.

То, что Ошо творил в своем маленьком поселении, было похоже на те насмешки, которыми позднее он осыпал священников, жрецов, папу римского, ученых мужей и политиков. Без оскорблений, но с поучением. О природе и свойствах чувства юмора Ошо можно судить по одной интересной истории, рассказанной его другом Свами Агеа Сарасвати. Это превосходный пример того, как он мог вовлечь в свои исследования человеческого поведения ничего не подозревавших людей. Это было в его натуре — получать удовольствие от того, чтобы выставить напоказ того, кого он позднее назовет «правильной жертвой».

В Гадарваре был один врач, который заказал вывеску со своим именем и длинным списком академических степеней. Когда врач находился в своем офисе, Ошо с его друзьями с другой стороны улицы принимались громко читать его имя и звания. Компания получила от Ошо указания, что каждый раз, когда кто-либо пройдет мимо клиники, он должен будет прочитать вслух написанное на вывеске. Врачу это уже начало надоедать, но мальчишки не унимались. В конце концов доктор потерял терпение и предъявил претензии родителям юнцов. Родители же растерялись, услышав такие жалобы — они не видели в этом ничего обидного, разве что это выглядело несколько странно, и в целом это их скорее позабавило. Эта история вскоре получила известность в городке, так же как и то, что врач высказал свое недовольство. Но в конце концов до врача дошло, что длинная вывеска свидетельствует о его зазнайстве, и потихоньку убрал ее.

Хотя Ошо никогда не интересовался политикой, его юный ум вполне осознавал все то, что происходило вокруг.

В то время Индия находилась под британским правлением, и Ошо был против этого. Еще один друг его детства, Гулаббхай, делясь воспоминаниями об Ошо, рассказывает о том, как глубоко Ошо был обеспокоен политической и общественной несправедливостью, царившей тогда в Индии. Гулаббхай, который был тесно связан с Ошо с 1940 по 1950 г., стал его учеником, хотя и был на девять лет старше.

> «Жить без надежды в неустойчивом мире и все же быть бесстрашным, являлось выдающимся качеством Ошо, — говорит Гулаббхай. — Мы всегда восхищались тем, как он выказывал свою смелость в выявлении пороков общества. Хотя Ошо был самым молодым из нас, мы относились к нему с благоговением и величайшим уважением. Те качества бунтаря, которые мы сейчас

видим на всемирном уровне, нам повезло наблюдать в более обыденной обстановке в наши школьные дни».

Как говорил Гулаббхай, Ошо никогда не выражал желания заняться политикой — его главный вклад в жизнь общества состоял в том, что он твердо высказывался против угнетения, несправедливости и ханжества. Будучи решительно против британского правления в Индии, он никогда не принимал постоянного участия в деятельности партии Индийского национального конгресса или другой политической партии. Он всегда выступал независимо. Однако было время, когда Ошо принимал активное участие в борьбе за свободу, пусть и недолго.

В 1949 г. представитель Индийской национальной армии (Indian National Army — INA) под предводительством Субхаша Чандра Бозе встретился с Ошо и его дядей Шикхарчандом. Он убедил их организовать молодежное крыло INA с Ошо в качестве капитана. Ошо также был участником другого националистического движения, Раштрия Свамесевак Сангх (Rashtriya Swayamsevak Sangh — RSS), но и в нем тоже надолго не задержался. Он быстро вышел и из INA, и из RSS, поскольку не принимал их внутренней дисциплины, идеологии или системы. Его мнение о Махатме Ганди лежало в той же плоскости. Хотя Ошо восхищался искренностью и неутомимыми усилиями Ганди, но его идеи и категоричность никогда не привлекали Ошо, и он откровенно высказывался относительно политических взглядов Ганди.

Экспериментирование занимало в жизни Ошо такую же значительную часть, как и его бунтарство. Каждый день он делал что-то новое и отличное от предыдущего — поиски продолжались на всех уровнях. Он экспериментировал со сном, выбирая для пробуждения и отхода ко сну разное время; он пробовал поститься и есть в необычные для этого часы, он медитировал, стоя в реке, в лесу, под дождем. Он экспериментировал с оккультизмом и задержкой дыхания по йоге, с магией и телекинезом. Он также успешно экспериментировал с гипнозом.

«Часто к своим экспериментам Ошо привлекал друзей», — рассказывает еще один друг детства Ошо, Свами Сукхрадж Бхарти. Сукхрадж припоминает, как однажды, когда они катались на лодке, Ошо столкнул в воду мальчика, не умевшего плавать, и старательно присматривая, чтоб тот не утонул, заставил его самого бороться за жизнь. Несколько раз он толкал голову пловца в воду на несколько секунд. Когда бедняга выныривал, Ошо спрашивал: «Ну и как это?» Он имел в виду — насколько напряженным был эксперимент, каково это — быть под водой без

возможности вдохнуть воздуха? Потом Ошо объяснил, что только тогда, когда речь идет о том, чтобы остаться в живых, и человек подходит к точке наивысшего напряжения, тогда начинаются настоящие поиски Бога.

Один памятный эксперимент молодого мастера включал в себя восхождение на утес в полночь. Друг Ошо, Свами Агеа Сарасвати, вспоминает:

> «Он вел нас на прогулку вдоль реки в темную полночь. Потом он велел нам подниматься на высокий холм и идти по самому краю крутого обрыва. Это был эксперимент, от которого волосы вставали дыбом. Мы были напуганы до смерти. В сотне метров внизу лежала пропасть. Один неверный шаг — и мы полетели бы вниз навстречу смерти. Когда бы он ни брал нас на такие опасные прогулки, мы, однако, всегда знали, что его главное намерение состояло в том, чтобы мы бесстрашно предались этому эксперименту; его главная цель состояла в том, чтобы сделать наши действия все более и более осмысленными, а нас — более отважными и бесстрашными».

Экспериментирование по большей части было направлено на накопление опыта в состоянии медитации. Ошо описывал эксперименты с прогулками по краю обрыва и с прыжками в воду с моста как примеры перехода в трансцендентные состояния разума:

> «В детстве я обычно брал своих друзей на реку. Мы шли по узкой тропинке вдоль берега реки. Идти по самому обрыву было очень опасно, один неосторожный шаг — и ты летишь прямиком в реку, а это было самое глубокое место. Там никто не ходил, но это было самое любимое мое место. Я старался провести своих друзей по самому узкому карнизу. Очень немногие были готовы идти со мной, но те, кто пошел, получали великолепные впечатления.
>
> Все они рассказывали мне: „Это так странно — но мысли замирают!“ Иногда я вел моих друзей к железнодорожному мосту, чтобы прыгать с него в реку. Это было опасно и… запрещено. Там на часах всегда стоял полицейский, потому что туда, чтобы свести счеты с жизнью, часто приходили самоубийцы. Чтобы полицейский позволил нам прыгать, нам приходилось подкупать его. Постепенно он начал понимать, что к

мосту приходят одни и те же люди, которые не собираются умирать и совершенно не заинтересованы в том, чтобы покончить с собой.

На самом деле он постепенно полюбил нас и перестал брать у нас подношение. Он говорил: „Можете прыгать. Я не стану смотреть в эту сторону. Можете приходить, когда хотите“. Мост был очень высоким… Перед тем как вы сталкивались с поверхностью воды, проходил промежуток времени между мостом и рекой, когда ум неожиданно отключался. Это было мое первое мимолетное знакомство с медитацией; вот так я все больше и больше заинтересовывался медитацией. Мне было интересно выяснить, как можно было бы достичь этих мгновений без того, чтобы идти в горы, на реку или какие-то там мосты; как человек может позволить себе войти в эти пространства, никуда не перемещаясь, просто прикрыв глаза. Попробовав это однажды, это уже нетрудно повторить».

Главной составляющей всех экспериментов была смелость. Ошо всячески поддерживал мысль о том, что ищущий истину и есть тот, кто постоянно экспериментирует, а для эксперимента нужна смелость.

«Смелость (по Ошо) — это величайшее качество, потому что без смелости не существует свободы, а без свободы нет истины…»

Сам Ошо прилагал большие усилия, чтобы постоянно быть настороже и в ясном уме. Когда он учился в средней школе, например, один из учителей, которого Ошо любил и которым восхищался, настаивал на том, чтобы на ежедневной перекличке учащиеся отвечали «Присутствует, сэр!», а не «Здесь, сэр!». На это Ошо говорил:

«Если имеется в виду настоящий момент, это просто нелепо. Нет никакой разницы, говорить ли „Присутствует, сэр!“ или „Здесь, сэр!“. Но у меня появилось чувство, что для него это почему-то важно, и я принялся об этом размышлять. И когда бы он ни вызывал меня, я всегда отвечал „Присутствует, сэр!“, и я не просто отвечал — я это еще и чувствовал: я действительно присутствую, я настороже, осознаю окружающее. И получал замечательные мгновения, целые полминуты. Я становился настолько

„присутствующим“, что класс исчезал и учитель исчезал вслед за ним».

Ошо был в такой же степени настроен на восприятие окружающей действительности. Он говорит:

> «Я родился в джайнистской семье и, естественно, как и все остальные ее члены, был скован теми же условностями. Условности настолько незаметны, что, если ты однажды дал им собой овладеть, ты становишься неспособен думать или видеть самостоятельно. Ты делаешься глух ко всему, что идет вразрез с условностями. Но я был постоянно начеку, постоянно бдителен, следовательно, не дал условностям себя захватить».

Но это было не ранее того, как те же самые условности доставили ему некоторые неприятности.

Традиционно джайнисты не принимают пищу после захода солнца. Ошо также придерживался этого обычая, но однажды это причинило ему жуткие страдания. Ошо припоминает следующий случай:

> «К восемнадцати годам я ни разу не ел ночью. Однажды я пошел с несколькими друзьями посмотреть на крепость, таившуюся далеко в джунглях. Крепость была такая красивая, что мы, с восторгом осматривая ее, провели там целый день. Другие, которые были индусами, не позаботились, чтобы приготовить еду в течение дня. Я был единственным джайнистом, и я не мог настаивать, потому что остальные тринадцать человек не выказали к этому никакого интереса. Поэтому я помалкивал.
>
> Ночью они приготовили поесть. После целого дня блуждания по лесу и руинам древнего замка я был усталым и голодным. Я действительно никогда не испытывал такого голода, но восемнадцать лет соблюдения условностей напоминали мне, что я не могу есть ночью. А они стали готовить такую вкусную пищу… Они пытались убедить меня поесть, говоря, что здесь никого нет и никто не расскажет об этом моей родне или родителям, никто ничего никогда не узнает. Я сопротивлялся, но чем сильнее я сопротивлялся, тем сильнее становился соблазн. В конце концов я сдался и начал есть. Еда была очень вкусная. Но всю ночь я

ужасно страдал. Меня вырвало по крайней мере семь раз. Отбросить эти восемнадцать лет условностей было не просто. Я не мог переварить пищу, все мое тело протестовало. Только после того, как вся еда оказалась снаружи, я смог заснуть…»

Еще в раннем возрасте Ошо выказывал искусство мыслить рационально и затем удачно облекать мысли в слова. Он произносил речи и участвовал в диспутах с шестого класса средней школы. Его любовь к словесности получила толчок к развитию в девятом классе и с тех пор постоянно развивалась. Свами Агеа Сарасвати рассказал мне, что Ошо — даже в такие юные годы — был известен своей способностью разнести в пух и прах любого оппонента и обезоружить его своими аргументами. По словам Ошо:

> «Мне всегда было легко высказываться. Я начал излагать мои взгляды еще до того, как достиг просветления. Умение говорить пришло ко мне до просветления естественным образом. Я никогда не обучался ораторскому искусству и не ходил в школу, где бы ему обучали Я даже не прочел ни одной книги по ораторскому мастерству. С самого детства я был спорщиком, и всем вокруг хотелось, чтобы я замолчал… В семье, в школе, в колледже, а потом и в университете все мне постоянно говорили: „Замолчи немедленно!“. Но все это дало мне замечательную возможность учиться все лучше и лучше выражать свои мысли. Для меня стало совершенно естественным спорить с соседями, с учителями или просто на улице — повсюду. Простая встреча с каким-то человеком становилась для меня достаточным поводом поспорить».

Исключительное ораторское мастерство впоследствии сделало Ошо весьма востребованным. Однажды он выступил в семидневной дискуссии на религиозные и духовные темы в доме своего друга. Совсем еще юным его иногда приглашали выступить в дебатах с известными гуманитариями, священнослужителями и учеными мужами. Им всегда было неуютно от его проницательных замечаний и остро поставленных вопросов. Иллюстрацией к этому может служить речь Ошо, которую он произнес на праздновании Дня учителя 5 сентября в районной национальной средней джайнистской школе в Джабалпуре. Ошо шокировал аудиторию следующими словами: «Сегодняшний день — самый несчастный для учителей… Этот день следует

отметить особо, потому что С. Радхакришнан[16], некогда бывший учителем, сейчас является президентом. Настоящей честью для учителей могло бы стать то, что президент отказался бы от президентства и стал учителем».

Страстные поиски истины заставили его много читать, часто ночами напролет. От этого у него возникала головная боль, ему приходилось прикладывать ко лбу болеутоляющий бальзам и снова приниматься за чтение. На рассвете он шел на реку, чтобы искупаться. Подростком он играл в такие игры, как хоккей на траве, футбол и волейбол, хотя чтение интересовало его больше. У многих книг публичной библиотеки Гадарвары в карточках стоит подпись Ошо, означающая, что он был единственным читателем этих книг. Диапазон этих книг простирается от политики и философии до науки, религии и детективных романов. Он не только сам много читал, но и настаивал на том, чтобы его друзья читали что-то кроме обычных школьных учебников. Индийский лауреат Нобелевской премии по литературе Рабиндранат Тагор[17] был одним из его любимых авторов.

В юности, поскольку он запоем читал работы Маркса и Энгельса и другую коммунистическую литературу, Ошо считали коммунистом. Из-за его ненасытной страсти к чтению он часто пропускал школьные занятия, и ему угрожало исключение из школы. Его интерес к коммунизму во время учебы в средней школе вырос из его сочувствия к беднякам. С помощью товарищей он собрал небольшую библиотеку, которая состояла по большей части из книг о коммунизме.

Несмотря на серьезный интерес к коммунизму, сам Ошо все-таки склонялся к социализму. Он с друзьями верил, что социализм является ответом на тяжелую экономическую ситуацию в Индии. Но уже в средней школе он начал относиться к этой идее критически. Действительно, примерно в 1950 г., по словам его друга Гулаббхая, Ошо начал критиковать основных лидеров Индийской социалистической партии, таких как Джайа Пракаш Нарайан. Однажды Ошо в качестве наблюдателя даже посетил национальное исполнительное собрание Социалистической партии, проходившее в горном курортном местечке Панчмартхи. Собрание стало для него полнейшим разочарованием.

Их (Ошо с друзьями) юношеская озабоченность бедностью распространилась до фантазий о том, чтобы стать Робин Гудом и его веселыми товарищами. Говорят, что они планировали купить оружие и выправить в полиции разрешение на то, чтобы с его помощью заставлять богатых делиться с бедняками. Но план,

разумеется, выполнен не был. Ошо, по словам его дяди Амритлала, даже сформировал группу молодых людей, которые регулярно обсуждали коммунистическую идеологию и свое неприятие религии. Амритлал видел на стене, в месте их встреч, надпись:

«Религия — это опиум».

На этой стадии своей жизни Ошо оставался атеистом, открыто критикующим религиозные ритуалы и слепую веру в священные тексты. (Надо подчеркнуть, однако, что медитации, которые практиковал Ошо, не являлись частью религиозного ритуала или предписанием какой-то религии. По представлениям Ошо, медитация по сути своей является мирским феноменом, ничего не имеющим общего с какой-то религией.)

> «Те, кто знал меня с детства, никогда бы не поверили, что религия и я когда-либо будем иметь что-то общее. Это было вне их понимания, поскольку я всегда боролся против того, что они звали или понимали под религией. То, что они называли культом, для меня было чистейшей ерундой. Тот, кого они называли санньясином, для меня был просто беженцем от действительности. То, что они называли священными книгами, пред которыми они преклоняли головы во время богослужений, было всего-навсего обыкновенными книгами, на которые можно было положить усталые ноги. Все, что бы они провозглашали не подлежащим сомнению, мне казалось неправильным и подозрительным. Их Бог, их души и их спасение были для меня предметом шуток и развлечения».

Поиски Ошо оставались целиком духовными. Духовные поиски продолжали быть подтекстом всего того, что он делал. Сложилось так, что его разочарование в Марксе и социалистических идеях принесло ему ясное понимание того, куда ему следует двигаться и каково его предназначение. Ему стало совершенно очевидно, что корни людской бедности и несчастий не кроются в какой-то отдельной социальной или политической системе. Вероятнее, их происхождение надо искать еще в чем-то. Ошо пришел к пониманию, что только революция в умах, а не в политике может принести мир и счастье. Еще один давний друг Ошо, Шьям Сони, припоминает:

«Однажды, когда мы учились в средней школе,

ночью, в полнолуние, некоторые из нас сидели на берегу реки. Было около одиннадцати часов, все вокруг было так тихо и мирно. Неожиданно Ошо нарушил тишину и сказал, что его предназначение в религии и нигде еще. Его место в религии. Мне понравилась его уверенность, но я ему не поверил. Потому что в те дни он был очень увлечен коммунизмом. Однако мне не пришлось долго ждать, и с той ночи я начал замечать, что все, не касающееся религии, стало для него абсолютно неважным».

Этот переход интересов Ошо от коммунизма и социализма к религии и духовности произошел между 1945 и 1950 гг.

Несмотря на его внешнюю активность и увлеченность разными идеями, Ошо оставался очень любящим и уважительным по отношению к членам своей семьи. Однако он, в случае необходимости, без колебаний и откровенно высказывал свои взгляды и всегда проявлял твердость в своих решениях. Следующий случай между Ошо и его отцом иллюстрирует это обстоятельство.

«В детстве мне нравилось носить самые длинные волосы, какие только было возможно. Жилье и магазин моего отца находились в одном доме, и обычно я проходил в дом и из дома через магазин. Отец очень смущался, когда его спрашивали, что это за девочка. В Индии только женщинам позволяют носить длинные волосы, и, естественно, его смущало и злило, что из-за меня каждый день происходят какие-то недоразумения. Наконец он разозлился до такой степени, что взял ножницы, поймал меня и отрезал волосы. Я сказал: „Ты можешь отрезать мне волосы, но помни — я этого так не оставлю!“ „Что ты имеешь в виду?“ — спросил он. „Завтра увидишь“, — ответил я и отправился на другую сторону улицы, где располагались все парикмахерские салоны. У меня был друг, старый поклонник опиума. Я любил этого человека, потому что он, сбрив кому-то один ус, говорил: „Погодите, мне надо кое-куда сходить“ и уходил на несколько часов, а этот человек оказывался в ловушке, потому что не мог никуда пойти с одним усом… Вот таким приятным человеком он был; он часто повторял: „Не надо беспокоиться. Если тебе не нравится, можешь мне ничего не платить“.

Я обычно сидел в его маленьком салоне, болтая обо всем на свете, потому что это было весело… Вот я и

пошел к нему, потому что это был единственный человек, который мог бы выполнить то, что я задумал. Я сказал: „Я устал от этих длинных волос. Просто обрей меня наголо“. В Индии ребенка бреют наголо только, если у него умирает отец. Несколько секунд он колебался. „Твой отец очень рассердится, вот что я тебе скажу!“ „Не беспокойся, — сказал я. — Я за это отвечаю. Ты единственный смелый человек; ни один другой парикмахер не отважится срезать мне волосы“. Вот он и согласился.

Он начисто сбрил мои волосы, и таким я вошел в магазин моего отца. Взглянув на меня, его покупатели сразу же спросили: „Что стряслось с этим бедным мальчиком? У него умер отец?“ Тут ему оказалось еще более неудобно признать, что он мой отец. Он позвал меня в дом и сказал: „Ну, это уж слишком“. Я ответил: „Я тебя предупреждал. Если я что-то делаю, то иду до конца. Сегодня говорю тебе раз и навсегда — запомни, если ты будешь вмешиваться в мои дела, я снова пойду на крайности“.

Люди, жившие по соседству, принялись спрашивать… и когда видели моего отца, говорили: „В нем дело? Вы живы? А я собственными глазами видел вашего сына обритым наголо“. В школе мои учителя и классный руководитель тоже решили, что мой отец скончался, и были ужасно опечалены. Они говорили мне: „Мы зайдем к вам, чтобы выразить свою скорбь и соболезнования“. Я разрешал им прийти, и когда они приходили и видели моего отца, сидящего там, то попадали в весьма странное положение. Мой отец спрашивал их: „Зачем вы пришли? Ведь должна же быть какая-то причина?“ Они отвечали: „Ну да, была… Ваш сын так странно выглядит, что мы говорили ему: „Он был хорошим человеком“, он даже не сказал нам, что вы все еще живы“. Это был последний раз, когда он пошел мне наперекор. Он понял, что это опасно».

В шестнадцать лет, когда умерла от тифа Шаши, подруга его детства, Ошо получил еще один тяжелый удар. Она жила рядом с тем старым храмом, где Ошо «умирал» в четырнадцать лет. Ее отец был врачом. Шаши была на пару лет моложе Ошо и глубоко его любила. Когда бы Ошо ни шел медитировать в храм, она наблюдала за ним из своего сада или через окошко. Часто она шла вместе с ним в храм, что иногда досаждало юноше, который

обычно предпочитал одиночество. Ошо просил одного из своих друзей присматривать за дверью храма, чтобы Шаши не помешала ему во время медитаций. Несмотря на это, Шаши знала, что Ошо отвечает на ее любовь взаимностью. Он нежно называл ее «Гудия»[18] и с признательностью принимал еду, которую она приносила ему после окончания медитации. Когда Шаши находилась на смертном одре, Ошо был рядом с ней. Было ясно, что она умрет, но она очень хотела вернуться, чтобы находиться рядом с любимым и заботиться об Ошо. Она обещала, что вернется. И он тоже пообещал, что призовет и примет ее обратно.

Один из ближайших друзей Ошо рассказывал, что после смерти Шаши Ошо стал еще больше сторониться людей и сделался еще более замкнутым. Много дней он ни с кем не разговаривал. «Я не помню, — говорит Ошо, — чтобы я добивался чьей-то дружбы, хотя было очень много тех, которые хотели стать моими друзьями. Многие стали моими друзьями не потому, что они жаждали моей дружбы, а потому что им не удалось сделать меня своим врагом. Но я не припоминаю, чтобы я по моему собственному желанию подошел к кому-то и предложил свою дружбу. Это не значит, что я когда-либо отвергал дружбу. Если кто-то считал меня своим другом, я ото всего сердца это приветствовал. Но даже потом я не становился его другом в общепринятом смысле этого слова; я всегда оставался сам по себе». Это делало его свободным и в каком-то смысле помогало остаться самим собой.

> «Ни с одним из моих учителей, ни с моими соучениками или с кем-либо еще я не мог наладить таких отношений, которые бы поглотили меня целиком или заставили бы меня стать ближе к людям. Друзья приходили и оставались со мной. Я также познакомился с множеством людей, завел много друзей. Но с моей стороны не возникло ничего, что бы сделало меня зависимым от них или заставило бы вспоминать о них… Я могу жить с кем угодно, но, нахожусь ли я в толпе или в обществе, с приятелем или с близким другом, я все равно один. Ничего меня не трогает. Я остаюсь равнодушен».

С самых детских лет Ошо использовал любой случай, любую ситуацию как ступеньку к внутреннему росту. Его осознанное восприятие действительности помогало ему не упускать ни одной возможности найти истину. Смерти его любимых — сестры, дедушки и Шаши — дали ему невероятный шанс понять те

ограничения, которые создает привязанность к другим людям и, следовательно, ведет к раздвоению. Он ухватился за этот шанс и сделал себя свободным для того, чтобы быть самим собой. Необходимо отметить наблюдения, сделанные в этом отношении самим Ошо:

> «Жизнь дает нам много возможностей вернуться к самим себе. Но чем мы благоразумнее, тем скорее мы бежим от такой возможности. В такие моменты мы отдаляемся от самих себя. Если у меня умрет жена, я немедленно примусь подыскивать женщину, на которой можно было бы жениться. Если я потерял друга, я принимаюсь искать следующего. Я не могу оставить ни одного пробела незаполненным. Заполняя пробелы, я моментально теряю благую возможность вернуться к самому себе и тем бесконечным возможностям, которые таятся в этом. Если я интересуюсь другим человеком, я теряю счастливую возможность отправиться в путешествие к своему собственному „Я“…»

Из-за своего постоянного одиночества Ошо все более и более становился аутсайдером, человеком, чуждым общества. Он все больше срастался со своей отчужденностью, вследствие которой даже находясь в центре каких-то событий, среди людей, он оставался одиноким.

«Я стал своей собственной Вселенной», —

говорит Ошо.

Не слишком трудно понять, что в детстве и юности Ошо жил очень наполненной событиями и независимой жизнью. Что бы он ни делал, он полностью отдавался этому делу и был предельно добросовестен. Примечательно то, что он, однако, никогда не отождествлял себя с действием; он всегда поддерживал дистанцию между действием и собой. В ходе своих приключений и в каждом из экспериментов он никогда не позволял неосознанности сбить себя с пути.

Его действия были частью постоянных поисков вечного и законченного. Его жажда познания и была тем, что привело его к просветлению.

Просветление

В 1951 г., после окончания средней школы в Гадарваре, в возрасте девятнадцати лет, Ошо отправился в Джабалпур, где поступил в колледж Хиткарини. Он жил со своими двоюродными сестрой Кранти и братом Арвиндом, которые были его ровесниками. Кранти и Арвинд были детьми сестры отца Ошо, Ратнибай. Ратнибай умерла, когда они были маленькими, их отец снова женился, поэтому их воспитывали тетя Макхмалбай и ее муж Кундалал Самайя, у которых не было своих детей.

Кранти очень рано вышла замуж, но, к несчастью, ее муж умер всего через год после свадьбы. Ошо очень жалел овдовевшую кузину и как мог поддерживал ее, поощряя продолжать образование. Потом она стала школьной учительницей. Арвинд закончил бизнес-школу и преподавал в колледже. Все то время, что Ошо пребывал в Джабалпуре, все трое жили вместе. Они достаточно зарабатывали, поддерживая друг друга, и жили вполне устроенной жизнью.

В колледже Ошо продолжал делать то же, что и в средней школе. Он оставался таким, как был — бескомпромиссным, не соблюдающим условностей, прямым и открытым. Он охотно принимал все, что могло хоть как-то развить его внутреннюю свободу. Неприятности не заставили себя долго ждать. Через два года после поступления в колледж он уже был на грани исключения.

Особенно много неприятностей Ошо доставлял преподавателю на занятиях философией и логикой. О чем бы ни говорил преподаватель, Ошо принимался задавать вопросы и заводил длинный, но логичный спор — так, что преподавателю приходилось весьма сильно уклоняться от темы занятия. Когда преподаватель приказывал Ошо прекратить спорить, Ошо заявлял, что подобное не соответствует цели изучения философии и логики. Его вопросы и аргументы, происходившие от его острой потребности в знаниях, относились строго к предписанному курсу предмета. Но в конце концов преподаватель не выдержал и выдвинул директору колледжа ультиматум:

«Кто-то должен уйти — или я, или Ошо».

Директор вызвал Ошо к себе в кабинет и попросил его покинуть колледж. Он признал, что особых претензий к Ошо у него нет, но он не может допустить, чтобы уволился один из самых старших и наиболее уважаемых преподавателей.

Ошо понял, что происходит, и согласился уйти, с условием, что директор сам переведет его в другой колледж — довольно трудно выполнимая задача с учетом того, что учебный год уже близился к концу. Директор согласился задействовать свои личные связи. Репутация Ошо уже распространилась по городу, и другие колледжи не горели желанием его принять. Наконец директор Национального окружного джайнистского колледжа согласился принять Ошо, но только с условием, что тот не будет, как раньше, засыпать преподавателя вопросами. Ошо сказал, что такое невозможно, и лучше он будет сидеть дома, нежели ходить на занятия. Директор разрешил ему, в нарушение правил посещения, оставаться дома, и таким образом Ошо получил разрешение появляться в колледже только на экзаменах.

Ошо описывает ситуацию следующим образом:

> «Из колледжа меня выгнали, а директор мне сказал: „Мы чувствуем себя виноватыми за твое исключение, потому что ты не сделал ничего плохого. Но ты какой-то странный“.
>
> В первом колледже, в который я поступил, я хотел изучать логику. А старый преподаватель со множеством почетных степеней и множеством книг, опубликованных под его именем, принялся толковать об Аристотеле, отце западной логики. Я сказал: „Погодите минутку. Вы знаете, что Аристотель пишет в одной из своих книг, будто у женщины зубов меньше, чем у мужчины?“ Он ответил: „Господи, что еще за вопрос? Какое отношение он имеет к логике?“ Я сказал: „Самое что ни на есть фундаментальное отношение к самому процессу логического мышления. Вы знаете, что у Аристотеля было две жены?“ „Нет, не знаю… — ответил он. — А вы откуда взяли эти факты?“ Но в Греции в течение веков традиционно считалось, что у женщины всего должно быть меньше, чем у мужчины. Естественно, и зубов у нее должно быть меньше, чем у мужчины.
>
> „И вы называете Аристотеля отцом логики? — спросил я. — Он что, не мог хотя бы пересчитать? В его распоряжении было две жены, но он все-таки не пересчитал. Его утверждение нелогично. Он просто привел традиционное утверждение, и я не могу доверять человеку, имевшему двух жен и пишущему, что зубов у женщин меньше, чем у мужчин. Этот подход отдает мужским шовинизмом. Ученый-логик должен быть выше предрассудков“.

Исходя из ситуации, преподаватель пригрозил директору, что или меня исключат из колледжа, или он уволится. И он перестал ходить в колледж, сказав, что подождет три дня. Директор не мог потерять опытного преподавателя. Он пригласил меня к себе в кабинет, чтобы сказать: „У нас никогда не было неприятностей с этим преподавателем, он милейший человек. Но в первый же день… что ты с ним сделал?“ Я пересказал ему всю историю и сказал: „Вы считаете, что за это стоит исключить из колледжа? Я задавал совершенно закономерные вопросы, и если преподаватель логики не знает ответа, у кого мне еще спрашивать?“

Директор был добрым человеком. Он сказал: „Я не стану тебя исключать, потому что не нахожу, что ты совершил что-то плохое. Но я не могу и потерять преподавателя, так что я оформлю тебе перевод в другой колледж“. Но слухи обо мне уже дошли до всех колледжей. В городе, где я учился, было около двадцати колледжей, и в конце концов, путем объединения всех этих двадцати колледжей, получился очень престижный университет. Он (директор) послал меня к другому директору с рекомендательным письмом, но, должно быть, позвонил ему по телефону и сказал: „Не верьте этому рекомендательному письму. Мне пришлось написать его, потому что надо было избавиться от этого студента. Он не сделал ничего плохого, но он индивидуалист донельзя и от него одни неприятности“.

Я пошел на встречу с другим директором, и он уже ждал меня. „Я могу принять тебя, но с одним условием, — сказал он. — Ты никогда не будешь показываться в колледже“. Я спросил: „А как же тогда с экзаменами?“ Он сказал: „Я разрешу тебе приходить в колледж на некоторое время. Но этот секретный уговор останется между нами“.

„Лучше некуда, — сказал я. — Все равно ваши преподаватели отстали от времени, Но могу я записаться в библиотеку?“

„С библиотекой никаких проблем, но ни на какие занятия не ходи, потому что я не желаю слушать жалобы преподавателей на твои выходки“. А никаких выходок никогда не было! Я просто задавал вопросы, на которые… они бы, если б были настоящими джентльменами, ответили: „Я это выясню. В настоящий момент я этого не знаю“. Но это самая трудная в мире

вещь, сказать „Я не знаю“».

Ошо использовал свободное время, найдя себе работу в качестве помощника редактора в ежедневной газете. Он проработал там всего несколько месяцев.

Однако этот период времени не был особенно значим ни для рабочего опыта Ошо, ни для его учебы. Он был гораздо более важен в отношении его собственных, невероятно напряженных поисков вечных ценностей. Это было самое переломное время его жизни. Его преследовали сомнения и ощущения неуверенности и пустоты. Ситуация становилась все более мучительной, потому что рядом не было никого, кто мог бы руководить им, сочувствовать ему — у него не было мастера, проводника, он был одиноким путником.

Как уже упоминалось выше, Ошо ничего не принимал на веру. Ему особенно претило принимать на веру что-либо, касавшееся существования Бога, без того, чтобы иметь возможность воспринимать эту реальность лично, на собственном опыте. Он задавался вопросами обо всем, он отвергал все — включая просветленных вроде Кришны, Махавира, Будды и Иисуса, все священные книги наподобие Вед, Упанишад, Библии и Корана. Таким образом, когда он понял, что эти источники ему уже не могут ничем помочь, его поиски стали полностью личными и одиночными, и он почти сходил с ума. По словам Ошо:

> «По самому незначительному поводу у меня возникали сомнения и ничего, кроме сомнений… Вопросы оставались без ответа. В каком-то отношении я мог бы сойти за сумасшедшего… Я и сам опасался, что в один прекрасный день сойду с ума. По ночам я не мог спать.
>
> Ночь и день напролет… вокруг меня вились вопросы… Я находился в открытом море, если можно так сказать, без лодки или вдалеке от берега. Сколько бы лодок ни проплывало мимо, меня никто не замечал, и я тонул. Там было много лодок и много моряков, но мне пришлось отказываться ото всех… уж лучше было утонуть по собственной воле… нежели залезть в чужую лодку. Если уж это было то, к чему вела меня судьба — утонуть, я чувствовал, что должен это принять.
>
> Моя жизнь была абсолютно беспросветна. Я чувствовал себя так, будто провалился в глубокий, темный колодец. В те дни я часто видел во сне, будто лечу и лечу в бездонный колодец. И часто я просыпался

весь в испарине, насквозь мокрый, потому что падение было бесконечным, без единого клочка земли или чего-то такого, куда бы было можно стать ногой… и для меня не существовало ясного пути. Вокруг была сплошная темнота. Каждый следующий шаг я делал впотьмах — бесцельно, наугад. Я находился в постоянном напряжении, в неуверенности и в страхе».

Выхода не было, ясного, прямого пути Ошо не находил. Он прекрасно знал, что сейчас в его жизни наступил решающий момент. Еще немного, и он мог утратить власть над собственной жизнью, из-за нетерпения или недостатка отваги стать неуправляемым. Кроме того, именно отсутствие наставника сделало ситуацию угрожающей. Ошо искал его долго и трудно, но найти так и не смог. Он признается:

«Найти наставника — редкая удача. Не часто находится существо, ставшее не-существом, редко находится присутствие, которое является почти отсутствием, изредка встречается человек, являющийся дверцей в божественное, которая не преградит вам путь, на через которую вы сможете пройти. Все это очень трудно… Да, иногда случается, что человеку приходится трудиться без помощи наставника, мастера. Если мастера найти не удалось, придется работать без мастера, но такое предприятие весьма рискованно».

Это невероятно напряженное и потенциально опасное положение длилось целый год. Оно привело к помутнению рассудка. Ошо так описывает то, через что прошел в тот период времени:

«Почти невозможно понять, что же происходило в течение целого года… Даже поддерживать в себе жизнь мне было очень трудно, потому что у меня пропал аппетит. Дни проходили за днями, а я не чувствовал никакого голода, дни шли и шли, а я не чувствовал никакой жажды. Я должен был принуждать себя есть, заставлять себя пить. Мое тело было настолько бесчувственным, что мне приходилось делать себе больно, чтобы убедиться, что у меня еще есть душа в теле. Мне приходилось биться головой о стену, чтобы убедиться, что голова пока на месте. Если мне все еще больно, значит, я все еще находился в собственном теле.

Каждое утро и каждый вечер я пробегал по пять —

восемь миль. Люди уже считали меня сумасшедшим. Почему я так много бегал? Шестнадцать миль в день! Просто для того, чтобы ощущать самого себя… не утратить связь с самим собой… Я ни с кем не мог разговаривать, потому что все сделалось для меня настолько малозначащим, что сформулировать одну фразу стало для меня трудной задачей. На середине фразы я забывал, о чем говорю, на середине пути я забывал, куда иду… Потом мне приходилось возвращаться…

Мне приходилось сидеть взаперти в моей комнате. Я взял себе за правило не разговаривать, ничего не говорить, потому что сказать что-либо означало проговориться о моем сумасшествии. В течение года я просто лежал на полу и смотрел в потолок, считая от единицы до ста, а потом назад — от ста до единицы. Хоть что-то — эта оставшаяся у меня способность считать. Снова и снова я забывал. Мне потребовался год, чтобы снова собраться, обрести какую-то перспективу.

Некому было поддержать меня; некому было сказать мне, куда я шел и что со мной происходит. На самом деле все были против… мои учителя, друзья, мои доброжелатели».

В течение всего этого невероятно трудного времени об Ошо очень заботилась Кранти, с любовью и преданностью обеспечивая его повседневные потребности.

Ошо часто жаловался на жестокие головные боли, и это сильно беспокоило Кранти. Она и ее брат Арвинд очень хотели что-то сделать, найти средство от головных болей Ошо, но он говорил им, что им не стоит беспокоиться, потому что с ним не происходит ничего такого, с чем надо что-то делать.

Отец Ошо тоже обратил внимание на его головные боли. Однажды, когда боль стала настолько жестокой, Кранти и Арвинд послали в Гадарвару срочное сообщение, и Дадде пришлось срочно мчаться в Джабалпур. Дадда думал, что головные боли происходят от чтения, которым излишне увлекался Ошо. Он припомнил тогда, что в Гадарваре Ошо использовал болеутоляющий бальзам, который намазывал себе на лоб и продолжал читать.

Мать Ошо припомнила давний эпизод, когда он испытывал мучительную головную боль, а потом у него пошла носом кровь. Она забеспокоилась, но потом, через некоторое время, кровотечение прекратилось. Но эти головные боли в первые годы

учебы в колледже, как им казалось, не имеют отношения к чтению. Скорее всего, они были связаны с тем психологическим состоянием, через которое проходил Ошо.

Видя то физическое и психологическое состояние, в котором находился Ошо, семья начала подозревать, что астрологическое предсказание о его смерти в двадцать один год может сбыться. Они стали водить его по врачам. Единственный, кто знал, что эти судорожные усилия бесполезны, был сам Ошо. Он настаивал на том, что нет необходимости показывать его врачам, что медицина не принесет ему ничего хорошего. Ошо описывает один примечательный визит к врачу:

> «Меня привели к вайдья, доктору. На самом деле меня показывали многим врачам, но только один, практиковавший аюрведу, сказал моему отцу: „Он не болен. Не тратьте зря ваше время“. Конечно, они продолжали таскать меня из одного места в другое. И многие прописывали мне лекарства, а я продолжал говорить моему отцу: „Что вы волнуетесь? Со мной все в совершенном порядке“. Но никто не верил в то, что я говорил. Они говорили: „Успокойся. Просто прими лекарство.
>
> Что в этом плохого?“ Так я и продолжал глотать всевозможные снадобья.
>
> Существовал один вайдья, проницательный человек. Звали его Пандит Бхагиратх Прасад… Сейчас этого старика уже нет в живых, но это был человек редкой проницательности. Он поглядел на меня и сказал: „Он ничем не болен“. Тут он заплакал и сказал: „Я сам пытался достичь такого состояния. Он счастливчик. В этой жизни я не смог достичь этого состояния. Не водите его больше ни к кому. Он на пути к своему родному дому“. И заплакал счастливыми слезами.
>
> Он стал моим защитником — моим защитником от врачей и других целителей. Он сказал моему отцу: „Оставьте его у меня. Я позабочусь о нем“. Он никогда не давал мне каких-то лекарств. Когда мой отец настаивал на этом, он давал мне пилюли из сахара и говорил: „Это сахарные пилюли. Прими их ради спокойствия родных. Они тебе и не повредят, и не помогут. На самом деле никакая помощь тут и невозможна“».

Понимание природы болезни Ошо этим врачом оказалась верным, потому что его заболевание было необычным: он был не простым пациентом. Ошо знал о своем состоянии и его причинах

лучше, чем любой практикующий врач.

> «Это было выше меня, оно шло своим чередом. Я сделал нечто. Я постучал в дверь наугад. И вот дверь отворилась. Я медитировал в течение многих лет, просто безмолвно сидя и ничего не делая, и мало-помалу я стал перемещаться в то пространство, самую его сердцевину, где вы находитесь и ничего не делаете, вы там просто присутствуете как наблюдатель».

Медитации Ошо становились все глубже. Его эксперименты вели прямиком к большому взрыву. Одна из обычно выполняемых им медитаций — та, что он проводил, сидя на вершине дерева, — оказалась особенно мощной. Этот завораживающий эксперимент состоялся в Саугаре, штат Мадья Прадеш, примерно за год до того, как состоялось это великое событие. Учась в колледже в Джабалпуре, Ошо получил приглашение принять участие в словесном состязании, которое спонсировал университет Саугара. Ошо провел там три дня, и вот как он описывает происходившее:

> «Ночью я обычно сидел на дереве и медитировал. Много раз я чувствовал, что, если я медитирую, сидя на земле, мое тело становится тяжелее, и оно побеждает, возможно, из-за того, что тело создано из праха земного.
>
> Разговор о том, что йоги отправляются на вершины гор или высоко в Гималаи, не такие уж пустые, но они точно имеют под собой научное объяснение.
>
> Чем больше расстояние между телом и землею, тем более ослабляется физическое притяжение или давление на тело, и мощь внутренней силы увеличивается. Поэтому я стал забираться на высокое дерево и полностью погружался в медитацию на несколько ночных часов.
>
> Однажды ночью я настолько ушел в медитацию, что даже не понял, когда мое тело упало с дерева. Увидев, что мое тело лежит на земле, я в недоумении огляделся. Я был сильно удивлен тем, что происходит. Как так получилось, что я сижу на дереве, а мое тело в этот момент лежит на земле? Я совершенно не мог этого понять. Это было очень необычное ощущение. Сияющая линия, блестящая серебряная нить от пупка моего тела шла вверх и соединяла с ним меня, восседающего на дереве. Было выше моих сил понять происходившее или предвидеть, что могло бы случиться вслед за этим, и я забеспокоился, смогу ли я вернуться в мое тело. Я не

знаю, сколько длилось состояние транса, но до этого уникального события такого со мной никогда не происходило.

В тот день впервые я увидел мое собственное тело со стороны, и в тот день простое физическое существование моего тела закончилось навсегда. И с того дня смерть тоже перестала для меня существовать, потому что я понял, что душа и тело — это две разные вещи, совершенно раздельно существующие. Это был чрезвычайно важный момент: мое понимание духа, который находится в каждом человеческом теле.

В действительности было очень трудно сказать, сколько длилось это состояние. Как только стало светать, две женщины из ближайшей деревни, шедшие мимо с бидонами молока, увидели мое тело… лежавшее там. Я с вершины увидел их, рассматривающих мое тело, которое лежало рядом с деревом. Они пощупали мой лоб, и в тот же момент, как бы влекомый непреодолимой силой притяжения, я вернулся внутрь моего тела и открыл глаза.

Я понял, что женщина может создать электрический заряд в теле мужчины и сходным образом мужчина может сделать то же с телом женщины. Потом я обдумывал природу одновременности того, как рука женщины коснулась моего лба и мое моментальное возвращение в собственное тело. Как и почему все это могло произойти? Такие случаи неоднократно происходили в моей жизни, и я понял, отчего в Индии медиумы, которые экспериментируют с самадхи[19] (непрерывное состояние чистого сознания) и с фактической смертью, берут себе в помощницы женщин.

В состоянии глубокого и полного самадхи духовное составляющее — теджас шарира — выходит из физического тела человека и не может вернуться без соучастия и помощи женщины. Подобным же образом, если оно выходит из тела женщины, оно не может вернуться назад без помощи мужчины. Как только тела мужчины и женщины входят в соприкосновение, между ними пробегает ток, электрическая цепь замыкается, и в тот же момент осознание духа, вышедшее из тела, возвращается в него.

Впоследствии я пережил этот феномен шесть раз за шесть месяцев. В течение эти значимых шести месяцев я чувствовал, что моя жизнь сократилась на десять лет,

иными словами, если мне предстояло прожить семьдесят лет, то после этих переживаний я проживу только шестьдесят. Что за невероятный опыт я получил за эти полгода! Волосы на моей груди поседели, а я так не смог уловить смысл происходившего. Потом я подумал и осознал, что, какой бы ни была связь между физическим телом и духовной сущностью, если она прервалась, то согласованность, естественным образом существовавшая между ними, нарушена».

По мере того как Ошо все глубже и глубже входил в таинство медитации, его вопросы исчезали. Его деятельность двигалась к концу; поиски вышли на тот рубеж, после которого уже некуда было идти. Такое уже случалось за несколько лет до этого, в то время, когда умер дедушка Ошо. Он оказался наедине с собой — но теперь уже навсегда. Ошо вспоминает, что глубоко внутри него была пустота. Там не было действия. Он утратил амбиции; у него не было желаний кем-либо становиться или куда-то стремиться; ему не было дела до Бога или нирваны.

«Болезнь под названием „Будда“ совершенно исчезла», —

говорит Ошо.

Пришел благоприятный момент. Двери должны были вот-вот распахнуться, рассвет был уже совсем недалек. По словам Ошо:

«Однажды это состояние „без вопросов“ изменилось. Не потому, что я получил ответы, нет! Скорее, все вопросы просто отпали, и установилась великая тишина. Ситуация была взрывоопасная. Жить в этих условиях было равносильно смерти. А ест человек умирает, вопросы задавать некому. После этого опыта с пустотой я больше не задавал вопросов. Все темы, по которым можно было бы задать вопросы, стали несущественными. До этого можно было бесконечно спрашивать и спрашивать. Потом не осталось ничего, похожего на вопросы».

Сам Ошо около двадцати лет никому ничего не рассказывал о самом событии просветления. Эта история вышла на свет одной достаточно драматичной ночью, когда Ошо жил в Вудлэнд Апартментс в Мумбае. Друзья часто спрашивали у Кранти, знает ли она что-либо о том, когда на Ошо снизошло просветление. Она ничего не могла рассказать им, потому что сама не знала, но

каждый раз кто-то снова спрашивал ее об этом, и такое побуждало Кранти попытаться выяснить это у самого Ошо.

Кранти вспоминает эту беседу с Ошо:

> «Прошлой ночью (27 ноября 1972 г.) любопытство, которое сжигало меня столько времени, стало непреодолимым. Это было в половине двенадцатого ночи. Выпив свое молоко, Ошо пошел спать. Я тоже попыталась лечь, но вдруг мне захотелось спросить у Ошо, когда он достиг просветления. Не задумываясь ни секунду, я спросила: „Когда ты достиг просветления?“ Ошо рассмеялся и сказал: „Ты сама хочешь это знать или это от того, что люди все время тебя спрашивают?“
>
> Я сказала: „И то и другое. Пожалуйста, расскажи мне“. Ошо опять стал смеяться и сказал: „Я расскажу в другой раз“. „Я хочу прямо сейчас“, — сказала я. „Подумай и догадаешься сама“, — ответил он.
>
> Какое-то время я помолчала. Потом сказала: „Наверное, ты достиг просветления в двадцать один или в двадцать два года, когда учился на втором курсе колледжа“. Не успела я закончить фразу, как Ошо заметил, чуть серьезнее: „В двадцать один, а не в двадцать два“. Мне стало очень интересно узнать день и год, и я спросила об этом.
>
> „Это было 21 марта 1953 г.“, — сказал Ошо. Через некоторое время я опять спросила: „Где это произошло? В тот день случилось что-то необычное?“
>
> „Постарайся, — сказал Ошо, — и ты все вспомнишь“. Я полежала в молчании и вспомнила ту ночь двадцать лет назад. Я сказала: „В ту ночь, в одиннадцать часов, ты, совершенно неожиданно, сказал мне, что уходишь, а потом вернулся в три часа“.
>
> „Ты все абсолютно правильно угадала, именно в ту ночь“, — сказал Ошо. Я не верила в то, что то, что я вижу, происходит на самом деле. Но раз это говорил мне Ошо, значит, так все и было в действительности. Могла ли я оглянуться и увидеть что-то в прошлом? Все там было его собственной игрой. Все это делал он. Пока эти мысли роились в моей голове, мне стала любопытна еще одна вещь: в какое время той ночи, где и в каком месте Ошо стал просветленным? Я тут же спросила: „Куда ты ходил той ночью?“
>
> „В сад Бханвартал“, — ответил Ошо. Он не успел произнести „в сад“, как я вспомнила про дерево. „Ты

пошел в сад и сел под деревом „ашока“[20].

„Нет, я сел под деревом молшри“[21], — сказал Ошо. „Раз ты находился в саду между одиннадцатью и тремя часами, в какое время и на каком месте произошло это событие?“

„Постарайся и ты припомнишь“, — сказал он. Некоторое время я молчала, и все сцены этого вечера начали всплывать перед моим внутренним взором: как он уходил, как он тихонько разбудил меня, чтобы сказать, что уходит и не знает, когда вернется. Он ушел сразу же после того, как сказал мне об этом, и я всю ночь бодрствовала, ожидая его возвращения.

Потом все это происшествие начало возникать передо мной. Я смогла даже представить его мудру (позу). Каким-то образом я почувствовала, что это событие произошло в два часа. Как только ко мне пришла мысль о двух часах ночи, я сразу сказала об этом Ошо.

„Это случилось ровно в два часа ночи, — сказал Ошо. — Сейчас ты улавливаешь все это верно“. Я снова была вне себя от изумления, и оно переполняло меня настолько, что я не могла спать. Мне хотелось разбудить всех и каждому рассказать о том, что я узнала“».

Ошо сам объясняет, почему он почти двадцать лет держал историю его просветления в секрете.

«Многие спрашивали меня, если я стал просветленным в 1953 г., то почему я молчал об этом? Почти двадцать лет я не говорил об этом ни слова кому бы то ни было, до тех пор, пока некоторые не начали подозревать, что что-то со мной случилось, не начали спрашивать меня напрямую… „Мы чувствуем, что с тобой случилось нечто… Мы не знаем, что это было, но одно мы знаем наверняка — после того, что произошло, ты уже не был тем, чем являемся мы, и ты скрываешь это“.

За эти двадцать лет не менее десятка людей спрашивали меня, а я уклонялся от ответа, насколько это было возможно, пока не почувствовал, что их желание неподдельно. И я рассказывал им, только если они обещали сохранить это в тайне. И они все выполнили обещание. Сейчас все они санньясины. Я говорил им: „Вы погодите, дождитесь нужного момента; только тогда я раскрою тайну“.

Я многое узнал от прошлых Будд. Если бы Иисус промолчал о том, что он — сын Божий, человечеству бы было от этого гораздо больше пользы».

Ошо упирал на то, что не следует раскрывать тайну его просветления до того, как он не прекратит путешествовать по стране, потому что знание об этом опасно для его жизни.

«На протяжении этих двадцати лет я все время перемещался, и у меня не было ни единого телохранителя. И я находился в постоянной опасности: в меня кидали камни, швыряли ботинки. Я, проведя в поезде сутки, приезжал в какой-то город, а толпа не давала мне сойти на станции, они вынуждали меня ехать обратно. В результате завязывалась драка между теми, кто хотел, чтобы я сошел с поезда, и теми, кто хотел, чтобы я убрался подальше, по крайней мере из их города.

Если б я объявил, что я — просветленный, меня бы точно убили, никакой сложности это бы не составило, это было бы очень просто. Но в течение двадцати лет я хранил полное молчание. Я объявил об этом только тогда, когда вокруг меня собралось достаточно много понимающих людей… достаточно моих людей, людей, которые принадлежали мне. Я объявил об этом только тогда, когда понял, что способен создать свой маленький мир и могу больше не обращать внимания на толпы и массы и на весь этот глупый сброд».

По прошествии двадцати лет Ошо описал то немыслимое по яркости переживание своими собственными словами. Он четко описал это событие, возможно, более подробно, нежели какой-то просветленный до него.

«В этот судьбоносный день 21 марта 1953 г. мне вспомнились все жизни, в течение которых я работал — работал над собой, — боролся, делал все, что только можно было делать, — и ничего не происходило. Теперь я понимаю, почему ничего не происходило. Сами усилия становились препятствием, сама лестница мешала подниматься, само горячее желание являлось помехой. Не то, чтобы сами поиски бесполезны. Поиски необходимы, но когда они становятся самоцелью, их надо отбросить. Лодка нужна, чтобы переплыть реку, но потом приходит момент, когда вам надо избавиться от

лодки, напрочь о ней забыть и оставить позади. Усилие нужно, без усилий ничего не получится. Но и с одним только усилием ничего не получится.

За семь дней до 21 марта я прекратил работать над собой. Наступает момент, когда вы видите полную тщетность своих усилий. Вы сделали все, что могли, и ничего не происходит. Вы сделали все, что было в человеческих силах. Что еще вы можете сделать? В отчаянии вы бросаете все поиски.

В тот день поиски закончились, в этот день я ничего больше не искал, в тот день я не ожидал, что что-то может произойти. А оно начало происходить. Откуда-то из ничего возникла новая энергия. Она поступала из ниоткуда и отовсюду. Она исходила от деревьев, с неба, солнца и воздуха — она была везде. А я искал ее с таким трудом, думал, что она где-то далеко. А она оказалась так близко, так рядом.

…Семь дней я пребывал в безнадежном и беспомощном состоянии, но вместе с тем что-то менялось. Когда я говорю „безнадежном“, я не подразумеваю то же самое, что вы подразумеваете под словом „безнадежный“. Я просто имею в виду, что внутри меня не было надежды. Надежда отсутствовала: Я не говорю, что пребывал в отчаянии и грусти. На самом деле я был счастлив, я был очень тих, спокоен, собран и сконцентрирован. „Без-надежен“ в совершенно другом значении. Раз не было надежды, какая могла быть безнадежность? Исчезли обе.

Безнадежность была полной и всеобъемлющей. Надежда исчезла вместе со своей соперницей, безнадежностью, которая тоже исчезла. Это было совершенно новое ощущение — оставаться совершенно без надежды. Это не было негативным состоянием… Оно было совершенно позитивным. Это не было отсутствием, чувствовалось присутствие чего-то. Что-то переполняло, заливало меня.

И когда я говорю, что был беспомощен, я не имею в виду словарное значение. Я просто говорю, что был лишен собственного „я“. Вот что я подразумеваю, говоря, что был беспомощен. Я осознал факт того, что я не существую, значит, независим сам от себя, значит, не могу стоять на моей собственной почве.

…Я находился в бездонной пропасти. Но страха не было, потому не было чего-то, что следовало бы

защищать. Страшно не было, потому что там некого было бояться.

Эти семь дней стали днями невероятных изменений, полной трансформации. В последний день присутствие некой новой энергии, нового света и нового наслаждения стало настолько сильным, что это было почти невыносимо, я чувствовал, что вот-вот взорвусь, чувствовал, что схожу с ума от наслаждения. У нового поколения Запада есть для этого правильное обозначение: я просто „торчал как обдолбанный“.

Невозможно было найти в этом какой-то смысл… в том, что происходило. Это был бы самый бессмысленный мир — трудно его себе представить, трудно разложить на категории, трудно использовать слова, языки, объяснения. Все священные книги оказались бы абсолютно бесполезны, и все слова, которые можно было бы подобрать для описания этих переживаний, звучали бы очень бледно, анемично. Они были такими живыми. Они были похожи на приливную волну наслаждения.

Весь день был настолько странным, ошеломляющим, это было изнуряющее испытание. Прошлое уходило вдаль, так, будто никогда ко мне не относилось, словно я где-то прочитал о нем, или видел его во сне, или это была чья-то чужая история. Я терял связь с моим прошлым, я отрывался от корней моей истории, я терял мою автобиографию. Я становился не-существом, таким, которого Будда называл „анатта“[22]. Оковы исчезали, отличия стирались. Разум растворялся, он находился за миллион миль. Сложно было ухватить его, он устремлялся все дальше и дальше отсюда, и не было никакого желания удерживать его при себе. Мне просто не было до него никакого дела. Все шло правильно. Не было никакого желания задерживаться в этом прошлом.

К вечеру это состояние стало труднопереносимым — оно причиняло страдание, было болезненным. Оно было похоже на состояние женщины, у которой вот-вот должен родиться ребенок, и женщина испытывает запредельные страдания — родовые муки.

В эти дни я обычно отправлялся спать в полночь или в час ночи, но в этот день я не мог бодрствовать. Глаза у меня слипались, мне было трудно держать их открытыми. Надвигалось что-то неотвратимое, что-то должно было произойти. Трудно сказать, что это было — возможно, приближалась моя смерть. Но страха перед

ней не было. Я был готов к ней. Эти семь дней были такими прекрасными, ничто с ними не могло сравниться, и я был готов умереть. Они были полны такого несравненного наслаждения. Я был так доволен, что если бы это было приближение смерти, я бы только приветствовал ее.

Но что-то должно было произойти — что-то вроде смерти, что-то очень радикальное, нечто, что было равносильно смерти и новому рождению, подобное распятию и воскресению. Нечто невероятно значимое находилось за ближайшим поворотом. А у меня слипались глаза… Я ушел спать около восьми вечера. Это было не похоже на сон. Теперь я могу понять, что имел в виду Патанаджали[23], когда он говорит, что сон и состояние самадхи схожи. Только с одним отличием — то, что находясь в самадхи, вы спите, полностью бодрствуя. Вы засыпаете и пробуждаетесь одновременно, все тело расслаблено, каждая клетка вашего тела совершенно расслаблена, все функции замедленны, но в вас все еще горит свет сознания… ярко, незамутненно.

Вы остаетесь в сознании и все же расслаблены, ничем не озабочены, но в полном сознании. Тело погружено в глубочайший, какой только возможно, сон, а ваше сознание находится на пике активности. Вершина сознания и долина тела встречаются.

Я ушел спать. Это был очень странный сон. Тело спало, а я бодрствовал. Это было так необычно — будто меня разрезали на две части, на два измерения; будто я был этими двумя совершенными противоположностями, положительное и отрицательное сошлись, сон и бодрствование встретились, жизнь и смерть соединились. Это был момент, о котором можно было сказать: „Создатель и созданное нашли друг друга“.

Это было нечто сверхъестественное. В первый раз это повергает вас в шок до самых пяток, потрясает до основания. После этого события вы уже никогда не будете прежним, оно приносит новый взгляд на вашу жизнь, новое качество.

Около полуночи мои глаза внезапно открылись — но не я их открывал. Сон был прерван чем-то еще. В комнате чувствовалось присутствие некой мощной мистической силы. Это была очень маленькая комната. Я почувствовал вокруг себя биение какой-то жизни, сильную пульсацию — почти как ураган, величайшую

бурю света, радость, экстаз. Я тонул в них. Это было так невероятно реально, что все стало нереально. Стены комнаты стали нереальны, дом стал нереален, мое собственное тело стало нереально… В ту ночь открылись двери в иную реальность, стало доступным иное измерение. Неожиданно она оказалась здесь — та, другая, отдельная реальность, реальность Настоящего, или как бы вам хотелось это назвать — назовите ее Богом, назовите ее истиной, назовите ее Дхамма[24], назовите ее Тао[25], или как вам заблагорассудится. У нее не было названия. Но она была здесь — такая темная и не поддающаяся объяснению, невидимая и все же такая осязаемая, что ее можно было бы коснуться рукой. От нее в комнате стало невыносимо душно. Ее было слишком много, и я пока был не готов воспринять ее.

Внутри меня поднялось непреодолимое желание выбежать из комнаты на свежий воздух, в комнате я задыхался. Ее было слишком много! Она убивала меня! Если б я задержался еще на несколько мгновений, я бы задохнулся — так я это ощущал. Я кинулся вон из комнаты, выбежал на улицу. Я ощущал горячее желание оказаться под небом со звездами, под деревьями, на земле… хотел оказаться на природе. Как только я вышел нахожу, чувство, что я задыхаюсь, немедленно прошло. Для такого масштабного события комнатка была слишком крошечной. Даже небо маловато для подобного феномена… Он больше, чем небо. Даже небеса для него не предел. Но потом мне стало куда легче.

Я шел по направлению к ближайшему саду. Это был совершенно новый способ передвижения — будто исчезла сила тяжести. Я шел или бежал, или даже летел, трудно решить, на что это было похоже. Исчезла сила тяжести, я чувствовал себя невесомым — будто меня несла какая-то энергия. Я находился во власти какой-то иной силы.

В первый раз я не был одинок, в первый раз я не был отдельной личностью, впервые капля упала с небес в океан. Все ограничения исчезли. Нарастала невероятная сила — как будто я был способен делать все, что пожелаю. Я был не здесь — здесь была только сила. Я добрался до сада, в который ходил каждый день. Сад был закрыт на ночь. Было слишком поздно, был почти час ночи. Все садовники давно спали. Мне, чтобы пробраться в сад, пришлось бы как воришке перелезть через ворота.

Но нечто толкало меня по направлению к саду, я был не в силах бороться с самим собой. Я просто плыл по течению.

Что я имею в виду, повторяя вновь и вновь „плыть по течению реки, а не против“? Я был расслаблен. Мне было все равно, куда меня несет. Я был не здесь. Здесь было оно — назовите это Богом, Бог был здесь. В тот момент, когда я вошел в сад, все засияло, сияние было повсюду; благословение, благоволение. Я впервые увидел деревья — их зелень, их жизнь, даже то, как бегут в них соки. Весь сад спал, деревья спали. Но я мог видеть всю жизнь сада, даже самую маленькую травинку во всей ее красе.

Я оглянулся. Одно дерево сияло особенно сильно — дерево молшри. Оно привлекало меня, тянуло к себе. Я не выбирал его, сам Бог выбрал его для меня. Я подошел к дереву и сел под ним. Как только я сел, все это и началось. Все Вселенная превратилась в благословение.

Трудно сказать, сколько времени я пребывал в этом состоянии. Когда я вернулся домой, было около четырех часов утра, значит, я, вероятно, провел там около трех часов, но это была целая вечность. Никакого отношения к тому времени, которое показывают часы, это не имеет. Это было вне времени.

Те три часа вылились в целую вечность, бесконечное время. Не было времени, никакого его течения. Это была девственная реальность — ненарушенная, нетронутая, неизмеримая. И в тот день что-то случилось и продлилось — не как некая непрерывность — но как если бы она протекала как подводное течение. Не как неизменность — каждый момент повторялся вновь и вновь. Каждый момент был отдельным чудом».

В некотором смысле история Ошо здесь и заканчивается. «После взрыва никакой истории уже нет, — говорит Ошо. — После этого уже никаких явлений не было. Все события были до взрыва. После взрыва есть только пустота». Его искания пришли к концу, и, некоторым образом, в конечном итоге, предсказание астролога сбылось. Человек по имени Раджниш Чандра Мохан умер в возрасте двадцати одного года, и все же произошло воскрешение, произошло чудо. Он возродился, но не в физическом теле, он приобрел нечто, но не от этого мира — он просто вернулся домой:

«…как капля росы скатывается с лепестка лотоса в

океан. В каком-то смысле капля росы исчезает; в другом смысле она становится самим океаном, она становится океанической. Когда капля росы еще катится по лепестку лотоса, возникает некое естественное колебание, а именно. „Я вот-вот исчезну в бесконечном океане. Если я чуть помедлю, у меня будет немного времени“. Но коль скоро капля росы растворилась в океане, исчезла, появилась невероятная радость от того, что, с другой стороны, началась новая история; капля росы уже не она сама, а бесконечный океан».

Само по себе это событие стало в известном смысле чудом, хотя ничего чудесного в нем не было. Бутон раскрылся; тайное стало явным. Появление цветка есть чудо и не чудо. Это чудо в том отношении, что семечко превратилось в нечто невероятное, и это не чудо, потому что это завершение естественного процесса развития. Ошо часто цитирует мистика Кабира, который наиболее полно описывает процесс просветления Ошо. Ошо говорит:

«Вселенная — это пространство, наполненное энергией, а жизнь — это ее кристаллизация. То, что мы воспринимаем как материю, то, что мы видим как камень, это тоже энергия. То, что нам видится как жизнь, то, что мы пережили мысленно, что ощущается нами как сознание, также есть разновидность энергии. Целый космос, волны ли это моря или сосны в лесу, или песчинки, или звезды в небе, или то, что находится внутри нас самих — все это проявления некой энергии во всей бесконечности форм и способов ее существования.

Трудно сказать, где мы начинаемся и где заканчиваемся. Одинаково трудно сказать, где заканчивается наше тело. Тело, которое мы воспринимаем как конечное, само по себе не имеет границ. Если солнце, находящееся за миллионы километров от нас, вдруг погаснет, мы немедленно замерзнем насмерть. Это означает, что солнце постоянно присутствует в наших телах, оно является частью нашего тела. Как только оно утратит свою мощь, мы погибнем. Жар солнца — это тепло наших тел.

Вокруг нас существует океан воздушных потоков, из которого мы получаем жизненную энергию, дыхание жизни. Если перекрыть доступ воздуха, мы немедленно умрем. Где заканчивается наше тело? Если постичь его всецело, вы поймете, что наше тело — это вся Вселенная.

Наше тело бесконечно и безгранично. И если вы в своих исканиях шли в верном направлении, вы поймете, что сосредоточие жизни находится везде и распространено повсюду. Но чтобы познать это, изучить это, главное состоит в понимании того, что мы сами становимся энергией, обладающей невероятной жизненной силой.

То, что я называю медитацией, — еще одно название для освобождения любым способом потоков энергии, которая заблокирована внутри нас. Когда вы входите в медитацию, скрытая энергия может высвободиться с такой силой, что способна соединиться с внешней энергией. Но как только устанавливается эта связь, мы уподобляемся листьям, плывущим по бесконечному океану ветров. Затем обособленность нашего существования утрачивается, и мы становимся частицей неизмеримого.

Что известно нам о том, как становятся частицей неизмеримого? До сегодняшнего момента человек всеми способами пытался выразить это словами, но это невозможно выразить словесно. Кабир говорит: „Я искал его и нашел весьма много. И в ходе поисков его самого я утратил самого себя. Разумеется, он был найден, но только после того, как я уже не был собой. Кто сейчас может сказать, что есть то, что я нашел? И каким словом это назвать?“ Что сказал Кабир после того, как в первый раз прошел через это и, как следствие, изменился? Когда он в первый раз познал Бога, он сказал: „Это похоже на то, что чувствует капля, упавшая в океан“».

Вот его собственные слова:

Искать, мой друг, искать!
Кабир утратил сам себя —
Так капля исчезает в океане.
И как найти ее опять?

Кабир в ходе своих поисков потерял сам себя. Капля исчезла в океане, то есть произошедшее уже невозможно изменить. Но он изменил это позже, и эта перемена была очень значительной. Позднее он сказал, что то, что он сказал перед этим, было неверным — он ошибался, говоря это. Это был не тот случай, когда капля падает в море, но когда море само входит в каплю. Если капля сливается с океаном, существует шанс извлечь ее обратно, но это куда более трудно, нежели в том случае, когда

океан вливается в каплю. А в случае, когда капля сливается с океаном, капля могла бы что-то рассказать об этом. Но это невероятно сложно — сказать хоть что-то о том, что происходит, когда само море вливается в каплю.

> Поэтому позже он сказал:
> Искать, мой друг, искать,
> Кабир утратил сам себя,
> Так капля поглотила океан.
> И как найти его опять?

Ошо настойчиво повторял, что просветление уже существует, оно является неотделимой частью нашего существования, это не та вещь, которая достигается где-то в будущем. Как указывает Ошо, просветление вполне нам доступно, каждый может просто «освободиться в него». Он объясняет:

> «Просветленная личность — это не та, что достигла вершины, не тот человек, кто взобрался на верхнюю ступень лестницы. Все вы взбираетесь по лестнице… нуждаетесь в лестнице. Просветление — это не есть последняя ступень лестницы, просветление — это схождение с лестницы, окончательный спуск, с тем, что вы, придя в свое естественное состояние, никогда не попросите для себя другую лестницу».

Ошо предостерегает нас от того, чтобы спрашивать каких-то разъяснений в отношении просветления, потому что они могут сбить с толку ищущих его. Используя описание Шри Ауробиндо[26] о «сверхсознании» в качестве примера, Ошо поясняет:

> «Просветление является естественным состоянием. Это не есть некое „сверхсознание“, „суперментальность“. Избегайте Шри Ауробиндо и его терминологии. Это все игры разума. Оно (просветление) не что-то очень особенное; оно весьма обыденно. Оно настолько обыденно, что даже не стоит похваляться им».

История, которая последовала за просветлением Ошо — это совсем другая история, в том смысле, что она не имела ничего общего с его прошлым. С того момента он ничего не делал, потому что его эго — в смысле делателя и делаемого — перестало существовать. «В ту ночь я был опустошен и был наполнен».

> «Я стал не-существующим и сделался существованием. В ту ночь я умер и был возрожден. Но тот, кто был рожден заново, не имеет ничего общего с тем, кто умер, здесь нет преемственности… Тот, кто умер, умер окончательно, от него ничего не осталось… даже тени. Оно умирает абсолютно, безвозвратно… В тот день 21 марта человек, который прожил множество жизней в течение тысячелетий, просто умер. Иное существо, абсолютно новое, ничем не связанное со старым, начало свое существование».

Переживание той «смерти» носило религиозный характер в его чистейшем и первоначальном смысле. Ошо продолжает:

> «Религия просто дает вам абсолютную смерть. Может быть, поэтому целый день, предшествовавший тому событию, я испытывал навязчивое состояние, будто я вот-вот умру — и я действительно умер. Я уже познал много других смертей, но они не могли идти ни в какое сравнение с этой, это были частичные смерти. Иногда тело умирает, иногда умирает часть разума, иногда умирает часть эго, но, поскольку сам человек причастен к этому, какая-то часть остается. Обновленный много раз, перекрашенный много раз, немного измененный там и сям, но все же частично оставшийся самим собой; сохраняется преемственность. В ту ночь смерть была полной. В ту ночь я одновременно встретил смерть и Бога».

Событие той ночи, однако, не изменило повседневной жизни Ошо. Он продолжал ходить в колледж, когда считал нужным это делать, в большей степени предаваясь чтению и письму. Чтение, которым он был занят до этого, было тем не менее потом перенаправлено на другие цели. До просветления чтение было частью его собственных поисков, в то время как после события оно стало частью его работы в помощь тем, кто еще находился в поисках. Чтение помогло Ошо познакомиться с настроениями, существовавшими в умах, с исследованиями и терминологией, а также дало ему возможность распространять свои мысли и делиться опытом самым современным в контексте текущего времени образом. Как ни невероятно, это звучит, Ошо в течение своей жизни прочел более 80 000 книг на почти 400 тем. О своей любви к книгам Ошо говорит:

> «Я собираю книги со времен учебы в средней школе.

Вы удивитесь, но ко времени получения аттестата я прочел тысячи книг и собрал сотни великих шедевров. Я прочел Калила Гибрана[27], Достоевского, Толстого, Чехова, Горького, Тургенева — все, что относится к лучшему из написанного. К промежуточному экзамену в университете я прочел Сократа, Платона, Аристотеля, Бертрана Рассела — всех философов, книги которых я мог найти в каких-либо библиотеках, во всех книжных магазинах или одолжить у кого-то на время.

В Джабалпуре было одно замечательное место, куда я приходил каждый день. Я проводил там по крайней мере один-два часа. Оно называлось „Воровской рынок“, там продавались ворованные вещи, и я присматривал там краденые книги, потому что множество людей крали книги и продавали их, и я находил там такие прекрасные книги! Там я нашел свою первую книгу Гурджиева и „В поисках чудесного“ Успенского»[28].

Ошо писал на хинди для различных газет и журналов. Его слог и стиль был исключительно поэтичным, а мысли были глубокими и емкими. Он также был востребован в качестве участника дискуссий в Джабалпуре и других больших городах. Его беседы были оригинальны, остры и правдивы.

Все то время, что Ошо учился в школе в Джабалпуре, бабушка со стороны отца очень старалась его женить. Она все время давила на его семью, в особенности на отца Ошо, Дадду, чтобы составить брак внука. Друзья Дадды тоже старались устроить женитьбу Ошо, но Дадда сомневался, стоит ли даже заговаривать с сыном об этом. Он очень хорошо понимал, что надо найти подходящий случай, чтобы поговорить с ним о женитьбе, потому что если Ошо скажет «нет», то придется покончить со всей этой затеей.

Тем не менее, когда Ошо вернулся домой после окончания университета, Дадда околичностями, через его друзей, попытался выяснить, заинтересован ли его сын в женитьбе. Ошо же считал, что Дадда должен задать этот вопрос сам, напрямую. Дадда колебался; наконец он попросил мать Ошо пойти и поговорить с ним об этом. Вот как Ошо описывает этот эпизод:

«Однажды поздно вечером она присела ко мне на кровать и спросила, что я думаю о женитьбе. Вот я и сказал: „Я еще не женат, значит, у меня нет никакого опыта на этот счет. Ты хорошо все это знаешь, у тебя есть опыт, вот ты и скажи мне. Отложим это на пятнадцать дней, обдумай все, прикинь, и если ты почувствуешь, что

пришла к какому-то решению, потом просто прикажи мне. Я обязательно выполню твой приказ. Не спрашивай моего мнения. У меня его нет, потому что нет опыта. У тебя же он есть. Если б у тебя опять был выбор, ты бы вышла замуж?“

„Ты пытаешься меня запутать“, — сказала она.

„Отложи на время, подумай и реши, как считаешь нужным, — сказал я. — Я подожду две недели, потом можешь мне приказать. Я последую твоему приказу, потому что сам я не знаю“.

Эти две недели она пребывала в беспокойстве. Она не могла спать, потому что знала — если она прикажет мне жениться, я последую ее приказу. Тогда она будет отвечать за все, а не я. Поэтому через две недели она сказала: „Я не собираюсь что-то говорить, потому что оглядываясь на мой собственный опыт, я не хочу для тебя такой жизни. Сейчас я не могу тебе что-то сказать“.

Вот так я и остался неженатым. Если откровенно, на самом деле я был не готов к браку, совершенно не стремился к этому».

В 1955 г. Ошо получил степень бакалавра философии и начал готовиться к получению звания магистра в хорошо известном университете города Саугара. В Саугаре он два года жил в студенческом общежитии. В 1957 г. он в числе первых получил степень магистра философии и был признан одним из самых способных студентов университета. Несмотря на то что он был награжден золотой медалью, эта честь не слишком много для него значила. Вот, со слов Ошо, история этой медали:

«Я считался первым в университете и завоевал золотую медаль. Но раз я обещал (если он получит золотую медаль, то выбросит ее тут же, в университете), поэтому должен был бросить золотую медаль в колодец на глазах у всех. Там собрался весь университет, и я выбросил золотую медаль. Я сказал: „Вместе с ней я бросаю самую мысль о том, что я лучший в университете, чтобы никто не мог чувствовать себя ниже меня. Я просто никто“».

Ошо невероятно наслаждался этими двумя годами учебы, потому что мог погрузиться с головой в чтение книг из обширной университетской библиотеки и в то же время любоваться прекрасным видом окружающих холмов. Гораздо больше времени, нежели посещение лекций, Ошо проводил за чтением в

библиотеке и бродя ночью под звездным небом, наслаждаясь каплями дождя или гуляя по холмам. Даже на каникулах, когда библиотека была закрыта, его можно было обнаружить на лужайке у библиотеки или гуляющим на природе в своем собственном обществе.

Жизнь Ошо в течение этих двух лет в Саугаре оставалась такой же интересной, как и обычно, и отражала основные качества его характера, те, что он выказывал всегда — бунтарство и склонность к экспериментам. Ему было все равно, с кем или чем вступать в конфронтацию — с диктатом ли семьи, общества, школы или с религией.

Ошо поясняет, что человек не становится внутренне цельным. Он уже является таковым в глубине души, хотя по периферии у него много беспорядка; следовательно, ему необходимо единственно двигаться внутрь самого себя. И чем глубже человек уходит в себя, тем очевиднее ему самому, насколько он целен. Как найти в себе такое? На этот счет он советует:

> «Делать только то, что доставляет вам радость. Если вам что-то не нравится, не занимайтесь этим».

Ошо ссылается на собственный опыт:

> «В дни учебы в университете я обычно делал нечто, из-за чего люди принимали меня за сумасшедшего: я внезапно останавливался… и оставался на месте на полчаса, на час, пока мне вновь не хотелось идти дальше. Мои преподаватели так пугались, что, если это случалось во время экзаменов, они сажали меня в автомобиль и отвозили в университетскую столовую, Они высаживали меня у дверей и следили, дошел ли я до своего стола или нет? Если я принимал ванну и внезапно понимал, что перестал получать от этого удовольствие, я немедленно бросал это занятие. Какой в этом прок? Если я что-то ел и вдруг понимал, что перестал получать удовольствие от пищи, я сразу же оставлял еду».

Подобным образом однажды во время своих школьных дней в Гадарваре Ошо в середине урока математики встал и сказал учителю, что он уходит и не вернется, потому что ему не нравятся занятия. «И постепенно, — указывает Ошо, — это стало ключевым условием. Неожиданно я понял, что когда вы получаете от чего-либо удовольствие, вы сконцентрированы. Удовольствие — это просто звучание концентрированности. Если вам не нравится что-либо, вы рассеяны».

Каждый может представить жизнь Ошо в развитии, поняв его эксперименты с тремя гунами — тремя основными свойствами, из которых состоит человеческая личность. Человек со свойствами тамас гуна неактивен, инертен и ленив; тот, у кого главная составляющая раджас гуна, выказывает усиленную активность или страсть; а личности саттва гуна свойственны безмятежность, спокойствие и мудрость. Господь Кришна разработал теорию трех этих гун в Бхагавад Гита[29]. Ошо в своих дискуссиях о «Бхагавад Гита» на хинди дал подробное разъяснение этих гун или свойств.

В общем, все эти три гуны присутствуют во всех индивидуумах в разных соотношениях. Смешение трех гун каждой личности составляет ее индивидуальность. Неважно, какое из качеств доминирует в личности, два остальных также присутствуют, возможно, в дремлющем состоянии.

Комментируя Будд прошлых времен — Иисуса, Мохаммеда, Лао-цзы, Раману Махариши и Кришну, Ошо замечает:

> «Раджас было основным способом выражения для Иисуса и Мохаммеда. Тамас было в основном свойственен Лао-цзы и Рамане Махариши[30]. Но Кришна в качестве средств самовыражения использовал все три свойства одновременно. Просто как у равностороннего треугольника есть три одинаковые стороны, в личности Кришны присутствовали все три этих свойства в одинаковой мере».

Вследствие этого Кришна нематериален, и его жизнь и деятельность, таким образом, понимались неправильно. В противоположность этому Будда, Лао-цзы, Мохаммед и Иисус совершенно материальны, поскольку они выказывают какое-то одно преобладающее свойство. Ошо проявлял все три гуны, как это было у Кришны, но с одним отличием — он использовал их последовательно, а не одновременно.

> «По моему мнению, это наиболее научный способ действия, и вот поэтому я и выбрал этот путь», —

говорит Ошо.

Рассуждая далее о сходствах личности Кришны и своей, Ошо объясняет:

> «Во мне тоже будет присутствовать нематериальность, но не в такой большой степени, как в Кришне. Существует другая возможность, которую я использовал в моих собственных экспериментах. В

каждом человеке представлены все три гуны, и личность может быть совершенной и цельной только в том случае, когда используются все три качества. Ни одну из гун не следует подавлять. Кришна не был за такое подавление, и я против такого подавления. Что бы там ни было в личности, все должно быть использовано творчески».

В течение раннего периода его жизни Ошо часто считали ленивым и бесполезным семье. Это происходило из-за того, что он экспериментировал со своим тамас (инертность, пассивность).

> «В первые годы моей жизни я провел как Лао-цзы, экспериментируя с тайнами тамас гуны. Моя связь с Лао-цзы, таким образом, была всеобъемлющей. Я был пассивен во всем; пассивность — это было то, чего я искал. Насколько это было возможно, я ничего не делал, только если этого никак нельзя было избежать, или делал нечто по принуждению. Я ни рукой, ни ногой не желал шевелить без веской причины».

Ошо живописует это следующим образом:

> «Дома сложилось такое положение, что моя мать, сидя передо мной, настойчиво повторяла: „Некого больше послать, и я хочу, чтобы кое-кто сходил на рынок и принес овощей“. Я слышал это и безучастно сидел напротив нее. Я сознавал, что, если даже дом загорится и она скажет мне: „Дом горит, и некому больше гасить его“, единственное, что я бы сделал, так это молча наблюдал за пожаром, отдавая себе полный отчет в происходящем».

В течение этого времени в его экспериментах с тремя Гунами самым значимым для Ошо стало качество пассивности.

> «В моих собственных экспериментах я решил в определенный период времени выделять только одно качество — одно на отдельном отрезке времени. Вначале я выбрал тамас… потому что это качество является основным в каждом человеке. Когда ребенок развивается в материнской утробе в течение девяти месяцев, он живет в этой гуне. Ребенок ничего не делает по своей воле. Он находится в условии полной пассивности».

Ошо считает эту гуну не только самой главной, но также

показывает то, насколько значимо в духовном смысле состояние пассивности в материнской утробе.

> «Ребенок в материнской утробе пребывает в совершенном покое. Его память спрятана глубоко в подсознании. Опыт девятимесячного пребывания в материнской утробе — это совершенное блаженство, потому что там ничего не приходится делать… Это для вас чистое существование — просто бытие. Это состояние очень схоже с тем, которое мы называем раскрепощением».

Таким образом, Ошо учит, что поиски молчаливо-блаженного состояния не случайны — поскольку они соотносятся с нашим глубоким бессознательным, это поиски блаженного состояния ребенка в материнской утробе. Но есть одно ключевое отличие между существованием в утробе и любыми попытками снова его пережить. Существование в утробе является биологическим процессом роста, и ребенок не осознает этого состояния, но в воспоминаниях или в повторном переживании этого состояния на пике духовного опыта человек полностью осознает происходящее. Ошо использует метафору для описания действия тамас гуны:

> «Пассивность — это фундамент, а блаженная тишина — это конек на крыше. Тот дом, который мы называем жизнью, зиждется на основании пассивности. Серединное строение — это активная часть, а купол храма — это высшее блаженство. По моему мнению, таково строение жизни. Вот почему… я практиковал пассивность в первой половине моей жизни».

В ходе экспериментов Ошо с каждой из трех гун был один постоянный фактор — его наблюдательность, его осознанность, его постоянное внимание по отношению к каждому из состояний как независимого наблюдателя. Он описывает природу его осознанности при помощи следующей истории:

> «На последнем году обучения в университете у меня был один преподаватель философии. Как многие преподаватели философии, он был упрям и чудаковат. Он был упрям в его нежелании смотреть на какую-либо женщину. К несчастью, в его группе было только два студента — я сам и юная девушка.
>
> Таким образом, ему пришлось преподавать нам… с закрытыми глазами.

Для меня это было необыкновенное везение, потому что пока он читал лекцию, я мог поспать. Тем не менее этот преподаватель был от меня в восторге, потому что думал, что я также придерживаюсь правила не смотреть на женщин и что во всем университете есть хотя бы еще один человек, не желающий видеть женщин. Таким образом много раз, когда он встречался со мной наедине, он говорил мне, что я единственный, кто его понимает.

Но однажды этот мой образ был испорчен. У этого преподавателя была еще одна привычка. Он не признавал часовой продолжительности лекций. Поэтому в университете ему всегда отводили последнюю лекцию. Он говорил: „В моей власти, когда начать лекцию, хотя не в моей власти, когда ее закончить“. Таким образом, его лекция могла закончиться через шестьдесят или восемьдесят минут, или даже через девяносто: для него это не имело значения. Между мной и той девушкой была договоренность, что она разбудит меня, когда лекция будет подходить к концу. Однако в один прекрасный день посередине лекции ее вызвали по какому-то срочному делу, и она ушла. Я продолжал спать, преподаватель продолжал читать лекцию. Когда время вышло и он открыл глаза, то обнаружил, что я сплю. Он разбудил меня и спросил, почему я спал. Я сказал ему: „Теперь, когда вы нашли меня спящим, я хотел вам сказать, что я спал все дни напролет, что я не ссорился с молодыми женщинами и что спать под ваши лекции очень приятно“».

В те годы сон был для Ошо разновидностью медитации. В течение своих экспериментов со сном он пришел к пониманию того, что Кришна передал Арджуне:

«Даже если весь остальной мир погружен в ночной сон, мудрец всегда бодрствует». Ошо экспериментировал с бодрствованием во сне, как бы наблюдая за собой со стороны. Это отличающееся ото сна явление, в котором человек пребывает в бессознательном состоянии. Ошо открыл, что если человек остается в сонном состоянии дольше, чем того требует тело, тогда «…некто внутри вас остается в сознании и наблюдает за тем, что происходит вокруг вас… тогда внутри вас начинает раздаваться некий звук, который будит вас».

Ошо описывает свою жизнь в университете в Саугаре в течение периода пассивности:

> «Своим основным принципом я сделал отказ от любой деятельности. За те два года, что я прожил в университетском общежитии, я ни разу не убирал комнату, не вымел в ней пол. Я поставил койку рядом со входом таким образом, чтобы прыгать в нее прямо от двери и выпрыгивать из нее прямо в коридор. Я мог выскакивать сразу из комнаты. Зачем без надобности пересекать всю комнату? — решил я. И зачем мне было заходить в комнату и еще убираться в ней? В этом решении было еще и нечто забавное.
>
> Мебель стояла на тех же местах, как до того, как я здесь поселился, никаких перестановок сделано не было. Ничего, кроме необходимого минимума, не делалось. Вносить какие-то изменения означало необходимость что-то делать, поэтому все оставалось на своих местах. Но благодаря этому было положено начало уникальному опыту, когда по каждой гуне был проведен свой эксперимент. Неважно, сколько мусора скопилось в моей комнате, это мне совершенно не мешало. Я научился жить в этих условиях так же, как если бы жил в тщательно прибранном месте.
>
> В университете, где я учился, новые здания к тому моменту построены не были, его открыли недавно, и в качестве общежития использовались бывшие военные казармы. Поскольку казармы находились далеко в лесу, в них частенько заползали змеи. Я много раз наблюдал за этими змеями, лежа на койке. Змеи приползали, отдыхали в моей комнате и уползали. Ни они меня ни разу не побеспокоили, ни я им не мешал».

В этих его экспериментах со сном и пассивностью Ошо также обрел опыт с состоянием не-ума, или опыт пребывания без мыслей, то есть в состоянии чистого сознания.

> «В те дни я обычно лежал на койке, безучастно созерцая потолок. После долгого времени я пришел к пониманию, что Мехер Баба[31] медитировал только таким образом. Я делал это без малейшего усилия, потому что чем еще можно заниматься, лежа на койке? Если ты выспался, можно только смотреть в потолок, даже не мигая. Зачем мигать? Это ведь тоже вид деятельности. Тоже часть какой-то активности. Я просто

продолжал лежать тали Делать было нечего. Если вы остаетесь в лежачем положении подобным образом, просто глядя в потолок в течение часа или двух, вы обнаружите, что ваш разум делается чистым — как безоблачное небо, просто без единой мысли. Если кто-то способен сделать пассивность целью жизни, он может испытывать такое безмыслие очень естественно и легко».

Состояние ничегонеделания и ничегонедумания открыли Ошо дверь божественной славы.

«В те дни я не верил ни в Бога, ни в существование души. Единственным поводом к этому неверию было то, что верить во что-то означало необходимость что-то делать. Атеизм — большое подспорье для пассивности, потому что если Бог существует, ради него следует выполнять какую-то работу. Но лучезарный образ Бога и души начали являться мне воочию без какой бы то ни было веры в Бога с моей стороны, просто через мое безмолвное лежание на койке. Я не отказывался от пассивности до тех пор, пока она не оставила меня сама. До этого момента я решил продолжать такое существование — то есть ничего не делать».

Как было пояснено ранее, Ошо пребывал в состоянии тамас, пассивности, в течение его школьных лет и времени, учебы в колледже. Но после получения степени магистра он перешел к состоянию раджас гуна и стал очень активен. Он оставался в состоянии пламенного раджас в течение нескольких следующих лет — до того, как стал проявлять свойства прохладного саттва гуна и наконец постоянно поселился в 1974 г. в г. Пуна.

Нео-санньяса[32]. Лотос на болоте

После окончания университета в г. Саугара Ошо стал искать работу учителя. Но его пренебрежение нормами поведения в обществе снова поставило под угрозу его планы. Он рассказывает об одном интересном эпизоде:

> «Закончив университет, я обратился за назначением в государственные органы. Министр образования пригласил меня на собеседование и попросил принести какие-нибудь характеристики, поручительства. Я сказал: „Я здесь, вы глядите на меня, я могу посидеть здесь, а вы на меня посмотрите. Я могу пожить у вас несколько дней, если хотите. Но только не просите у меня рекомендацию. Кто может мне ее дать?“
>
> Он ничего не понял и сказал: „Вы можете взять ее у проректора или хотя бы у руководителя кафедры“.
>
> „Если мой проректор попросит у меня характеристику на себя самого, я не смогу дать ему такую. Так как же я могу просить характеристику у него? Следовательно, это невозможно. Я могу просить характеристику только у человека, которого реально вижу и который является человеком с характером\. Но это было бы полной бессмыслицей. Это значит, что сначала я должен дать ему характеристику — только после этого его характеристика на меня приобретет какой-то смысл“.
>
> Он совершенно не поспевал за ходом моих мыслей и сказал: „В таком случае могут возникнуть трудности, поскольку необходимы две характеристики“.
>
> Следовательно, я написал характеристику от имени моего проректора. Потом я пошел к проректору и сказал: „Вот характеристика, которую я написал на самого себя. Вам надо подписать ее“.
>
> „Но это же чушь! — сказал он. — Как вы можете давать характеристику сами себе?“
>
> „Если я не могу дать ее самому себе, как вы можете мне ее дать? Я знаю себя лучше, чем кто-либо другой. Вы же не знаете меня совсем. Если вы можете дать мне характеристику, то почему сам я не могу? Вот характеристика. Вам надо только подписать ее“.
>
> Он посмотрел на характеристику и рассмеялся, потому что я написал в характеристике, что человек

непредсказуем, слово „характер“ говорит только о прошлом, а будущее всегда неопределенно. Может быть, сейчас я хороший человек, ну а в следующий момент? Никто не знает! Возможно, до этого момента я был святым, но в следующий я могу сделаться грешником. Действительно, в каждую следующую минуту я могу обнаружить новую черту своего характера, и опять и опять должен буду сдерживать его».

Этим объяснением Ошо удалось произвести впечатление на тех, кто был вовлечен в процесс его трудоустройства, и в 1957 г. получил должность учителя в городе Райпуре, в Санскрит-колледже Махавидьялайа. В 1960 г. он стал преподавателем философии в университете Джабалпура.

В течение своей учительской карьеры Ошо завоевал уважение как блестящий, замечательный преподаватель. Он вносил дух любознательности в преподавание и возбуждал интерес в своих студентах, воодушевлял их на самостоятельный поиск ответов. Он был так популярен в университете, что студенты часто пропускали другие занятия, чтобы посетить его лекции. Как описывает это Ошо:

«У меня в классе было только десять студентов, но скоро, проректору пришлось дать мне специальное разрешение на большую аудиторию, потому те 200 человек, что посещали мои лекции, моими студентами не являлись. Другие преподаватели сердились, потому что студенты, которые должны были посещать их занятия, сидели на моих. Они сказали мне: „Это неправильно“. „Вам не следует беспокоиться, — сказал я. — Вы тоже можете приходить“. И действительно, некоторые учителя тоже стали приходить».

Однако бунтарский нрав Ошо на каждом шагу бросался в глаза. Прямо с первого дня, когда он стал работать в Санскрит-колледже Райпура, он начал задавать неудобные вопросы и нарушать порядки старого колледжа. Эпизод, о котором рассказывает Ошо, характеризует это обстоятельство:

«Я был преподавателем в одном санскритском университете. В тот первый день, когда я приехал в университет, у меня еще не было своего жилья, поэтому мне пришлось на несколько дней поселиться в общежитии. Коль скоро это был санскритский университет, а санскрит изучать никто не хотел, почти

90 % студентов были на государственной стипендии. Они были там только из-за стипендии. У них не было ни малейшего желания изучать санскрит, он был им совершенно неинтересен, они были бедными студентами, которые не могли бы получить стипендию еще где-либо, так что это было лучше, чем ничего. А поскольку все они получали стипендию, то были обязаны молиться каждое утро в четыре часа утра.

Я приехал в университет зимой, а они, чтобы подготовиться к молитве, в четыре утра должны были мыться холодной водой и тряслись от холода. Горячего водоснабжения не было — изучающим санскрит не полагалось такой роскоши, как горячая вода; им полагалось жить так, как в старину жили риши[33] и их ученики. И они должны были рано вставать, в час брахма мухурта (который, согласно индуистской мифологии, считается одним из самых божественных моментов).

В тот первый день, утром, когда они еще не знали, что я преподаватель, я пошел к колодцу, потому что сам с удовольствием принял бы холодный душ. А студенты были так злы, что на разные лады использовали слова из четырех букв, причем не только в адрес проректора, но даже самого Бога.

Я поднялся к проректору и сказал: „Это неправильно. Не святош же мы из них воспитываем. После холодного обливания они должны строиться в линейку и часами молиться на санскрите. В самом деле, как они могут быть искренними в этой молитве? Они злы на Бога. Если они встретят Бога, они его убьют! А они все молятся и молятся… Что это может быть за молитва?“

Но проректор был старым и преданным знатоком санскрита. Он сказал: „Нет, это неправда. Они делают это по собственной воле; мы никого не заставляем“.

„Я знаю, — сказал я, — что они делают это по собственной воле, потому что если они не станут этого делать, то лишатся стипендии. Вы заставляете их не напрямую, а косвенно. А если вы хотите оспорить мое мнение, дайте мне только один день, я вывешу на видном месте объявление, что те, кто хочет вставать в четыре утра, обливаться холодной водой и молиться, могут это делать, а те, кто не хочет это делать, могут не беспокоиться о стипендии, поскольку она останется при них“.

Вот тут проректор и попался. Ему пришлось согласиться. Я пришел к проректору в четыре утра и нашел его спящим! Я вытащил его из кровати и сказал: „Давайте! Что вы за проректор! Ваши студенты молятся, обливаются холодной водой, а вы тут спите!“ Он ужасно на меня разозлился. „Вот то же самое происходит и с ними! — сказал я. — Пошли!“

А там не оказалось ни одного студента, в бадье не было воды, и в зале для молитв никого не было. „Сейчас мы вместе совершим омовение холодной водой и будем молиться вдвоем!“

„Я не могу обливаться холодной водой, — сказал он. — Я старый человек!“

„Хорошо, — сказал я. — В таком случае я сам приму холодный душ. А вы будете сидеть здесь и наблюдать за этим, а потом мы вместе пойдем молиться“.

„Но я устал, — ответил он, — и я хочу пойти спать!“

„В таком случае, — сказал я, — я буду единственным молящимся — а я абсолютно не знаю санскрита! А Бог понимает только санскрит! Министерство образования назначило меня в этот университет по ошибке. Взглянув на меня, они решили, что я, должно быть, знаю санскрит. Я абсолютно не знаю санскрита. Меня не интересует какая-то мертвечина“.

Таким образом он пошел в свою комнату, и я пошел к себе, и мы оба легли спать. В то утро студенты пришли ко мне, они были очень счастливы и благодарны. Я сказал проректору: „Что может быть лучше, что может быть благочестивее того, что они пришли и поблагодарили меня? Прекратите всю эту бессмыслицу!“

Но вместо того, чтобы отменить эту бессмыслицу, он официально перевел меня в другой университет со словами: „Этот человек опасен! Он разрушит мораль моих студентов, их нрав и религию!“»

Через год Ошо был назначен на работу преподавателя в университет г. Джабалпура. В течение этого периода он сосредоточился на своем теле и проводил время в упражнениях и развитии собственного тела. Поддерживая себя в прекрасной физической форме, параллельно он строил грандиозные планы на следующие десять лет — еще более увеличить свою энергию раджас, что требовалось для его неуклонного движения вперед. Он путешествовал по всей стране с рвением и целеустремленностью. Возможно, Ошо осознавал, что в

последующие годы это повлияет на его здоровье.

Напряженный график путешествий, которому Ошо следовал с 1960 г., соответствовал периоду раджас его жизни. Эта активность, согласно Ошо, возможна, только если человек жил праведной жизнью или прошел через фазу пассивности. Тогда она наступает сама собой и протекает естественным образом. Ошо поясняет, что этот вид активности несколько отличается от той активности, что возникает из беспокойства или страха, или из-за напряжения, например, как это бывает при политической деятельности.

В отличие от последних, эта активность не мотивирована амбициями, но сочувствием. Этот активный период жизни Ошо продолжался вплоть до того, как он поселился в Мумбае в 1970 г. В книге Dimensions Beyond the Unknown(«Измерения за гранью непознанного») Ошо так описывает этот период своей жизни: «Когда началась эта часть моей жизни (та, что относилась к раджас), я много ездил по стране. Так много, как я, за этот промежуток в десять-пятнадцать лет путешествовать никто больше не смог бы, даже за две или три жизни (перерождения). Чтобы так же много сказать, как я сказал за эти десять-пятнадцать лет, кому-то еще потребовалось бы десять-пятнадцать жизней. С утра до вечера я находился в движении, путешествуя повсюду». Определяя цель и природу этой фазы, Ошо в этой же книге добавляет:

> «По причине или без причины, я инициировал дискуссии, потому что чем больше существует спорных вопросов, тем быстрее происходит переход ко второй фазе активности. Поэтому я начал критиковать Гандхиджи (Ганди). Я стал критиковать социализм. Я никогда не обращался к этим темам, у меня также никогда не было каких-то политических привязанностей. У меня не было к ним ни малейшего интереса. Но когда все население страны поглощено этими вещами, было просто необходимо внести какое-то противоречие, даже просто ради развлечения. Таким образом, в течение перехода к второй фазе моей активности я инициировал массу дискуссий и наслаждался ими.
>
> Если б эти противоречия происходили из напряженных ситуаций, в которых главную роль играли амбиции, они принесли бы мне, только разочарования. Но, поскольку все они были созданы для развития раджас гуна, для его выражения, они были забавны и интересны. Эти споры были похожи на драматическое

представление».

Путешествия Ошо были лихорадочны. Он находился в дороге по три недели в месяц. Ошо в течение своей фазы пассивности разговаривал очень мало. Но он говорит:

> «В активный период я сам приходил к людям, чтобы просто поговорить, и моя речь была пламенной… это пламя мне не принадлежало. Оно исходило из раджас гуна. Это был единственный способ выплеснуть наружу жар раджас гуна. Это пламя должно пылать со всей силой для того, чтобы быстро сгореть дотла. Чем тише огонь, тем дольше он горит».

В 1964 г. Ошо, чтобы обучить медитации своих последователей, организовал первые десятидневные сборы. Это был лагерь, расположенный на холмах Раджастана, в местечке Мучала Махавир. Ошо обучал нескольким видам медитационных техник, которые можно было выполнять ранним утром, в течение дня, а также по вечерам и перед отходом ко сну. Некоторые из медитационных техник, таких как Випассана и Надабрахма[34], а также медитационное вращение (Суфи)[35], хорошо известны в других традициях.

Ошо объяснял, что такое медитация, бесчисленным количеством способов и невероятно глубоко. Он называет медитацию «состоянием не-разума», что является состоянием отсутствия мыслей, состоянием молчания.

> «Обычно ваше сознание наполнено кучей ненужных вещей, оно словно зеркало, покрытое пылью. Разум похож на дорогу с постоянным потоком машин: мысли бегают туда-сюда, мелькают желания, наплывают воспоминания, возникают амбиции — непрерывное движение, день за днем. Даже когда вы погружены в сон, разум функционирует, он порождает сны, он все так же думает; он все так же беспокоится и тревожится. Он готовится к следующему дню, идет подспудная подготовка. Это не состояние медитации, это состояние как раз противоположно медитации. Когда прекращается движение и процесс мышления останавливается, мысли не бегают, желания не мешают, вы погружены в тишину, тишину медитации. И в этой тишине познается истина, и никак иначе. Медитация — это состояние не-разума.
>
> И вы не можете войти в состояние медитации через разум, потому что разум охраняет сам себя. Вы может

войти в состояние медитации, только отставив разум в сторону, остудив себя, сделавшись безразличным, не соотнося себя с разумом, не думая „Я есмь мой разум“. Медитация — это осознание того, что „Я не есмь мой разум“. Когда осознание этого проникает в вас все глубже и глубже, мало-помалу приходят несколько моментов, моменты тишины, когда вам ничего не мешает, мгновения чистого пространства, мгновения прозрачности, моменты, когда вас внутри ничего не тревожит, все пребывает в покое. В эти моменты вы узнаете, кто вы на самом деле, и вы познаете тайну бытия».

В противоположность распространенной идее медитации Ошо смотрит на нее как на переживание не-активности, не-серьезности, радости и игры:

> «Разум очень серьезен, а медитация абсолютно не серьезна. Когда я говорю это, вы, возможно, придете в замешательство, потому что о медитации продолжают рассуждать очень серьезно. Но медитация не серьезная вещь. Это что-то вроде игры. Откровенной, но не серьезной. Это не вид работы, она больше похожа на игру. Игра не является видом деятельности. Даже в процессе выполнения она не является деятельностью. Игра — это просто удовольствие. Она ни к чему не стремится, она никак не мотивирована. Скорее, это текущая энергия в чистом виде».

После этих первых сборов для обучения медитации в 1964 г. Ошо провел много других таких занятий по всей стране. Обычно он выбирал место для лагеря на природе, вдали от толпы и городского шума. Его сборы для медитаций и бесед становились все популярнее, и с его помощью нация начала пробуждаться от летаргического сна. Он производил незабываемое впечатление на людей любого общественного положения и рода занятий, и все большее и большее число людей начинали любить его.

Интенсивные поездки Ошо, его образ жизни и оригинальность, его острый ум и бунтарская натура часто досаждали университетскому начальству, но, однако, из-за его популярности и репутации они не могли предпринять чего-то серьезного. Его друзья настаивали на том, чтобы он оставил свою работу и посвятил себя всецело этой деятельности. Но Ошо отвечал, что следует дождаться нужного времени.

В августе 1966 г. он почувствовал, что пришло время

освободиться от работы в университете. И это желание было обоюдным. Об Ошо слишком много говорили, что делало обстановку в университете неспокойной. Время пришло. Ошо только что вернулся из поездки. Спор возник из-за его манеры одеваться. Несколько лет подряд Ошо носил лунги (широкий кусок материи, обернутый вокруг пояса) и чадар (одежду, драпировавшую верхнюю часть тела). Однако руководители колледжа еще до этого выражали недовольство его стилем одежды, и ректор выбрал время возвращения Ошо из поездки, чтобы поставить вопрос ребром. Коль скоро Ошо никогда не осуждал то, как одевается ректор, то и Ошо посчитал несправедливым, чтобы ректор возражал против его манеры одеваться. Когда ректор предъявил ему претензии, Ошо немедленно подал ему заявление об увольнении, которое, между прочим, всегда носил с собой.

Освободившись от работы преподавателя в университете Джабалпура, Ошо принялся тратить свою энергию раджас, беседуя, как Махатма Ганди, на весьма деликатные темы, такие как секс, ортодоксальный индуизм и социализм. Во время празднования столетнего юбилея Ганди в 1968–1969 гг.

Ошо открыто и отважно критиковал Махатму Ганди, его идеи и его последователей. Критика Ошо идей Ганди была двоякой: он считал идеи Ганди этическими, а не религиозными. Ошо не видел в Ганди религиозного человека, даже несмотря на то, что такой взгляд на Ганди был распространен в Индии. Согласно Ошо, в целом религиозная концепция Ганди относительно синтеза религий не была свободна от его приверженности индуизму. По словам Ошо, Ганди ничего не Знал о медитации, но очень сильно старался создать (индуизму) некую синтетическую оболочку. В сущности, Ганди был индуистом и оставался индуистом всю его жизнь, до самого ее конца.

> «Он называл „Бхагавад Гита“ своей матерью, но никогда не называл Коран своим отцом — или даже дядей. Хотя он говорит, что учение там одно и то же, то, как он обходится с ним — абсолютно политический способ, умный, хитрый, но не истинный… Что бы он ни обнаружил в Коране, в Библии, в Дхаммапада[36], если это совпадает с написанным в „Бхагавад Гита“, он немедленно хватается за это и говорит: „Смотрите! Все религии учат одному и тому же!“ Но существует множество вещей в Библии, которые идут вразрез с „Бхагавад Гита“, много противоречий с „Бхагавад Гита“ есть в Коране, в Дхаммапада. Он не обращает на них

никакого внимания, он их игнорирует, и поэтому этот его синтез — фальшивка. Фактически он вычитывает „Бхагавад Гита“ везде, где только можно найти ее отзвуки, он немедленно говорит: „Поглядите! Он говорит то же самое!“ Но как же быть с различиями? Что делать с абсолютно противоположными точками зрения?

Ганди выбирает из религии отдельные куски и потом делает из них мешанину, которую называет синтезом религии Но этот синтез никогда не состоится. Ему не удалось убедить ни мусульман, ни индуистов».

Описывая свою собственную концепцию религии и свою работу в той ситуации, Ошо сказал в марте 1971 г.:

«Я не занимаюсь синтезом, как Гандиджи. Я не призываю к смешению религий. Я говорю, что все религии со всеми их отличительными чертами для меня приемлемы… Коран и Гита — это не одно и то же, но можно найти то, что связывает их. Таким образом, я бы хотел раскинуть сеть санньясинов, которые могли бы сформировать такую связь. Эти санньясины будут творить намаз в мечети, произносить молитвы в церкви, а также будут практиковать киртан[37] в храме. Они пойдут по пути Махавира, будут медитировать как Будда и еще экспериментировать в сикхской[38] традиции, устанавливая таким образом соединительные линии — живую цепь человеческих связей. Все будут соединены единым религиозным чувством, так что все религии, ныне отдельные, станут одним целым в их внутреннем гармоничном движении к цели. Все они едины в том смысле, что ведут вас к одному сверхсознанию.

Широкая перспектива, которую я вижу перед собой, такова: я хотел бы помочь всем и каждому в соответствии с его возможностями, его стадией развития, его культурой, в соответствии с тем, что он уже кровно воспринял. Потом ему будет гораздо легче достичь истины. Таким образом, как у меня нет своей собственной религии, так и нет и моего собственного пути, потому что ни один исключительный путь или одна отдельная религия не работают на будущее».

Ошо находил взгляды Ганди на общество и его способ решения социальных проблем примитивным и ненаучным. Он находил их отсталыми, потому что они исходили из традиций. Ошо указывает на то, что Ганди скорее придерживался старых,

как прялка, способов, которые он пропагандировал, нежели современных, продвинутых технологичных методов.

«В течение двадцати лет я критиковал Махатму Ганди и его философию. Ни один сторонник Ганди не ответил мне. Многие его сторонники на самом деле приходили ко мне и говорили: „Даже если ты прав, мы не можем сказать такое публично, потому что если мы признаем, что все, что ты говоришь о Махатме Ганди, верно, мы проиграем. Публика верит в Махатму Ганди“. Из-за того, что Ганди был противником техники, эту немыслимую чушь приходилось поддерживать. В наше время, если мы пойдем против развития технологий, эта страна останется бедной; эта страна никогда не станет процветающей. А технологии не обязательно идут вразрез с экологией, это не неизбежно. Следует развивать такую технологию, которая бы не противоречила экологии. Технология должна развиваться таким образом, чтобы не разрушать природу, но одновременно помогать людям. Но Ганди был против технологии.

Он был против железных дорог. Он был против почтовой связи. Он был против электричества, он был против машин всех видов. Они знали, что это глупо, но продолжали преклоняться перед Махатмой Ганди, потому что им были нужны голоса на выборах. И народ боготворил Махатму, поскольку Махатма Ганди соответствовал их представлениям о том, каким должен быть махатма.

Махатма Ганди приспосабливался к запросам индийской толпы. Индийские массы обожали его. Политикам приходится следовать за толпой. Всегда помните: в политике лидер плетется за последователями. Ему приходится делать это. Он только притворяется, что он лидер, в сущности, это он должен идти за своими сторонниками. Как только последователи покинут его, он канет в никуда. Он не может быть сам по себе, у него нет собственной точки опоры.

Ганди преклонялся перед бедностью. Сегодня, если вы будете преклоняться перед бедностью, вы останетесь бедным. Бедность надо ненавидеть! Я ненавижу бедность! Я не переношу, когда обожествляют бедность! Такое надо считать преступлением. Я не вижу ничего

божественного в том, чтобы быть бедным. Но Ганди много рассуждал о бедности и ее прелестях; это поддерживало чувство собственного достоинства бедняка, это льстило его эго. Так он хорошо себя чувствует. То, что он религиозен, то, что он прост и беден, служит ему утешением. Ганди живописал то, что пусть он не имел богатства, зато обладал духовными сокровищами. Бедность сама по себе не является духовным богатством, нет, совершенно нет. Бедность уродлива, и бедность должна быть уничтожена. А чтобы уничтожить бедность, необходимо внедрять технологию.

Махатма Ганди был против контроля над рождаемостью. Если вы против контроля над рождаемостью, Индия будет становиться все беднее и беднее. Иного выхода (кроме контроля над рождаемостью) у нас нет».

Взгляды Ошо на Ганди произвели фурор по всей Индии, и особенно в родном штате Ганди, Гуджарате. Гнев и протесты были такими сильными, что некоторые люди, провозглашавшие себя друзьями Ошо, покинули его. Обещание правительства Гуджарата предоставить Ошо 600 акров земли было отменено; эта земля была бы идеальным местом для проведения Ошо медитационных сессий.

Ошо подлил масла в огонь 28 августа 1968 г. Группа друзей пригласила его выступить с серией лекций о любви. Лекции должны были проходить в Бхаратья Видья Бхаван, одном из передовых культурных и образовательных центров Мумбая (тогда — Бомбея). Лекция давалась на хинди, и то, что сказал Ошо, повергло всех в шок. Основной мыслью лекции было то, что секс — это божественный дар.

«Первоначальная энергия секса представляет собой отражение Бога. Очевидно, что это та энергия, которая создает новую жизнь. И это самая великая, самая таинственная сила изо всех. Заканчивайте с враждебным отношением к сексу. Если вы жаждете в этой жизни всепоглощающей любви, откажитесь от неприятия секса. Принимайте секс с радостью. Признайте его святость. Получайте наслаждение с благодарностью и воспринимайте его все глубже и глубже. Вы будете удивлены тем, что секс может явить такую святость, он покажет вам свои священные свойства в той степени, в которой вы способны их принять. Насколько греховным и неуважительным будет ваш подход к сексу, ровно

настолько греховным и уродливым будет то, чем секс вам ответит. Если вы хотите знать элементарную правду о любви, первое требование — это принять святость секса, принять его божественность так же, как вы принимаете существование Бога — с открытым сердцем. И чем более широко распахнутым сердцем и разумом вы примете секс, тем более независимым от него вы станете. Но чем более вы подавляете его, тем более он вас связывает».

Организаторы были в шоке, услыхав, насколько открыто Ошо говорит о сексе. Они были так ошарашены этим, что отменили другие лекции этой серии. Ошо возвратился в Джабалпур. Но, несмотря на то что в этой лекции Ошо пошатнул основы индийских верований, табу и отношение к сексу, он тем не менее пробудил в тех, кто его слушал, немалый интерес. Поэтому его снова пригласили продолжить лекции. Ровно через месяц Ошо вернулся в Мумбай и прочел ряд лекций на ту же тему на открытом публичном собрании перед 50 000 слушателей в Говалия Танк Мэйдан.

В этих лекциях Ошо коснулся многих сторон секса и любви, хотя особый упор он сделал на постижении или очищении сексуальной энергии для того, чтобы человек смог познать божественное. Он резко отверг идею безбрачия, потому что, согласно Ошо, безбрачие и воздержание — это, как правило, подавление сексуальной энергии, что не является здоровой, естественной трансформацией секса. Он убеждал своих слушателей, что секс является природным феноменом и что люди должны заниматься им с любовью и созерцательно, так, чтобы это могло стать их первым шагом на пути к сверхсознанию. Ошо не учил «свободному сексу» или сексуальной вседозволенности, как это было многими неверно понято. Напротив, он провозглашал в совершенно однозначных выражениях, что секс, правильно понятый, не допускает потворства низменным желаниям.

Когда эти речи были опубликованы, они не принесли Ошо ничего, кроме неприязни, злобы и оскорблений со стороны индийского общества и прессы. Но никто не смог дать здравого, интеллигентного и беспристрастного ответа на те идеи и стороны секса, которые обсуждал Ошо. Эти дискуссии были переведены на английский язык для книги «От секса к сверхсознанию» («From Sex to Superconsciousness»), опубликованной в 1979 г.

В марте 1969 г. Ошо был приглашен для чтения лекций на Второй Всемирной религиозной индуистской конференции в городе Патна. Председательствовал на конференции религиозный

деятель самого высокого ранга Шанкарачарья из г. Пури. Он был рассержен и раздражен присутствием Ошо на той же самой сцене и запротестовал против этого. Организаторы вступились за Ошо, и Шанкарачарья, слегка смягчившись, дал ему сорок пять минут. Но Ошо в свойственной ему бесстрашной, пламенной манере принялся бичевать заорганизованные религии, их священнослужителей и ханжество. Перед всей аудиторией, включая самого Шанкарачарья, Ошо сказал:

> «Любая религия, считающая жизнь бессмысленной и полной несчастий, пропагандирующая ненависть к жизни, не является истинной религией. Религия — это искусство, которое показывает, как надо наслаждаться жизнью. Освобождение состоит не в том, чтобы убежать от жизни, но в том, чтобы наслаждаться жизнью и миром в полном объеме. Но эти собрания, проводимые во имя религии, не нуждаются в том, чтобы личность становилась по-настоящему религиозной. Потому что после этого все их придется прекратить, и не будет более никакой необходимости в священнике как во всемирном учителе».

Ошо говорил едва ли более десяти минут, когда Шанкарачарья и его коллеги потребовали от организаторов, чтобы те прервали его выступление. Ошо спросил у аудитории, остановиться ему или продолжать. Аудитория закричала в ответ, что он должен продолжать. В заключение лекции Ошо аудитория наградила его горячими, громкими аплодисментами, которыми вряд ли когда-либо встречала самого Шанкарачарью.

Ошо также выразил свое несогласие с социалистическими идеями лидеров партии Конгресса, включая Неру, которых последние стали придерживаться после получения Индией независимости от британского правления. Он считал опасным для любой страны говорить о социализме прежде, чем там будет построена капиталистическая экономика, поскольку не считал капитализм и социализм противоборствующими системами. В июле 1969 г. Ошо выступил в Джабалпуре на тему «Индия и социализм».

> «Социализм — это конечный результат капитализма. Это весьма естественный процесс. Нет необходимости проходить через какую бы то ни было революцию. На самом деле капитализм — это революция, которая приносит социализм. Капитализм показал впервые в мире, что надо сделать, чтобы создать процветание.

> Я думаю, что в Индии социализм неизбежен, но через пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет. Индия должна приложить усилия в первую очередь к созданию благосостояния. Бедность в этой стране приняла хронический характер; она длится слишком давно — и если не создать капитализм в течение ближайших пятидесяти или ста лет, это страна останется бедной навсегда. Капитализм даст возможность создать всеобщее благосостояние. В настоящий момент во имя социализма мы можем создать только всеобщую бедность».

Критика Ошо социализма и его поддержка капитализма вызвала немедленную реакцию: его заклеймили как антинационалиста и назвали агентом ЦРУ. В своих беседах, спорах и дискуссиях Ошо коснулся всех ключевых проблем и социальных болезней Индии. Даже с риском для жизни Ошо делал смелые и откровенные замечания и только по одной причине: он остро ощущал то, что Индия больше не может заметать мусор под ковер. Кто-то должен был стать лидером в выявлении пороков и нелепостей, в которых погрязла страна. С его способностью проникать в глубь вещей с одного беглого взгляда Ошо мог стать таким лидером, и он намеревался в течение следующих десяти лет довести свои взгляды до всеобщего сведения.

В ходе своего визита в Мумбай 13–16 августа 1970 г. Ошо проводил медитационные сессии в средней школе в Палм-Бич. В течение этих сессий Ошо удивил тех, кто ожидал увидеть его обычную «расслабляющую» медитацию. Он впервые представил его собственную технику медитации — Динамическую медитацию. Проводя в течение многих лет медитации для расслабления, Ошо обнаружил, что эта техника не подходит современным людям. Он разъясняет:

> «Я в течете десяти лет постоянно работал по методу Лао-цзы, то есть обучал непосредственной релаксации. Мне это было легко, поэтому я думал, что это будет легко и остальным. Потом, постепенно, я пришел к пониманию, что это невозможно… Я настойчиво говорил людям „расслабьтесь“. Они понимали значение слова „расслабьтесь“, но расслабиться не могли. Затем мне пришлось разработать новые методы медитации, которые сначала создавали еще большее напряжение. Эта техника создавала такое напряжение, что почти сводила с ума. А потом я мог бы сказать „расслабьтесь“».

Таким образом в тот день, когда Ошо представил свою Динамическую медитацию, все были поражены, но в то же время и заворожены. Индийская пресса выразила свое возмущение теми воплями, которые издавали участники, срывая с себя одежду. Весь вид происходившего был далек от понимания. Но он был весьма впечатляющ. На четвертый день, который являлся последним днем сессии, Ошо сказал:

> «Я дал вам очень ценную технику. Выполняйте ее регулярно!»

Техника Динамической медитации состоит из элементов йоги, суфи и тибетских традиций наряду с находками современной психологии. Ошо соединил их вместе в одну единую общую рекомендацию, которая отвечала бы потребностям членов современного общества. Ошо объясняет значение Динамической медитации следующим образом:

> «Динамическая медитация — это противоречие. „Динамическая“ означает усилие, много усилий, абсолютное усилие. А „медитация“ означает молчание, тишину, никаких усилий, никакой активности. Вы можете назвать это Диалектической медитацией. Будьте настолько активны, чтобы вся энергия воплотилась в движение; чтобы в вас не осталось никакой статической энергии… Станьте динамичны… Вы все становитесь все больше похожи на энергию… Пустить всю энергию в работу…
>
> Когда все движется, а вы превратились в циклон, потом будьте бдительны. Помните, нельзя терять рассудок, а в этом циклоне вы неожиданно можете найти центр, в котором царит абсолютный покой. Это центр циклона. Это вы — вы в вашей божественности, вы — как бог.
>
> Усилие и бессилие, движение и обездвиженность, активность и пассивность — все это берега реки. А между ними протекает невидимое. Существует две видимости. Между ними протекает невидимое — это то, что вы суть сами».

Кроме Динамической медитации, Ошо обучал другим техникам, столь же простым и все же сильнодействующим, интенсивным, но полным игры. Музыка и движение были основными составляющими этих медитаций, а принцип превращения энергии путем повышения активности и

молчаливого наблюдения составляли его сердцевину.

В ходе своих путешествий Ошо проводил беседы с людьми всех профессий, каст, религиозных верований и классов. Он проводил дискуссии с политиками и промышленниками, писателями и художниками, людьми из индустрии развлечений и студентами университетов, членами клубов Лайон и Ротари[39], священнослужителями и учеными мужами. Он говорил при огромном стечении народа и с небольшими группами, набившимися в прокуренные комнатки.

Кроме того факта, что раджас Ошо рассеивалось и тратилось в путешествиях, противоречивых лекциях, дискуссиях и спорах, он также начал понимать, что в его деятельности нет существенного продвижения вперед. Следовательно, поездки имели все меньше и меньше смысла. По словам Ошо:

> «Я разговаривал с миллионами людей в этой стране; потом мне пришлось остановиться. Я говорил с тысячами — с 50 000 за одну встречу. Я путешествовал по стране в течение пятнадцати лет, изъездив ее из конца в конец. Я просто устал ото всего этого, потому что каждый день должен был начинать с азбучных истин. Все время это были азы, азы… И стало абсолютно ясно, что я никогда не дойду до конца алфавита. Мне пришлось прекратить путешествия.
>
> На одном собрании я говорил о Кришне, а люди сидели ко мне спиной, разговаривая друг с другом. Это стало последней соломинкой. В середине собрания я ушел. Председатель собрания спросил: „Куда вы идете?“ Я ответил: „Я ухожу навсегда. Я закончил с этими тупыми людьми. Я говорю им о Кришне, они пригласили меня, чтобы я поговорил с ними, но, похоже, никто меня не слушает“».

В течение этого периода Ошо из своих путешествий регулярно возвращался в Джабалпур, чтобы какое-то время побыть наедине с собой. Но вскоре делать это стало все трудней и трудней. Почти через четыре года после увольнения из университета в 1966 г. Ошо покинул Джабалпур. Он резко сократил поездки, уменьшил количество медитационных сборов и принялся запаковывать свою личную библиотеку. Его друзья с энтузиазмом принялись подыскивать ему место в Мумбае, где бы он мог встречаться с людьми.

29 июня 1970 г. в Шахид Смарак Бхаван в Джабалпуре был дан прощальный прием в честь Ошо. Прием посетил вице-председатель совета университета, а также журналисты,

писатели, профессора, редакторы газет и другие известные граждане. Когда все речи были произнесены, Ошо выступил с ответным словом.

> «Считается, что я уже стал махатмой (великой душой). Но было бы правильнее назвать меня скитальцем. Сегодня я здесь, завтра буду в Бомбее, а послезавтра могу уехать в Нью-Йорк. Куда бы ни повлекло меня провидение, я буду следовать по этому пути. Я болезненно задел чувства многих людей, и я не забуду Джабалпур еще и по этой причине. Я вмешивался в высокоученые споры со своими доводами и часто делал людям неприятно. В Бомбее я увижу, смогу ли не причинять неприятностей, потому что сидеть тихо я не хочу. Я здесь, чтобы причинять неприятности, так что думайте сами. Эта страна никогда не думает. Помните: в стране, где прекратили думать и размышлять, нация умирает. Так что если я увижу, что раны, которые я вам нанес, начали затягиваться, то вернусь и ударю… Я никуда не еду (по моему собственному желанию). Это делается по повелению свыше. Я хочу сказать вам напоследок: продолжайте думать. Как только прекращается течение мысли, вода превращается в мутную лужу, а если она продолжает течь, то становится рекой».

Ошо прибыл в Мумбай 1 июля 1970 г. Здесь он взялся за совершенно новый вид деятельности. Он начал вести регулярные вечерние беседы на духовные и эзотерические темы с полусотней человек. Он углублялся в различные духовные традиции; он с удовольствием отвечал на вопросы, исходившие из предыдущих лекций, и в своих ответах глубоко развивал темы. Это был очень интенсивный, живой, насыщенный диалог, большая часть которого была собрана в книгу «Мистический опыт»(The Mystic Experience) и переведена с хинди.

Все бывшие рядом с Ошо в течение этого периода говорят, что он излучал огромную силу, и даже те, кто просто находился рядом, ощущали такой мощный прилив энергии, что начинали дрожать или плакать. Очень сильно это проявилось в ходе одного медитационного сбора, проводившегося в августе 1970 г. Ошо предупредил, что хочет посвятить в санньясу всех, кто чувствует с ним внутреннюю связь. Таким образом на медитационном сборе, проводившемся с 25 сентября до 5 октября 1970 г. в Манали, красивом курортном месте в долине Гималаев, Ошо посвятил в санньясу шесть человек. Он дал всем шести новые имена и

положил формальное начало международному движению нео-санньясы. Революционная концепция нео-санньясы, или идея Ошо относительно санньясы, исходя из следующего отрывка его беседы может быть кратко сформулирована следующим образом:

> «Моя санньяса жизнеутверждающа. Ничего подобного никогда не появлялось на земле. Это абсолютно новый феномен. Все старые идеи о санньясе были основаны на эскапизме или на отречении. Моя санньяса не имеет ничего общего с эскапизмом. Я против бегства от действительности, потому что для меня Бог и жизнь — это синонимы. Никогда не говорилось о том, что Бог и жизнь синонимичны. Бога всегда противопоставляли жизни: чтобы постичь Бога, надо было расстаться с жизнью. А я говорю вам — вы должны жить возможно более полной жизнью, как можно более интенсивно, так страстно, как только можете — если хотите познать Бога во всей его полноте.
>
> Всякий и каждый находится здесь, чтобы стать богом. Это судьба каждого. Вы можете отложить это, но вы не сможете этого избежать. Давая вам санньясу, я пытаюсь ускорить это. Давать вам санньясу означает то, что я убеждаю вас более не откладывать это. Давать вам санньясу не означает ничего иного, кроме как помочь вам более не откладывать это.
>
> Это дань большому уважению, потому что в каждом из вас я вижу Будду. Будда ожидал уже достаточно долго, а вы не взглянули на него. Когда я прошу вас стать санньясинами, я говорю: „Вот и пришло время. Вы делаете решительный шаг“. Идите по этому новому жизненному пути. Вы жили по-старому, и ничего из этого не получалось, или то, что получалось, было поверхностным и тщетным. Идите новым путем.
>
> Старая концепция санньясы во всем мире предписывала вам строгую дисциплину, диктовала характер, придавала вам некоторую форму, шаблон поведения, стиль жизни. Моя санньяса ничего общего с этим не имеет — это радикальное изменение. Я не придаю вам какого-то характера, потому что для меня человек с устоявшимся характером — это мертвец. Я бы хотел извлечь из вас весь характер и оставить творческий хаос… так, чтобы каждый момент человек мог реагировать на жизнь вне какого-либо стереотипа.
>
> Моментально отказаться от каких-то стереотипов,

просто исходя из спонтанных побуждений — так, как вы решаете действовать в данную минуту — вот что я называю „творческий хаос“, лишенное определенного характера сознание, настоящее без будущего, свобода, не ограниченная какой-то дисциплиной.

Жить таким образом и означает жить жизнью санньясина. Это бесконечно прекрасно, совершенно благословенно, но требует большой отваги, потому что у вас нет проводника, у вас нет четкой формы, вы не можете опираться на прошлое. Придется двигаться от неизвестного к неведомому, в котором нет никакой определенности… все это чистая авантюра.

Устаревшая концепция санньясы была жизнеотрицающей — она была целиком против жизни. По моя концепция, или идея, является абсолютно жизнеутверждающей. Ни от чего не надо отказываться — все подлежит изменению. Таким образом, та старая санньяса не была святой санньясой: она принимала только часть жизни и отрицала оставшуюся часть. Она принимала разум, но отрицала тело; она принимала любовь, но отрицала секс; она принимала Бога, но отрицала весь мир. А ведь они составляют единое целое.

Таким образом, старая санньяса не содержала святости, поскольку никогда не вела кого-либо к цельности в жизни. Она была слишком перфекционистской. Я совершенно не являюсь перфекционистом. Значит, моя санньяса абсолютно жизнеутверждающа и является скорее целостной, нежели перфекционистской. Я целиком поглощен любовью к жизни. Это не перфекционистский подход, он не создает чувства вины; он не учит вас проклинать что-либо в вас или в ком-то другом. Он делает вас все более и более сознательным в отношении ограничений жизни и помогает вам получать удовольствие ото всех этих ограничений. Пусть эта санньяса будет потрясающим любовным романом с жизнью как таковой… и никакого другого Бога. Если вы обрели жизнь, вы обрели Бога…»

Инициация в санньясу включает:

• Изменение имени.

• Ношение мала (шейного ожерелья из 108 бусин), на котором помещен медальон с портретом Ошо.

• Ношение одежд цвета охры (позднее меняющегося на коричневый).

Ошо подробно объяснил значение этих изменений. О новом имени он говорит:

> «Я даю вам новое имя только для того, чтобы вы почувствовали, что имя не важно. Ваше старое имя может просто исчезнуть, поскольку это всего ярлык, который можно заменить. Вы и ваше имя — разные вещи».

Имя, даже данное нам другими людьми, глубоко внедряется в наше сознание, и мы начинаем идентифицировать себя с ним, говорит Ошо. Но инициируя вас в санньясу, Ошо разрушает эту и другие идентификации. Он объясняет:

> «Когда вы становитесь санньясином, я хочу разрушить эту идентичность, потому что это начало разрушения всех других самоотождествлений. Сначала я разрушаю вашу идентичность с вашим именем, потом я разрушаю вашу идентичность с вашим телом, затем разрушаю вашу идентичность с вашим разумом, потом вашу идентичность с сердцем. Когда разрушены все эти идентичности, вы сможете узнать, кем же вы являетесь на самом деле, не идентифицированным с чем-либо безымянным, бесформенным или неопределимым».

Также Ошо сообразно случаю выбирал для своих учеников звание — Ма или Свами. Он объясняет причину этого:

> «Путь мужчины — это осознанность, осознанность приводит вас к точке, где вы становитесь хозяином своей жизни. В этом и заключается смысл слова „Свами“. Женщина идет по пути любви, и любовь приводит ее к высшей точке, где она становится матерью своего собственного существования. И таково значение слова „Ма“».

Указывая на то, что каждый цвет имеет свое собственное психологическое значение и влияние, Ошо объясняет выбор охряного цвета:

> «Единственное значение этого цвета заключается в том, что он заставляет вас почувствовать себя утренней зарей. Это цвет восходящего солнца; лучи утреннего солнца окрашены в охряные оттенки. Этот цвет создает благотворную атмосферу, нечто живое и трепетное. Этот

цвет был выбран для того, чтобы вы вошли в резонанс с божественным. Вы должны наполниться божественной жизненной энергией, в вашей душе не должно быть места печали, грусти не должно быть места. Вам все время должно хотеться танцевать. Охра — танцующий цвет».

Объясняя значение и важность слова мала, Ошо сначала отделяет его от понятия «крест».

> «Мала представляет собой жизнь. Крест символизирует смерть. Мала представляет собой некое искусство делать из жизни цветочную гирлянду». Углубляясь в значение этого слова, он дает детальное объяснение слова «мала» и медальону с его изображением:
>
> «До тех пор, пока ваша жизнь не знает, что такое вечность, ваша жизнь будет представлять собой кучку бусин или груду цветов, но это будет не гирлянда. Это не будет мала. В ней не возникнет внутренней гармонии. Бусины не связаны между собой. Это будет хаос, это будет не космос. Там не будет порядка, дисциплины. Но дисциплина должна быть невидимой, как нить… Мала представляет собой время как ряд бусин, видимых, а нить, как вечность, невидима».

Далее Ошо разъясняет, что 108 бусин мала символизируют 108 методов медитации. Согласно Ошо, 108 методов медитации являются основными, из которых можно произвести сотни других способов. О своем изображении на медальоне он говорит:

> «Это не мое изображение. Будь оно моим, я бы поколебался прежде, чем поместить его сюда. Портрет только кажется моим, но он не мой. У меня в действительности не может быть изображения. Каждый в данный момент осознает себя, каждый знает нечто, что невозможно изобразить, описать и поместить в рамку. Я существую как пустота, которую невозможно, изобразить, невозможно сфотографировать. Поэтому я смог поместить здесь свое изображение».

В одном своем интервью Ошо в связи с посвящением людей в санньясу сделал следующее провидческое заявление:

«Вторая половина этого столетия будет иметь исключительно судьбоносное значение. Оставшаяся половина определит судьбу всего грядущего столетия. Это будет определяющий период, определяющий в том смысле, что представление о человеке как о природном механическом устройстве может стать превалирующим.

Если это верование станет превалирующим, будет сложно снова вернуться к повседневной жизни… С каждым днем будет становиться все меньше и меньше людей, знающих, что такое повседневная жизнь, которые понимают суть вещей, которые знают об осознанности, которые знакомы с божественным… Это столетие, вторая его половина, будет решающей. Таким образом, все, кто тем или иным способом готовы начать — таких я посвящу. Если будут посвящены 10 000 , а цели достигнет хотя бы один, дело того стоило…»

Поскольку Ошо привлекал все больше и больше людей и посвящал их в санньясу, на него стали реагировать неприязненно. Сначала те, кто называл себя «прогрессивными» и «интеллектуалами», почувствовали себя рядом с Ошо очень неуютно оттого, что не могли принять Ошо как гуру и стать частью его сообщества. В какой-то степени Ошо приветствовал эту ситуацию, поскольку он хотел видеть в своем окружении тех, кто любит его, кто открыт ему. Его никогда не интересовали те, кто приходил к нему, чтобы удовлетворить свое интеллектуальное любопытство или для того, чтобы найти поддержку своим верованиям или идеологии. Неприятие Ошо происходило из того факта, что число санньясинов вокруг него увеличивалось, а те, чьи интересы Ошо обличал в поездках и беседах по всей стране, стали рассматривать его как потенциальную угрозу обществу. Невзирая на отрицательную реакцию на него самого и его санньясинов, Ошо продолжал привлекать все больше и больше поклонников не только внутри страны, но теперь еще и на Западе. Между 1968 и 1970 гг. в контакт с ним вступило совсем немного искателей с Запада, хотя после того, как он обосновался в Мумбае, к нему приходило все больше народу. Начали появляться в виде брошюр английские переводы некоторых его бесед.

С увеличением числа людей, желающих увидеть Ошо, у него вскоре появилась необходимость подыскать более обширное помещение. В декабре 1970 г. он переехал в апартаменты Вудлэнд. Кроме того, он назначил Ма Йога Лакшми и Свами Йога Чинмайа своими секретарями. Лакшми должна была заниматься организационными вопросами, а Чинмайа, у которого имелся

весьма широкий и богатый опыт в йоге и медитации, должен был вести занятия.

Сначала, в качестве секретаря Ошо и позже как доверенный управляющий фондом Ошо в Пуне, Лакшми была исключительно полезна в расширении и активизации деятельности Ошо. Она происходила из передовой, хорошо известной в Мумбае джайнистской семьи. Ее отец был весьма успешным предпринимателем и являлся членом Индийского национального конгресса. Он был близок со многими лидерами в Конгрессе, включая Ганди, Неру и Пателя[40], и глубоко сочувствовал движению за независимость Индии. Но пока его дети были маленькими, он поддерживал движение из-за кулис.

Лакшми также горячо интересовалась индийской политикой, особенно с 1962 по 1965 г. Она впервые услыхала Ошо на конференции Всеиндийского женского конгресса, секретарем которого являлась. Когда она его увидела, рассказывала Лакшми, произошло нечто необыкновенное: по ее телу побежали мурашки, на нее что-то снизошло, и в следующее мгновение она заплакала и не могла остановиться. Ранее она никогда не испытывала к кому-либо такого глубокого чувства любви и благоговения. Позже она и ее семья познакомились с Ошо ближе.

В 1969 г. на медитационном сборе, проводимом Ошо в красивом курортном месте под название Наргол, Лакшми пережила невероятную вещь. Ошо прочел вечернюю лекцию, а на следующее утро проводил медитацию. Как она описывает это в своих лекциях, Ошо сказал:

«Вы не знаете, зачем я явился, но я знаю!».

Эти слова задели глубинные струны души Лакшми, и она еще острее почувствовала Ошо. Ночью, лежа в своей постели, она неожиданно ощутила немой вопрос «Кто я есмь?», от которого все ее тело пронизала дрожь, и оно стало все больше напрягаться. Потом ее охватил смех, который она никак не могла сдержать. Из соседней комнаты пришел ее дядя со стороны матери и, увидев ее в таком необычном состоянии, очень забеспокоился. Лакшми истерично смеялась. Затем явился Ошо, положил ей руку на голову, и она постепенно успокоилась. В течение всего следующего дня Лакшми пребывала в состоянии блаженства, однако ночью у нее снова начался приступ смеха, который продолжался до утра.

Несмотря на то что она оставалась без воды и пищи в течение трех дней, ее энергия не иссякала. Все случившееся принесло ей острую осознанность и целиком изменило ее жизнь. С этого времени она непрестанно работала под руководством Ошо, чтобы

придать зримую форму его прозрениям. Однажды Ошо сказал:

> «Всегда помните, что Лакшми никогда ничего не делала по собственному усмотрению. Она совершенный инструмент, и поэтому была избрана для этой работы… Она делает все, что бы ей ни говорили».

После закрытия этого лагеря Лакшми часто сопровождала Ошо в его путешествиях. Но в Мумбае, когда Ошо был в Джабалпуре, с ней произошло еще одно знаменательное событие. Однажды во время медитации перед ней возникло видение цвета охры. Когда она рассказала об этом своей матери, та ответила, что, традиционно, это считается цветом санньясы. Лакшми сказала, что этот цвет так ей понравился, что с этих пор она будет носить одежды только этого цвета. Мать Лакшми сказала, что носить одежды цвета охры очень хорошо, за исключением того обстоятельства, что, решив носить такое платье однажды, она будет обязана носить его всегда. Лакшми сделала себе новое оранжевое одеяние и в нем появилась на конференции женщин. Это наделало шуму среди делегаток, присутствовавших на конференции.

Когда Ошо возвращался из Джабалпура 1 июля 1970 г., друзья пришли на железнодорожную станцию чтобы встретить его. Когда поезд медленно приближался к платформе, Ошо стоял в дверях купе и приветствовал людей, как обычно, сложенными руками. Он разглядел в толпе Лакшми в ее новых одеждах. Когда поезд остановился, Ошо подозвал Лакшми и вполне обычным тоном спросил, чем вызвано изменение в ее одежде. Лакшми ответила, что не может объяснить, как и почему произошло такое изменение. Ошо сказал, улыбаясь, но отчетливо и решительным тоном, что ей надлежит стать его первой ученицей, первой санньясинкой, и он нарекает ее Ма Йога Лакшми. Таким образом, Лакшми стала первой санньясинкой Ошо, хотя формальное посвящение других в санньясины имело место несколькими месяцами позже в лагере Манали.

Также, после переезда в апартаменты Вудлэнд, Ошо посвятил в санньясины несколько уроженцев Запада. Они начали распространять весть об Ошо на Западе. Было много завораживающих рассказов о том, как к нему приходили люди с Запада, но в этих историях было одно общее место — то, что все они признавали Ошо как живого Будду или Христа. После принятия санньясы они возвращались каждый в свою страну, где сталкивались с очевидным неприятием, но оставались верны своим убеждениям. Они составили первую тесную группу западных учеников Ошо, и, таким образом, стала развиваться

жизнь в общинах.

Ошо оставался в Мумбае, и с каждым днем поток людей с Запада увеличивался. Медленно и постепенно Ошо сокращал свои публичные контакты, прекратил чтение лекций на общедоступных встречах и выступал только перед маленькими группами в своей резиденции. Он прекратил давать интервью прессе и встречаться с влиятельными гражданами или высокопоставленными чиновниками. Его путешествия также стали более редкими.

Вместо этого он предпочитал вкладывать свою энергию в тех, кто был искренен с ним и отважен в своих исканиях. Он весьма ясно выразил свои желания в письмах, написанных в начале 1971 г. Вот некоторые из них.

> 16 января 1971 года Моим любимым.
>
> Любовь вам!
>
> В своем предыдущем перерождении я многим людям сообщал, что, как только будет найдена истина, я сразу же дам им знать. Я выполнил это. С этого времени мои путешествия по Индии заканчиваются.
>
> Разумеется, есть много друзей, не только индийцев, с кем я поддерживаю отношения. Однако эти друзья не имеют понятия о том обещании — даже вы не имеете, — а самое основное заключается в том, что делаю то, что, как мне представляется, должно быть сделано. С этих пор у меня по большей части будет одно место пребывания. Таким образом я буду оказывать больше помощи тем, кто в ней действительно нуждается.

> 16 января 1971 года.
>
> Моим любимым.
>
> Любовь вам!
>
> В настоящее время мои путешествия почти прекратились. Мои обещания, которые я дал другим в моем предыдущем перерождении, я сдержал. С настоящего момента у меня будет одно место пребывания. Те, кто захочет прийти, придут сами. Они всегда приходят. И, возможно, действуя таким образом, я буду оказывать больше помощи тем, кто в ней нуждается. Я завершил наиболее обширную часть своего труда. Сейчас я буду идти вглубь. Я переходил от города к городу и взывал к людям; теперь я жду их к себе. Таково сейчас это внутреннее побуждение. И так как я никогда ничего не делал без внутреннего побуждения, так и не могу делать этого и сейчас.

16 января 1971 года.
Моим любимым.
Любовь вам!

До этого дня ручей сам прибегал к жаждущим. Но теперь такое невозможно. Сейчас жаждущие должны будут идти к источнику сами. И такое, вероятно, является закономерностью. Разве не так? Я почти перестал путешествовать. Послание было доставлено. Теперь тот, кто хочет отыскать меня, найдет меня сам. А к тому, кто не хотел меня искать, я тоже постучал в дверь.

16 февраля 1971 года Моим любимым.
Любовь вам!

Я заканчиваю внешние выезды. Но тем, кто действительно меня зовет, я открываю двери внутреннего путешествия. Нет, ни один не останется снаружи, я войду в ваше сердце и буду говорить с вами. И то, что вы не поймете на внешнем языке, то вы поймете через внутреннюю речь. Я достаточно говорил о тонких материях грубым языком. Теперь тонкие материи должны передаваться единственно через тонкие материи.

В начале 1971 г. случилось памятное событие — мать Ошо получила от него посвящение и стала его ученицей. Ошо дал ей новое имя — Ма Амрит Сарасвати. Те, что присутствовали при этом событии, были тронуты зрелищем, когда сын коснулся ног своей матери, а мать, склонившись, прикоснулась к ногам сына — ныне своего учителя.

Когда однажды ее спросили, что она чувствует, будучи матерью Бхагвана, она ответила:

«Он мой сын и он — Бхагван. И когда я склоняюсь перед ним, у меня есть ощущение, что он — Бхагван, и в то же время я чувствую, что это мой сын, от этого становится тепло на душе. И еще есть такое благоговейное чувство, будто он — Бог».

Поскольку его путешествия и публичные выступления закончились, у Ошо появилась возможность встречаться со все большим количеством людей, приехавших с Запада. Одной из первых прибывших (из Франкфурта, Германия) была Кристина Вульф, потом известная как постоянная спутница Ошо Ма Йога Вивек. Она была единственной подругой Ошо, как Шаши, которая

умерла, когда Ошо было семнадцать лет. Ошо открыл эту тайну в следующих словах: «В юности у меня была подруга. Потом она умерла. Но на смертном одре она пообещала вернуться. И она действительно вернулась. Ту подругу звали Шаши. Она умерла в 1947 г. Она была дочерью одного врача, доктора Шармы, из нашей деревни. Сейчас он тоже умер. И сейчас она явилась как Вивек — чтобы заботиться обо мне». «Вивек» на санскрите означает «осознанность» или «сознательность». Это была та самая постоянная осознанность, с которой она ухаживала за Ото, что являлось тяжелой, но благодарной работой. 16 апреля 1971 г. в интервью, данном в тот день, когда Вивек приняла санньясу, Ошо объяснил, как он дал ей это имя и что оно означает.

> «Вчера утром ко мне явилась одна женщина. Я сказал ей принять санньясу. Она пришла в замешательство. Она попросила у меня отсрочки, по крайней мере на два дня, чтобы все обдумать и решить. Я настаивал: „Прими ее сегодня, прямо сейчас“. Поскольку она колебалась, я дал ей два дня. На следующее утро она пришла и приняла санньясу… Я спросил у нее: „Почему? Я ведь дал тебе два дня — почему ты пришла так скоро?“
>
> „В три часа ночи, — ответила она, — я неожиданно проснулась, и что-то глубоко внутри меня сказало мне — ступай и прими санньясу“.
>
> Это не было решением, которое она приняла сама, но было решение, принятое глубоко в ее душе. Но в тот момент, когда она вошла в комнату, я узнал направление ее мыслей — то, которое она ощутила только через двадцать часов. Поэтому, если я говорю „прими санньясу“, у каждого человека, которому я это говорю, для этого имеется очень много причин. Или же он уже был санньясином в его последней жизни, или он был санньясином где-то в его долгом путешествии.
>
> Вчера я дал ей другое имя, но сегодня мне пришлось сменить его, потому что я дал ей то имя, когда она была в нерешительности. Сегодня я даю ей иное имя, которое будет ей подспорьем. Но когда она пришла ко мне тогда утром, я решил за нее; то имя было совсем необязательным. И я дал ей имя Ма Йога Вивек, потому что это решение пришло через ее вивек, ее осознанность, ее сознание.
>
> Вивек так близка ко мне, что как будто постоянно распята на кресте. Ей приходится это делать, и это

трудно. Находиться рядом со мной — большое напряжение. Чем ближе вы ко мне, тем выше ответственность. Чем ближе вы ко мне, тем больше вам придется меняться. Чем больше вы ощущаете свою никчемность, тем сильнее начинаете чувствовать свою значимость — а цель кажется почти недостижимой. Ведь я продолжаю создавать множество критических ситуаций. Я должен создавать их, потому что только через противоречия можно создать единое целое. Только благодаря все более и более трудным обстоятельствам происходит духовный рост. Рост не может быть спокойным, рост болезнен. Вы можете спросить — как ты можешь творить такое с Вивек? Быть со мной — это крест, доля эта тяжела».

Коль скоро Ошо сократил число поездок, выступлений и других мероприятий на выезде, его жизнь и работа приняли совершенно другую форму. В мае 1971 г., вспоминает Свами Йога Чинмайа, Ошо сказал ему, что поскольку работа пошла в глубину, ей необходимо придать новое измерение. До этого Ошо был известен под именем Ачарья, что означало «учитель». Он попросил Чинмайа подыскать ему новое имя. Чинмайа предложил несколько имен, из которых Ошо выбрал имя «Бхагван», буквально переводящееся как «Бог». Это символическое имя, однако оно обозначает качества, относящиеся к сердцу, любви и преданности. Как предполагалось, оно должно было означать труд, сосредоточенный на сердце, труд, который впредь будет выполняться в условиях любви, в гармонии с духом Бхакти[41], суфизма и Тантры[42].

То новое измерение, на которое Ошо хотел указать, было измерением сердца или любви. Он уже не делал упора на интеллект или на обращение к большим массам народа. Ачарья (учитель) достаточно общался посредством головы, теперь он хотел обращаться от сердца к сердцу с теми, кто любил его. С этого времени Ачарья Раджниш должен был именоваться Бхагван Шри Раджниш.

«Мне очень понравилось это определение, — сказал я. — Оно соответствует положению дел. По крайней мере на несколько лет, потом можно сменить его… Я выбрал его для особой цели, и оно хорошо послужило, потому что люди, до этого приходившие ко мне за знаниями, приходить перестали. В тот день, когда я назвал себя Бхагван, они перестали приходить. Для них этого было слишком много, слишком много для их эго — что кто-то

называет себя Бхагван…

Они перестали приходить. Они являлись ко мне, чтобы приобрести знания. Теперь я совершенно изменил направление моей деятельности. Я начал работать на другом уровне, в ином измерении. Теперь я даю вам существование, а не знание. Я был ачарья, а они были студентами; они учились. Сейчас я не учитель, а вы здесь более не ученики.

Я здесь для того, чтобы наделить существованием. Я здесь для того, чтобы пробудить вас. Я не собираюсь давать вам знания. Я намерен дать вам осмысление — а это абсолютно другое измерение.

Назвать себя Бхагваном было чисто символическим действием; сейчас мой труд вошел в другое измерение. И это оказалось чрезвычайно полезным. Все случайные люди автоматически исчезли, а начали прибывать люди совершенно иных качеств.

Это прекрасно сработало. Выбор Чинмайа был правильным. Остались только те, кто хотел раствориться во мне. Все другие разбежались. Они освободили пространство вокруг меня. В противном случае они бы слишком толпились, и истинно ищущим было бы трудно подойти ко мне поближе. Толпы исчезли. Слово „Бхагван“ подействовало как атомный взрыв. Оно сработало правильно. Я был счастлив, что выбрал его».

С того дня, что Ото принял это имя, его много раз спрашивали, зачем он назвал себя Богом? Что это означает? И Ошо очень детально ответил на эти вопросы.

«Потому что я им являюсь — как и вы. И потому что существует только Бог. Выбор существует не между тем, чтобы быть Богом или не быть им; выбор делается между тем, признавать это или нет. Вы можете выбрать не называться Богом, но вы не можете выбрать не быть им.

Когда вы называете эту жизнь Богом, вы привносите в нее поэзию. Вы привносите образ, вы открываете дверь. Вы говорите — возможно большее. Вы говорите — мы не конечны. Перед вашим внутренним взором возникают высокие сферы новых возможностей. Вы начинаете мечтать. В тот момент, когда вы произносите, что существование божественно, мечты становятся достижимыми. Потом вы сможете жить жизнью путешественника. Бог — это величайшее приключение… величайшее странствие.

Существует только два способа дать жизни определение. Первый способ — это способ реалиста. Он называет ее материей. Другой способ принадлежит поэту, мечтателю — он называет ее Богом.

Я — поэт до бесстыдства. Я не реалист. Я называю себя Богом. Я называю Богом вас. Я могу назвать Богом горы, я могу назвать Богом деревья, я могу назвать Богом облака… с Богом вы можете расти, с Богом вы можете оседлать громадные приливные волны, можете доплыть до другого берега. Бог это просто проблеск в вашей судьбе. Вы очеловечиваете существование.

В конце концов, между вами и этим деревом не пустота. В конце концов, между вами и вашим возлюбленным не пустота — Бог присутствует везде. Он окружает вас, он — ваше окружение. Он внутри и снаружи.

Когда я называю себя Богом, я тем самым провоцирую вас, бросаю вам вызов. Я называю себя Богом попросту для того, чтобы вы набрались смелости признать это. Если вы сможете признать таковым меня, вы делаете первый шаг к тому, чтобы признать его в себе.

Обычно вам очень трудно признать Бога в себе, потому что вас приучили проклинать себя. Вас все время учили тому, что вы грешник. Я здесь для того, чтобы покончить со всей этой ерундой. Я настаиваю на том, что вы несовершенны только в одном — в нехватке смелости признать то, кем вы на самом деле являетесь.

…Называя себя Богом, я не принижаю Бога — я возвышаю вас. Я беру вас с собой в путешествие в высшие сферы. Я просто приоткрываю вам двери на гималайские пики. Однажды вы начнете признавать, что вы тоже божественны, и тем самым избавитесь от груза. Потом могут случиться ошибки, но уже больше не будет грехов, вы уже не грешник. Вас могут неверно понять, вы можете заблуждаться, но вы не грешник. Что бы вы ни делали, вы не можете утратить свое божественное начало — поскольку это ваша природа.

Индийский вариант слова „Бог“, Бхагван, даже лучше, чем Бог. Это слово невероятно наполнено смыслом. Оно просто значит „благословенный“ и ничего более. „Бхагван“ означает „благословенный“ — того, кому повезло осознать свое собственное существование.

В нем не содержится христианских ассоциаций.

Когда вы произносите „Бог“, кажется, будто вы создали Вселенную. Я отвергаю всякую ответственность за это! Я мир не создавал.

Я для этого слишком глуп. Христианская идея Бога состоит в том, что он создал этот мир. Бхагван в корне от него отличается, у него нет ничего общего с созданием Вселенной. Он просто тот, кто осознал самого себя как нечто божественное. В этом осознании и заключается благословенность. В этом осознании состоит блаженство. Он стал блаженным.

Я называю себя Бхагваном, потому что я уважаю себя. Я до невероятия наполнен тем, что я есмь. Я — благословен. У меня нет причин для недовольства. Вот в чем значение слова „Бхагван“ — когда вы всем довольны, когда каждая минута вашей жизни полноценна… когда вы не желаете чего-то в будущем, ваше настоящее так наполнено, прямо до краев… когда нет места несбыточным желаниям.

Вот почему мы называем Будду Бхагваном. В своей космологии он отрицает Бога. Он говорил — нет Бога, нет создателя. Христиане бывают очень озадачены, когда Будда говорит, что нет Бога, нет создателя. Тогда почему буддисты называют его Бхагваном?

Наше значение слова „Бхагван“ отлично в корне. Мы называем его Будда, Бхагван, потому что у него нет более желаний. Он доволен. Он счастлив и находится дома. Он пришел домой — вот в чем его благословенность. Сейчас между ним и существованием нет противоречий. Он находится в гармонии. Сейчас он и весь остальной мир не являются двумя отдельными вещами. Они вибрируют в унисон. Он стал частью целого оркестра. Становясь частью великого оркестра звезд, деревьев, цветов, ветров, облаков, морей и песка, он стал благословенным — и мы называем его Бхагван.

Когда я называю себя Бхагваном, я просто пытаюсь сказать вам: „Посмотрите на меня — розы расцвели. И то, что случилось со мной, может случиться с вами. Так что не чувствуйте себя обделенными и не впадайте в депрессию. Посмотрите на меня, и ваша надежда вернется к вам, и вы не будете чувствовать безнадежно.

Называть себя Бхагваном — это только инструмент. В любой день я могу отказаться от этого имени. В тот момент, когда я увидел, что оно срабатывает, потянулась цепочка. В ту минуту, когда я увижу, что оно больше не

нужно, более не зажигает людей… когда будет достаточно доказательств… если оно перестанет действовать благотворно на моих санньясинов, я тотчас перестану называть себя Бхагваном. Инструмент отслужит свой век“».

В путешествиях Ошо постепенно находил тех, кто в последующие годы стали членами его семьи. С помощью своих медитационных техник он смог собрать некоторое количество отважных последователей, разделявших его взгляды и стремившихся исследовать тот мир, на который им удалось мельком взглянуть. Послание было доставлено, дорога указана, дальний сигнал побудки прозвучал. Теперь надо было сидеть и ждать, когда поток превратится в реку.

Поскольку все больше и больше людей прибывало с Запада, стало ясно, что Ошо начал уделять им больше внимания и сочувствия и на более высоком уровне, так, будто он открыл широкие ворота, через которые может пройти весь мир. Или он сам стал этими вратами, через которые можно найти множество подходов, открытых для продолжения собственных исканий. Ошо отдавал себе отчет о природе, глубине и качествах ищущих, которые являлись к нему. Он также был в самых мелких деталях готов к грядущим экспериментам, чтобы привнести изменения в жизни этих искателей.

Период жизни Ошо в Мумбае с 1 июля 1970 г. до 20 марта 1974 г. был временем многочисленных личных встреч с отдельными избранными искателями. Он встречался с каждым искателем напрямую, в располагающей обстановке, лицом к лицу. В течение этих дней с Ошо можно было встретиться почти в любое время. Он появлялся, чтобы начать работу с ранее прибывшими — будто пускал корни, и словно эти корни искали почву, чтобы дать толчок всемирному движению за духовное пробуждение.

Из первых нескольких сотен западных искателей, приезжавших лично встретиться с Ошо, почти 90 % остались его пожизненными спутниками. Большая часть из них приезжала в Индию только с краткосрочными визитами. Они приезжали ненадолго, встречались с Ошо и возвращались в свои страны, чтобы решить свои личные проблемы и подготовиться к тому, чтобы стать частью деятельности Ошо. Они служили проводниками вместо того, чтобы Ошо сам разъезжал по всему миру — они были божественными посредниками, повсюду разносившими духовное послание Ошо. Сотни людей, вступившие в контакт с Ошо вместе с ранее посвященными, приходили, чтобы

находиться с Ошо, и, рано или поздно, включались в его круг и становились частью все разраставшейся «семьи».

Эти самые первые ученики выказывали такие же свойства, которые всегда отличали Ошо — они были очень отважны, являлись творческими личностями с бунтарскими наклонностями и большим потенциалом для создания нового религиозного сознания. Хотя первые искатели с Запада, которые во множестве прибыли, когда Ошо жил в Мумбае, а потом тысячами прибывали в Пуну, куда он переехал, приезжали из мест с самыми разными культурными и семейными устоями, религиозными конфессиями и духовными верованиями, у них было одно общее: их души были зрелыми, готовыми принять энергию Ошо и его главенство. К тому времени он начал раскрывать перед ними свою творческую энергию в разработке всех видов методов, подходов и экспериментов, которые должны были быть использованы в их жизни.

В одном из ранних экспериментов Ошо его западных учеников послали жить в сельскую трудовую общину за пределами Мумбая. Свами Ананд Веетраг, прибывший в 1973 г. из Южной Африки, чтобы быть рядом с Ошо, стал лидером этой группы, которая сначала состояла из тридцати пяти санньясинов, мужчин и женщин. Другая община под названием Самарпан была размещена в окрестностях г. Барода, в 290 км на северо-восток от Мумбая, в штате Гуджарат. Несколько санньясинов были посланы в эту общину. Ферма и общежитие с помещением для занятий посетили Свами Сварупананд Бхарти и Ма Сварупананд Бхарти. Место было расположено в центре штата Махараштра в западной Индии. Это была весьма мало развитая сельская местность. Ближайшая деревня находилась в километре, а ближайший город, Чандрапур, в семидесяти километрах. Другая ферма, Кайлаш, расположенная на реке Ванганга, была предоставлена ее владелицей, Ма Ананд Майи, для проведения экспериментов.

Община и окружавшая ее местность были для этих людей, привыкших к независимой, обеспеченной жизни, настоящим испытанием. Они жили в чистом поле, в крошечных лачугах, должны были ладить со всеми окружавшими, которые прибыли из разных стран с разным укладом жизни и были до этого не знакомы друг с другом. Предполагалось, что в общине должна сложиться такая ситуация, при которой ученикам придется научиться смирять свое эго. Отказ от эго или его уничиженье отличаются от общего понимания того, что является уступкой. Это не означает, что надо из слабости поддаваться тирану или недругу или по прихоти лидера отказываться от собственной свободы, тела, разума или имущества. В духовном смысле то, что

подвергалось испытанию, в ученике, показывало степень его лояльности и способности совершенно сознательно отказаться от своей личности и личностных привязанностей к имуществу, людям и комфортным условиям проживания в пользу путешествия к переживанию полной свободы и радости.

Отказ в этом смысле не означает отрицание всяческой ответственности: скорее это расставание со старыми верованиями и ценностями — и продолжение нового приключения через самоотдачу тому предвидению, которое дается просвещенному мастеру, вышедшему за пределы своего эго и слившемуся со Вселенной. Только благодаря такой самоотдаче и преданности, какая существовала в этой общине, там уже не было необходимости какой бы то ни было работы; надо было только позволить чему-то происходить внутри себя. Труд приобретает эстетичность, а климат создается для того, чтобы каждый мог жить в гармонии со всеми другими.

Вначале там царил настоящий хаос — не было ни подходящего инструмента, ни материалов, никто в общине не знал местного языка. И вдобавок ко всему Ошо не наметил генерального направления и не дал четких указаний. Он хотел, чтобы Свами Веетраг сам наметил то, что необходимо сделать. Труд был тяжелым. Он включал работу в поле, изготовление кирпичей, уход за растениями, закупку продуктов в городе. Рабочий день начинался в четыре часа утра с Динамической медитации, за которой следовала уборка дома и завтрак. Обычные утренние дела продолжались до десяти часов. К этому времени температура поднималась до 49 °C, так что в полдень санньясины прохлаждались в реке. В четыре часа дня они возвращались к работе, которая продолжалась до семи вечера. После ужина они занимались суфийскими танцами или вращательной медитацией. Спать они отправлялись в девять вечера.

Как свидетельствует Свами Веетраг:

> «Все делалось по Гурджиеву — ничего не надо было делать, кроме как работать; не надо было думать, труд был основным занятием. Главный упор делался на работу с духом смирения. Труд „по Гурджиеву“ был основным фактором, который руководил общиной или влиял на нее».

Комментируя ситуацию, Веетраг продолжает:

> «Условия были жесткие, люди упорно противостояли условиям, но они также учились, как надо жить общиной

в любви и приятии. Те, что не смогли привыкнуть, уехали».

В целом этот эксперимент стал прототипом того, что потом было развернуто в Пуне. Община просуществовала десять месяцев до августа 1974 г. Когда Ошо перебрался в Пуну, члены общины начали уезжать и собираться вокруг своего мастера в Пуне.

В то время как западных санньясинов стали посылать в общины, подобные той, что была в Кайлаше и Самарпане, индийские санньясины отправлялись маленькими группками в разные небольшие города и деревни. Каждая такая небольшая группа называлась «киртан мандали». Санньясины распевали благочестивые песни и гимны, проводили медитации и проигрывали магнитофонные записи бесед Ошо на хинди. Для этих санньясинов эксперимент был таким же — как смирить свое эго и как жить, любя и уступая друг другу, в неприятной обстановке, в незнакомых или неблагоприятных условиях. Такие группы существовали также до тех пор, пока Ошо не переехал в Пуну.

Многочисленные путешествия прошлых лет, нерегулярное, скудное питание — все это вместе плохо отразилось на здоровье Ошо. Его диабет и астма усугублялись. Становилось все более очевидным, что необходимо найти постоянное, более вместительное жилье. Лакшми послали подыскать место под более обширный ашрам. Она выбрала город Пуну, в 130 км на юго-восток от Мумбая, расположенный на высоких холмах и широко известный благодаря мягкому климату, исторической значимости, ортодоксальному обществу и связям с просветленными, последним из которых был Мехер Баба. Друзья Ошо основали общественный фонд, «Раджниш Фаундейшн», который приобрел участок почти в шесть акров площадью в красивом и фешенебельном пригороде города Пуны.

Ровно через двадцать один год после своего просветления, 21 марта 1974 г., Ошо прибыл в Пуну вместе с семью учениками для того, чтобы начать новый этап своей деятельности. Празднование годовщины просветления Ошо и его прибытия состоялось в Пуне по адресу Корегаон Парк, 17. Это место было названо Шри Раджниш Ашрам.

Шри Раджниш Ашрам: место встречи

Перед тем как переехать в Пуну в марте 1974 г., Ошо объявил о своем вхождении в новую «фазу». Он объяснил, что пыл раджас гуны и его взрывная мощь иссякли и начался период качества саттва гуна: «Сейчас тот огонь угас. Сейчас, подобно тому, как лучи солнца меркнут вечером, а рыбак вытаскивает на берег свои сети, так и я постепенно отхожу от дел. Это не означает буквально, что я уйду насовсем. Такой уход совершится автоматически, поскольку началась третья фаза, та, что называется саттва гуна. Таким образом, вы можете наблюдать мой постепенный отход от дел».

Также казалось, что со сменой климата его здоровье продолжало ухудшаться. Он страдал от жестокой астмы, что сделало Ошо еще более чувствительным к аллергенам. Но, несмотря на хрупкое здоровье, он по-прежнему проводил даршаны[43] или собрания, проходившие в его присутствии, на лужайке утром. Он беседовал только с теми учениками, которые недавно прибыли или уже уезжали. Эти встречи проходили в неформальной обстановке, и Ошо часто напоминал своим ученикам:

> «…Здесь, рядом со мной, на лужайке, будьте откровенны и честны. Не задавайте мне умных вопросов. Они бессмысленны. Не обращайтесь ко мне с метафизическими вопросами: они ложны. Они исходят не от вас. Унесите всю эту ерунду прочь, какой бы она ни была. И не пытайтесь манипулировать ей, не пытайтесь придать ей разумную форму или приукрасить ее; пусть она остается настолько грубой, насколько это возможно, потому что перед мастером вы должны быть наги: не надо надевать одежд, вы не должны скрывать под ними себя».

В апреле 1974 г. Ошо, несмотря на болезнь, провел на хинди восемь бесед по Бхагавад Гита (глава 16). После того как серия бесед закончилась, Ошо погрузился в почти полное молчание. Казалось, ему более не интересно читать лекции. Ему также стало неприятно находиться в Пуне, и он приводил свое окружение в замешательство, спрашивая, нельзя ли найти другое место поблизости от Мумбая. План Ошо состоял в том, что, в то время как ашрам в Пуне останется центром медитаций вместе с жилыми помещениями, сам он будет проживать в другом месте.

Тем временем медитации стали проводиться в месте под названием Ботанический сад Импресс, находящемся рядом с ашрамом. Это место подходило для двух основных видов групповых медитаций: Динамической медитации в шесть часов утра и Вращательной медитации (Суфи) по вечерам.

Ко всеобщей радости, Ошо начал выздоравливать. Он часто прогуливался в саду и, казалось, наслаждался окружающим. 30 апреля было объявлено, что Ошо в конце концов остается в Пуне, и те переговоры, которые велись по поводу приобретения собственности, окружавшей ашрам, также закончились положительно. В воздухе витало настроение новой энергии, радости, изменений к лучшему. Первая серия бесед Ошо на английском в Пуне началась в мае 1974 г. Они были опубликованы под названием My Way: The Way of the White Clouds(«Мой путь: Мой путь — это дорога белых облаков»).

Ошо тем не менее все больше отходил от дел и после июня 1974 г. прекратил лично проводить медитации. Вместо этого на подиуме стояло его пустое кресло. Это отмечало начало новой фазы его работы. Мастер как бы присутствовал, но теперь его ученики должны были воспринимать его на более тонком уровне. Он объяснял это так:

> «Я не могу всегда пребывать с вами в этом физическом теле; рано или поздно от этого физического носителя придется избавиться. Насколько я представляю, мой труд завершен. Если я еще пребываю в этом физическом теле, так только для вас; однажды его придется покинуть. Прежде чем это случится, вам надо подготовиться к тому, что придется работать без меня или в моем нефизическом присутствии, что одно и то же. И коль скоро вы способны ощущать меня в мое отсутствие, вы свободны от меня, и потом, даже если меня, в моем физическом теле, здесь не будет, связь со мной не будет утрачена».

Типичный день санньясина в ашраме начинался в шесть утра с часовой Динамической медитации. После этого санньясины готовились и собирались для того, чтобы послушать дневную беседу Ошо. В восемь часов Ошо приходил в аудиторию Чуанг Цу[44], часть его резиденции, известной как Дом Лао-цзы. Беседа длилась около двух часов, язык беседы менялся от месяца к месяцу с английского на хинди. После беседы у санньясинов был завтрак, после которого они занимались по крайней мере шесть часов в день предписанным им трудом (уход за обстановкой ашрама, работа над книгами и лекциями Ошо, обработкой его

публичной переписки и т. п.). С одиннадцатого числа каждого месяца в течение десяти дней проводились медитационные сборы, включавшие пять ежедневных групповых медитаций. В медитационных сборах принимали участие приезжие санньясины и необращенные, прибывшие со всего мира. С 1975 г. после медитационных сборов также проводились групповые терапевтические занятия.

Поток людей, стекавшихся в ашрам, особенно с Запада, постоянно рос. Некоторые прибывшие с Запада и вошедшие в контакт с Ошо в начале семидесятых годов стали известными руководителями оздоровительных групп и поселились в Пуне. Эти целители отказались ото всех званий и наград, присужденных им в Европе и на Западе, потому что нашли в Ошо то, чего им недоставало — свойство медитативности. Они пришли, чтобы узнать от него, как стать созерцателями. Они обнаружили, что он — единственный духовный мастер, который полностью знает холистическую[45] психологию, и тот, кто может использовать ее в качестве средства приведения отдельного человека в высшую степень медитативности.

Среди этих известных целителей были Свами Ананда Теертха, в прошлом Пол Лоу, основатель первого в Европе и самого большого центра духовного роста Quaesitor («Искатель»); Свами Ананд Сомендра, в прошлом Майкл Барнетт, автор широко известной книги People not Psychiatry(«Люди без психиатрии») и Свами Прем Сиддха, прежде — Леонард Занин, калифорнийский психолог и член Американской ассоциации психиатрии и неврологии. Первая встреча и начальные опыты в области групповой терапии начались в апреле 1975 г. Ошо объяснил необходимость исцеления, говоря, что люди нуждаются в нем, потому что забыли, что такое быть религиозными. Держа эту мысль в уме, Ошо сделал ее основной для санньясинов при прохождении всех этих целебных сессий. «В моей коммуне я сделал их обязательными, — говорит он, — каждый должен пройти эту терапию. Эти сессии помогут вам избавиться от мусора, который вы несете в себе. Они очистят вас, и только с чистым, чистым сердцем возможна молитва. А когда возносится молитва, происходят чудеса».

Некоторые из техник, практиковавшихся в ашраме, были разработаны специально для того, чтобы облегчить выход таких подавленных чувств и эмоций, как гнев, страх, ревность и жадность. Это определяет первую стадию процесса, удаляющего эмоциональные блокировки, что в свою очередь дает беспрепятственный выход энергии. После этой стадии каждый может перейти в продвинутую группу, что поможет выводить

энергию через все аспекты существования — физический, эмоциональный, ментальный и трансцендентальный. В сущности, процесс исцеления для санньясинов Ошо являлся начальным шагом к перерождению. Это не конец; это начало пути в поисках абсолютной свободы.

Несмотря на введение терапии, Ошо всегда упирал на то, что необходимо быть искателем и двигаться от терапии к медитации. Он объясняет:

> «Единственная ваша проблема — это ум. Все другие проблемы — только проявления ума. Медитация отсекает ум под корень. Все эти терапии — гештальт[46], диалог с голосами[47] и по Фритцу Перлзу[48] — мы можем применять их к тем, кто еще не вошел в медитацию, потому что они могут развить некоторое понимание ума и то, как можно найти выход из него. Мы применяем все виды терапии, которые могут помочь, но только не тем, кто занимается медитацией. Они (виды терапии) полезны только вначале, когда вы еще не привыкли к медитации. Коль скоро вы занимаетесь медитацией, никакая терапия вам уже не нужна, она вам не потребна. Но вначале она может помочь, особенно санньясинам с Запада».

Почти все значительные течения холистической психологии были включены в занятия групп ашрама: ознакомительная, первоначальная терапия, терапия Рейки[49], гештальт, биоэнергетика[50], рольфинг[51], массаж, включая мануальную терапию, многие техники, применявшиеся исключительно в ашраме. Здесь были разработаны методы работы с человеческой энергией. Многотысячные толпы тех, кто ежегодно приезжал в ашрам, включали врачей, юристов, художников, журналистов, бизнесменов, психиатров, священнослужителей и представителей других профессий, искавших перерождения через групповые занятия в ашраме.

Основное различие между группами, которые занимались на Западе, и теми, кто занимался в Раджниш-ашраме, заключалось в присутствии Ошо, который делился с ними своими озарениями относительно человеческой натуры. Свами Ананд Раджен, в прошлом Алан Лоуэн, который отказался от последипломной работы по психиатрии в Оксфордском университете, размышляет над этой уникальной характеристикой групп в ашраме: «Хорошие врачи всегда не против найти кого-то, кто понимает человеческую психику лучше, чем они сами. В этом смысле просветленный мастер вроде Ошо является безупречным врачевателем. Став

санньясином и занимаясь терапией под его руководством, я позволяю ему вывести меня за пределы моих прежних представлений».

Врач-специалист знает, как работает разум, но мастер выходит за пределы разума и проникает в глубину человеческой натуры; следовательно, мастер не просто совершенный врачеватель, он — гораздо большее. Врачи на Западе давно стали представлять себя как таких мастеров, но качественно мастер и врач — это две совершенно разные вещи. Ошо разъясняет разницу между мастером и врачом следующим образом:

> «Вы — это не то, что лежит на поверхности. Вы — это ваши глубины. Ни хирург, ни терапевт не может прикоснуться к этим глубинам. К этим глубинам может прикоснуться только мастер. Мастер — вне разума. И это есть самое большое из возможных различий. Мастер — это не его разум. У него нет ноу-хау. Он делает неосязаемое доступным ученику, но это неосязаемое обладает целительной силой. Психотерапевт пытается исцелять, но никогда не достигает цели. Мастер никогда не пытается исцелять, но это у него всегда получается. Его любовь — вот его лечение. Просто находиться рядом с мастером — в этом и заключается процесс исцеления. Мастер не врач-физиотерапевт, но его присутствие исцеляет, лечит раны, полученные за многочисленные предыдущие жизни. Но процесс исцеления не является психологическим, он — экзистенциональный».

Группы ашрама были также уникальны тем, что они выходили за рамки обычных общественных или личных ограничений. Они функционировали свободно и с большим азартом. Свобода и энергия, царившие в этих группах, однако, были неверно поняты как в Индии, так и на Западе как вседозволенность и сексуальная распущенность, поэтому вокруг деятельности этих групп стали возникать противоречивые слухи. Полемика в основном касалась того, что члены этих групп старались избавиться от подавленных сексуальных желаний и трансформировать их сексуальную энергию (согласно традициям Тантры) в любовь или даже в нечто более возвышенное — в молитву. Ошо высказался по поводу этих групповых экспериментов.

> «Эти эксперименты не новы. Они были испробованы последователями Тантры много веков назад. Столетиями Сарахапа, Тилопа и Канхапа[52] использовали нечто

подобное. Я впервые пытаюсь подвести под них научную базу. Эти эксперименты долго проводились в секретной обстановке. Эти эксперименты были описаны в священных книгах, но обычный человек ничего о них не знал, потому что обычный человек не рассматривался как достойный причастности к ним. Я же считаю его достойным посвящения. Я спрашиваю — почему обыкновенного человека до такой степени игнорируют? Даже ему необходимо предоставить доступ к этому опыту. Почему он не должен знать, что есть способы повысить свою энергию? Почему его надо обманывать? Почему энергии, рассеиваемой через половые органы, не дать возможность подняться выше, чтобы достичь более высокой чакры, сахасрары, или „цветка лотоса“?[53]

Я раскрываю то, что было до этого момента скрыто; вот единственный мой проступок. Из-за него я столкнулся с тысячей затруднений. Но я ни под каким видом не собираюсь останавливаться. Я намерен сделать эксперименты более интенсивными, чтобы они дошли до возможно большего числа людей. Всем тем, кто хочет меня слушать, кто хочет понять то, как жизненная энергия может быть трансформирована из низшего состояния в высшее, этот опыт должен быть доступен».

По наблюдениям Ошо, испытывая чувство любви, когда чувства и эмоции, включая самые низменные, воспринимаются естественным образом, человек продвигается к перерождению. Но, добавляет Ошо, до того, как человек приобретет свое естественное состояние, он храбро и честно должен увидеть, что неестественного в нем имеется. И вот где необходима помощь группы. Ошо разъясняет это в ответе на вопрос — является ли целью групповой терапии возвращение индивида к его естественному состоянию?

«Целью терапевтической группы не является приведение ее членов к их естественному состоянию! Вовсе нет! Целью терапевтической группы является приведение к той точке, откуда вы узрите вашу неестественность. Никто не может привести вас к вашему естественному состоянию, такого метода не может существовать, нет такой техники, такого приспособления, потому что ото всего, что вы будете делать, вы будете становиться все более и более неестественны.

В таком случае, в чем же цель терапевтической

группы? Она просто позволяет осознать то, насколько неестественные модели поведения определяют ваше существование. Она просто помогает вам увидеть неестественность вашей жизни, вот и все. Когда это становится очевидным, она начинает исчезать… Видя неестественность, вы не станете ей далее следовать. Естественное может существовать без вашей поддержки, а вот неестественное не может. Однажды увидев, что такое неестественность, вы уже никогда не будете за нее держаться. Ваш кулак разожмется сам.

Группа не есть то приспособление, что разожмет ваш кулак. Она есть то, что помогает вам увидеть неестественность ваших действий. С этого видения начинается перерождение».

В некоторых случаях у Ошо спрашивали, почему он не привлекает индийцев к участию в терапевтических группах. В ответ Ошо указывает на то, что потребности людей с Запада отличаются от потребностей жителей Востока. Так и психология Востока значительно отличается от западной. Он поясняет:

«На Западе психология, развивавшаяся на протяжении веков, экстравертна; она направлена наружу. Психология, развивавшаяся на Востоке, интровертна, она направлена вовнутрь. Для настоящего жителя Востока группы духовного роста не нужны. Ему нужна медитация вроде Випассана или Дза-Дзен[54], в которых он может забыть об окружающем мире и погрузиться в свое собственное существование. Ему не нужны отношения. Связь с кем-либо ему не обязательна. Ему нужно единственно отрешиться от всего мира…

Группы духовного роста необходимы потому, что вы невероятно нуждаетесь в связях, любви, общении. На Западе основная проблема состоит в том, как общаться, как поддерживать отношения… Это разная психология. Обоими путями можно достичь конечной цели: один путь — это медитация, другой путь — это любовь. Разум восточного человека заточен под медитацию, разум западного — для любви. Любовь означает отношения, медитация — их отсутствие».

Ошо видел реально существующую возможность преодоления различий между Востоком и Западом. Таким образом, его эксперименты с группами или медитациями были направлены на разрешение этих противоречий и создание нового человека —

такого, который был бы свободен от всех стереотипов и условностей поведения, восточных или западных. Единственный способ, которым этого можно было бы добиться, было создание того, что Ошо называл медитативным пространством; это было конечной целью или задачей терапевтических групп и медитаций.

После того как Ошо обосновался в Пуне, его родители время от времени посещали ашрам, и хотя мать Ошо приняла от него посвящение в 1971 г., Дадда не чувствовал себя духовно созревшим для этого вплоть до того, как приобрел опыт нескольких глубоких медитаций. Сильное ощущение готовности появилось у Дадды во время приезда 19 октября 1975 г., когда он стал учеником Ошо и получил новое имя — Свами Деватиртх Бхарти.

Это было действительно редкое явление: отец, ставший учеником своего собственного сына. Ошо говорит о посвящении своего отца следующее: «Отец Иисуса никогда не являлся к Иисусу, чтобы принять от него посвящение. Иоанн Креститель крестил многих, но его отец никогда не приходил к нему, чтобы креститься. Отец Кришны никогда не был его учеником. Мой отец — редкость, и не потому что он мой отец. Он просто редкость».

В то время как Ошо привносил спокойствие во внутренний мир искателей и проводил в их душах тихую революцию, страна погрузилась в беспорядки. Индия стояла на пороге значительных перемен, подобных которым не было со времен обретения независимости от британского правления в 1947 г. Политические партии, противостоявшие политике премьер-министра Индиры Ганди и ее правительства, объединились под руководством опытного политика Джайа Пракаша и мобилизовали все силы, оппозиционные правительству г-жи Ганди.

Ситуация стала настолько острой, что г-жа Ганди в конце 1975 г. объявила чрезвычайное положение, при котором многие гражданские свободы были временно отменены, была введена цензура печати, лидеры оппозиции были заключены в тюрьмы, а к тем, кто осмеливался восставать против правительства Индиры Ганди, применялись репрессии.

Но меры, препятствовавшие демократическому процессу, только усилили возмущение и враждебность по отношению к Индире Ганди, что в конце концов вынудило ее объявить всеобщие выборы. Доверие избирателей было всецело не на стороне г-жи Ганди. Ее партия (Индийский национальный конгресс) проиграла выборы, а коалиция оппозиционных партий под названием Джаната одержала победу с огромным перевесом. В середине 1977 г. новая партия Джаната стала правящей.

Один из основных лидеров этой партии, Морарджи Десаи, стал премьер-министром. Десаи был олицетворением консерватизма и узких взглядов на религию. Все годы, что он находился у власти, он притеснял Ошо и его последователей. Обличая причины враждебности Десаи, Ошо в 1978 г. сказал: «Морарджи Десаи всегда был против меня. Этот конфликт длится по крайней мере пятнадцать лет… Теперь он находится у власти, и его фашистские взгляды вылезли наружу… Однажды, когда я начал критиковать Махатму Ганди, он хотел запретить мне въезд в Гуджарат, которым он тогда управлял… Ему это не удалось, и он носил обиду на меня в своем сердце в течение пятнадцати лет…»

Десаи организовал против Ошо и его ашрама своеобразную компанию. Вследствие своей твердой приверженности гандизму, пуританских и ортодоксальных воззрений и непримиримости ко взглядам Ошо Десаи использовал свою власть, чтобы причинить возможно больше неприятностей ашраму и санньясинам. Ошо решительно и откровенно отвечал на обвинения Десаи, утверждая: «У меня создается ощущение, что он ни в малейшей степени не понимает того, что здесь происходит… Все, что он умеет — это просто играть в политические игры».

Ситуация все более ухудшалась из-за того, что индийская пресса начала публиковать разные сенсационные небылицы об Ошо и ашраме. Затем лидеры разных религиозных направлений также начали критиковать Ошо и его учение. Ошо отвечал на всю эту клевету, объясняя причины отрицательного отношения общественности, а также давая свое вИдение происходящего и природы своей деятельности.

> «Все они всегда злились на меня, потому что я не лицемер. Я живу так, как хочу жить. Я говорю о том, что идет в унисон с моей жизнью. Например, я не против жизни с ее радостями, об этом я говорю и так я живу. Они бы очень сильно любили меня, если бы я внешне жил как нищий, если б я умирал от голода, нагим, на обочине дороги… Я не аскет. Я живу в раю, здесь и сейчас. И я учу вас тоже жить в раю здесь и сейчас: эта самая земля и есть рай, а каждый из нас — Будда.
>
> Я учу моих людей жить единственной, цельной жизнью… Быть естественными. Я хочу, чтобы Будда, Гаутама Будда и грек Зорба становились вам все ближе и ближе — чтобы стать единым целым. Мои санньясины должны быть „Зорба-Будда“.
>
> Я духовный материалист. Вот в чем их проблема.

Они даже неспособны такое представить. Они всегда думали, что материализм — это что-то диаметрально противоположное духовности. А я пытаюсь сблизить их. Вот как на самом деле обстоят дела. Ваше тело не является противоположностью вашей душе, иначе как бы они существовали вместе? И Бог не противопоставлен миру, иначе зачем бы он создавал его?

Вот в чем состоит весь мой труд здесь, и я могу понять, почему Морарджи (Десаи) так сильно недолюбливает это. Он традиционалист, ортодоксальный индуист, без каких-либо отклонений, без оглядки на жизнь. Он просто фашиствующий индуист, а мой подход к жизни — это понятие индивидуальной свободы, абсолютной свободы для индивида.

В жизнь отдельного человека не следует вмешиваться — до тех пор, пока он не становится опасным для окружающих… Каждый индивид должен быть самим собой, и ему необходимо предоставить достаточно простора, где он может быть самим собой. Вот этого фашиствующий разум не способен допустить».

Пока Десаи и его правительство находилось у власти, бюрократические рогатки препятствовали попыткам ашрама купить землю, где можно было бы основать новую общину, которая служила бы целям воплощения провидений Ошо. Индийское правительство также разослало своим посольствам за рубежом указания не выдавать виз тем людям, кто хотел посетить Раджниш Ашрам в Пуне. Стало очевидно, что сами критиковавшие г-жу Ганди и подавление ею демократических прав, те, кто публично клялся поддерживать демократию, светское общество и свободу прессы, придя к власти, дали вовлечь себя в деятельность, противоречащую тем принципам, которых придерживался Ошо и Раджниш Ашрам.

Безотносительно того, как к Ошо и его ашраму относились за его пределами, деятельность ашрама уверенно продвигалась вперед, разрасталась, и все больше и больше людей прибывали туда, чтобы увидеться с Ошо. Расписание его дня включало встречу с небольшой группой санньясинов ашрама, с санньясинами из других частей Индии и из-за границы, и время от времени — с не-санньясинами. Эти даршаны обеспечивали непосредственную связь с мастером, который посвящал искателей в санньясины и объяснял им значения их новых имен; он также разговаривал с теми, кто только что прибыл или уже возвращался домой, приблизившись к постижению истины. Ошо говорил с

отдельными людьми с большой любовью и сочувствием, помогая им, если у них были какие-то проблемы или вопросы.

После февраля 1979 г. эти даршаны приняли новую форму и измерение. Они стали называться «энергетические даршаны», и был изменен их формат. Вместо того чтобы напрямую отвечать на вопросы санньясинов в ходе даршана, Ошо читал письма от них, а потом посылал им ответы через Ма Йога Лакшми. Посвящения в санньясу проводились как и прежде, за исключением того, что Ошо более подробно разъяснял значения новых имен. Даршаны в честь приезда и отбытия были преобразованы в «даршаны благословения», в которых не было беседы с Ошо; Ошо прикладывал свой большой или указательный палец к центру лба (место, которое также называется «третьим глазом») санньясина (который сидел перед ним с закрытыми глазами), чтобы энергия мастера перешла к ученику. После «даршана благословения» санньясины, особенно постоянные сотрудники ашрама, получали даже еще более интенсивный всплеск энергии, доходивший до экстаза. В течение этой части атмосфера наполнялась радостью и ликованием. Когда Ошо прикасался к «третьему глазу» какого-то отдельного санньясина, остальные танцевали в экстазе вокруг него, выстроившись полукругом, и вся группа пританцовывала в такт музыки. Происходившее несло нечто подобное раскрепощению или возможности абсолютно свободно принять поток энергии.

В июне 1979 г. здоровье Ошо, которое находилось в прекрасном состоянии с тех пор, как он прибыл из Мумбая, пошатнулось, и ему пришлось прекратить проведение бесед и даршанов. Санньясины вместе с ним принимали участие в безмолвных музыкальных медитациях в Будда-холл с 11 по 20 июня 1979 г. Ошо не говорил из-за плохого физического состояния. Он отдыхал в течение нескольких дней; лекций и вечерних даршанов не было, и на третий день он поправился. Однако для беседы он так и не пришел. Помещение было заполнено ожидающими его учениками, наслаждавшимися музыкой, которая исполнялась как часть медитации в отсутствие Ошо. При входе в лекционную аудиторию располагалось пустое кресло Ошо, остро напоминавшее присутствующим о том, что Ошо с ними нет. На четвертый день Ошо появился, в лекционную аудиторию влилось легкое, нежное дыхание любви, он взошел на помост и сел в кресло, что подчеркнуло, как пусто там было без него.

На учеников это произвело прекрасное впечатление, хотя они не могли избавиться от беспокойства за здоровье мастера, они ощущали его даже более остро, с большей любовью и

благоговением. Ошо оправился от болезни и с 21 июня возобновил свои беседы. Тем утром он говорил с учениками очень доверительно и, что особенно интересно, о самом себе. Он говорил о молчании, о ценности вхождения с ним в молчаливую связь, а также намекнул, что в близком будущем может прекратить говорить. (Он действительно прекратил разговаривать два года спустя.) Вот часть из его беседы от 21 июня 1979 г.:

> «Мои возлюбленные бодхисатвы… Время пришло, для этого назрела пора. Мой здешний труд состоит в создании поля энергии Будды, энергетического поля, где снова может быть высказана вечная истина. Это редкая возможность. Только однажды за много столетий существует такая возможность… не пропустите ее. Будьте всецело собранны, внимательны; воспринимайте эти слова не только головой, но и своим сердцем, каждым фибром вашего существа. Позвольте вашей цельности смешаться с ними.
>
> И после этих десяти дней молчания сейчас самый подходящий момент для возвращения Будды, чтобы дать ему возродиться в вас, позволить ветрам Будды пройти через вас. Да, позвать его назад возможно, потому что никто не исчезает навечно. Будда более не является физической личностью, разумеется, он не существует где-то как отдельный человек, но его сущность, его душа сейчас является частью космической души.
>
> Я бесконечно рад, потому что после этих десяти дней молчания я могу сказать вам, что многие из вас уже сейчас готовы общаться со мной безмолвно.
>
> В общении это наивысшая стадия. Слова не передают смысла полностью, слова говорят, но только отчасти. В молчании связь абсолютна.
>
> А использование слов — это тоже опасная игра, потому что мое понимание остается при мне, до вас дойдут только слова, и вы придадите им свое значение, совсем другой оттенок. Они не будут содержать той истины, которую в них вкладывали. В них будет что-то еще, гораздо более бедное. Они будут нести ваше значение, а не мое. Вы можете исказить язык, фактически почти невозможно избежать искажения — но вы не можете исказить молчание. Вы его либо понимаете, либо не понимаете.
>
> И в течение этих десяти дней здесь присутствовали только две категории людей: те, которые понимали, и те,

которые не понимали. Но не было ни одного человека, который понял бы неправильно. Вы не можете неправильно понять молчание, вот в чем прелесть молчания. Различие здесь абсолютно, или вы понимаете, или вы просто не понимаете, но нет ничего, что можно было бы понять неверно.

Эти десять дней были днями странной красоты, а также мистического великолепия. На самом, деле я больше не принадлежу этому берегу. Мой корабль ожидает меня очень давно — я уже должен был отчалить. Просто чудо, что еще нахожусь в моем теле. Все полученное переходит к вам — вашей любви, вашему благочестию, вашему горячему желанию. Вы хотите, чтобы я побыл с вами на этом берегу чуть дольше, и с этого времени невозможное стало возможным.

Эти десять дней я не ощущал себя со своим телом единым целым. Я чувствовал себя, словно был оторван от корней, выброшен из жизни. Так что это было очень странно — находиться в собственном теле, чувствуя, что ты в нем не находишься. А еще более странно продолжать жить в том месте, которое тебе более не принадлежит — мой дом находится на другом берегу. И меня туда постоянно манит! Но из-за того, что я нужен вам, из вселенского сочувствия — можете назвать это Божественным состраданием, — вот почему он позволяет мне побыть с вами еще немного.

Слова даются мне все с большим трудом. Они требуют все больше и больше усилий. Мне есть что вам сказать, поэтому я продолжаю с вами говорить. Но я хочу, чтобы вы возможно скорее приготовились к тому, что мы будем просто сидеть в тишине… слушая птиц и их песни или просто прислушиваясь к биению собственных сердец. Просто находясь здесь, ничего не делая.

Приготовьтесь к этому как можно скорее, потому что я могу перестать говорить в любой день. И пусть эта новость долетит до самых дальних уголков мира: те, кто хочет понимать меня только посредством слов, должны прибыть поскорее, потому что я могу прекратить говорить в любой день. Это может произойти непредсказуемо, в любой день — это может случиться даже посередине фразы. Потом я не стану продолжать фразу! Она останется незавершенной навсегда… навсегда.

Но на этот раз вы задержали меня здесь».

Пока санньясины наслаждались энергией даршана, пребывая в ликовании и с воодушевлением работая, они не осознавали, что одно, невероятное по силе переживания событие случится так скоро — это была смерть отца Ошо, Дадды. Дадда и большая часть его семьи, включая мать Ошо, его братьев с женами и детьми, покинули Гадарвару и с 1978 г. жили в ашраме. Было совершенно невозможно не заметить Дадду, человека с седыми волосами, который был стар телом, но чье лицо выражало полноту существования и радость. Его сияющие, смеющиеся глаза выражали внутреннее умиротворение и довольство. Он был радушным хозяином во время исполнения киртанов, которые каждую неделю проходили в его жилище.

С некоторых пор Дадда был нездоров. С 1975 г. у него было шесть сердечных приступов, для лечения сердечной недостаточности его на месяц положили в больницу, но за две недели до окончания этого срока он покинул свое тело. Вот мои личные переживания относительно этого печального события.

Это был один из сырых вечеров сезона муссонов в сентябре. После ужина я работал в своем кабинете. Я проработал с полчаса, когда услышал женский голос: «Свами, Дадда умер. Мы собираемся провести молебен в Будда-холле». Это известие было тяжким ударом. Я немедленно отложил свои бумаги, встал и присоединился к другим санньясинам в Будда-холле.

Ровно за неделю до этого я встретился с Даддой в его больничной палате. У меня с ним была назначена встреча. В действительности мы договорились поговорить об Ошо, и он хотел рассказать мне кое-какие истории, случаи из детства Ошо. Он выглядел таким же бодрым, как и всегда, и также, казалось, он прекрасно оправился от приступа слабости. К этому времени он пролежал в больнице примерно пять недель. Доктора уверяли, что его выпишут через несколько дней. Но как только я сел, прикоснувшись к его ногам, он посмотрел на меня и сказал: «Не думаю, что я могу рассказать что-то вдобавок к тому, что уже рассказал (об Ошо). Я больше не хочу видеться с людьми. Я даже не хочу есть. Мне жаль, что ты специально за этим ехал так издалека».

Я сказал, что не надо извиняться и что он может перенести встречу на потом, когда полностью поправится и вернется в ашрам. Я быстро переговорил с Аммаджи (матерью Ошо), Шайлендрой и Амитом (братьями Ошо), с помощью своих сыновей Дадда медленно вышел из своей палаты, чувствуя жар и упадок сил. Мы привели его обратно в палату и уложили на

кровать. Он закрыл глаза и заснул, я вернулся в ашрам.

Дадда покинул свое тело 8 сентября 1979 г. в 20.45. Но это была смерть его физического тела. Рано утром того же дня, в три часа, он достиг состояния самадхи, состояния отделения разума от тела. И с этим первым проблеском вечности он осознал, что умирает. Он отправил Ошо сообщение, чтобы тот приехал, поскольку хотел с ним попрощаться. Однако немедленно после этого он послал другое сообщение — что Ошо не должен беспокоиться и ему нет необходимости приезжать. Тем не менее Ошо приехал повидаться с отцом.

Смерть эта была необычной, опять потому что их встреча была встречей отца с сыном и мастера с учеником. Два существа — один уже соединившийся с вечностью, другой — вступающий в нее. Это была их последняя встреча. Отец бесконечно любил своего сына. Ошо с любовью заботился о нем с самого детства. На одной из моих встреч с Даддой тот с обожанием вспоминал, как однажды, во время его болезни, Ошо, которому тогда было пятнадцать лет, постоянно посылал ему письма; несмотря на запрещение врачей, тайно приносил ему сласти и кормил его. Но сейчас эта болезнь стала последней, и отец и сын были уже не те. Это была невероятная встреча двух существ в близком душевном, но уже неосязаемом общении.

Итак, примерно в девять часов вечера в Будда-холле началась великолепная служба.

Ученики плакали и пели «Аллилуйя». Так пожелал Ошо. Потому что, как он говорит:

> «Он покинул мир в совершенном молчании, в радости, в спокойствии. Он ушел из мира как цветок лотоса. Это стоит отметить. И для вас это прекрасная возможность поучиться, как жить и как умирать. Каждую смерть стоит отметить — но торжеством она является, только если ведет к более высоким уровням существования».

Около половины одиннадцатого вечера тело Дадды перенесли в зал и положили на мраморный помост, с которого Ошо вел свои дискуссии. Мать Ошо и другие члены семьи, все в слезах, находились рядом с телом. На лице Дадды можно было явственно различить сияние, и мне он показался скорее находящимся в состоянии глубокой медитации, нежели покойным.

Через некоторое время пришел Ошо, как всегда он улыбался и приветствовал всех руками, сложенными в намасте. Затем он обвил шею Дадды гирляндой из листьев и преклонил колена. Это

была запоминающаяся сцена; в помещении чувствовалось сильное энергетическое напряжение. Ошо коснулся головы отца в двух точках. В своей лекции в этот день, позднее, он объяснил, что он делал.

> «Я коснулся его тела в двух точках, одна — это аджна-чакра[55], потому что было только две возможности — или он мог покинуть свое тело через аджна-чакру, в случае чего он мог получить еще одно рождение, но только одно. А если б он покинул свое тело через седьмую чакру, сахасрару, потом он бы не смог получить ни одного нового рождения. Сначала я проверил его аджна-чакру. Я положил руку к его аджна-чакре с небольшим волнением, потому что эта чакра, через которую уходит жизнь, раскрывается подобно бутону, превращающемуся в цветок. А те, кто имел опыт с чакрами, может ощутить непосредственно, просто через прикосновение, через какую из них жизнь нашла свой путь наружу. Я был очень счастлив обнаружить, что жизнь вышла не через аджна-чакру. Потом я прикоснулся к его сахасрара-чакре, которая известна как „лотос с тысячей лепестков“, и нашел ее открытой. Он улетел через седьмую дверь».

Через несколько минут Ошо с улыбкой покинул зал, и скоро тело перенесли к ближайшей площадке для кремации, куда его провожали сотни одетых в оранжевое санньясинов, певших «Возрадуйтесь, возрадуйтесь!». Около двух часов ночи тело поместили на погребальный костер и зажгли огонь. Когда пение и танец достигли апогея, оранжевые языки пламени охватили тело, и вся кремационная площадка была залита их торжествующим светом.

Одинаково восславляя жизнь и смерть, ашрам продолжал разрастаться. К повседневной жизни ашрама прибавлялось все больше и больше творческих начинаний. Для учеников творчество и художественное выражение стали неотъемлемой частью их ежедневных медитаций. Для учеников Ошо санньяса означала существовать в мире, к которому они не привязаны, и разделять с другими благодать медитации через создание прекрасных произведений искусства и ремесла. Поэтому в ашраме Шри Раджниша процветали многие виды искусства. Солидную репутацию заслужила гончарная мастерская ашрама. Ткацкая студия также стала широко известна и производила широкий ассортимент пончо, жакетов, шалей, одеял и детских игрушек. Разные виды одежды, придуманные и произведенные в ашраме,

стали очень популярны.

Театральная труппа «Раджниш» снискала похвалы индийской прессы за восхитительную постановку комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», сыгранную в июле 1979 г. в Мумбае. Труппа также гастролировала по другим городам Индии. Воодушевленная постоянным успехом, труппа представила свои постановки пьес «Сон в летнюю ночь» и «Двенадцатая ночь» в Дели в 1980 г.

Центр здоровья ашрама был оснащен современной лабораторией и операционной, укомплектован квалифицированными врачами. Штат центра здоровья проводил масштабные исследования местных заболеваний, таких как гепатит, который особенно часто поражал людей, прибывших с Запада.

Отдел магнитофонной записи использовал высокотехнологичное оборудование для записи ежедневных бесед Ошо. Этим занимались санньясины с образованием инженеров-электронщиков. Санньясины также экспериментировали с новыми способами использования энергии, включая строительство домов, оборудованных солнечными батареями.

Ашрам также производил моющие вещества и мыло, не вредившие растениям и поглощавшиеся окружающей средой. Здесь вырабатывался широкий ассортимент мыла, шампуней и кремов на жирах неживотного происхождения и натуральных маслах. В столовой всегда было обширное меню превосходных вегетарианских блюд, включая выпечку, приготовленную без яиц, домашний творог, сыр и арахисовое масло. Санньясины также достигли больших успехов в гидропонике.

К 1979 г. в Отделении психологии Международного университета медитации Раджниша (RIMU — Rajneesh International Meditation University) функционировало более ста терапевтических групп. Эти группы потом были соединены в более крупные группы, состоявшие из жителей страны и из приезжих. Вдобавок проводилось множество курсов обучения; тай-чи[56], карате, индийский танец, обучение английскому и хинди и камерной музыке.

Правительство не признавало RIMU и не оказывало поддержки его инновационным программам. В апреле 1981 г. название университета было изменено на Международный не-Университет медитации Раджниш (RIN-U — Rajneesh International Meditation non-University), а «Раджниш-Фаундейшн» объявил, что RIN-U будет функционировать независимо и не ищет признания со стороны какого-либо государства, страны, правительства, нации или образовательного учреждения. «Революционный подход к образованию не встречает официального признания…

Не ища какого-либо признания, сам не-Университет будет признавать некоторые школы, колледжи, институты и университеты по всему миру».

Быстрый рост экспериментального поселения коммуны Шри Раджниш ашрама сдерживали те шесть акров земли, что он занимал в Пуне. Были приложены дополнительные усилия для покупки 400 акров неплодородной земли в 32 км от Пуны, в долине, известной как Джадхаввади, в городе под названием Сасвад.

Планировалось выстроить самообеспечивающую и самодостаточную Международную общину Нео-санньясы Раджниша (Rajneesh Neo-Sannyas International Commune), где смогли бы жить и работать в любви и медитации одновременно 10 000 санньясинов. Процесс приобретения этого места начался с того, что был взят в аренду старый особняк с пристройками, в которых можно было разместить ремесленные мастерские и поселить терапевтические группы. Также санньясины ашрама начали возделывать некоторые земли. Были предприняты усилия для получения разрешения С от правительства штата Махараштра использовать земли для несельскохозяйственных целей.

Новая община в Джадхаввади была открыта 11 декабря 1979 г., на сорок восьмой день рождения Ошо. Более 6 000 санньясинов и гостей въехали на площадку колонной автобусов, автомобилей и мотоциклов. На самой высокой точке строения был поднят специально созданный флаг «Раджнишдхам». Этот участок земли специально предназначался для возведения прекрасного храма медитации. Были объявлены сорок пять отделений новой общины. План включал зал для медитаций, палаты для терапии, университет, пятизвездочный отель, киноинститут, колледж сценического искусства, отделения ремесла, музыки, танца, живописи и скульптуры и много других.

Однако бюрократические препоны не давали общине расти и развиваться. Соответственно «Раджниш-Фаундейшн» предпринял дальнейшие усилия по приобретению земли на территории Куч (на западе штата Гуджарат), а также на севере, но эти усилия оказались напрасными.

Представление Ошо заключалось в том, что община — это внешняя форма, внутри которой ее члены смогут экспериментировать с духовным пробуждением. Община и ее окрестности, которые Ошо называл «полем Будды», должны были позволить делать все это в обстановке спокойствия, творчества и любви. Там уже не должно было быть никакой работы в буквальном смысле этого слова. Таким образом, работа более не являлась серьезным бизнесом; напротив, она становилась

непрерывной лила (leela), то есть игрой. В целом идея заключалась в том, чтобы стимулировать духовный рост, давая каждому возможность раскрыться навстречу переменам. В этом смысле жизнь в общине приобретала некое эстетическое качество. В такой общине никто не поступал согласно стереотипам, установленной роли или положению; каждый человек, напротив, рассматривался как обладатель нераскрытого потенциала и тот, кому давалась возможность раскрыть свою божественную сущность. Община должна была стать не организацией, а скорее лабораторией, где должны были проводиться эксперименты в целях увидеть, какой метод, путь, техника или идея могли бы принести на землю свойства Будды. Ошо подробно раскрыл свое видение этой идеи в книге «От секса к сверхсознанию»(From Sex to Superconsciousness).

Ошо продолжал резко критиковать ортодоксальные религии, лицемерие общественных деятелей вместе с их корыстными интересами. Как мы могли видеть, его единственной заботой всегда было видеть вещи в их истинном свете и обнажать истину вне зависимости от того, нравится ли это кому-то или нет. Этим он навлекал на себя всяческие неприятности и неприятие. Самая яростная и драматичная реакция на его выступления и деятельность имела место 22 марта 1980 г., когда религиозные фанатики предприняли попытку убить его во время одной из его утренних бесед.

В этот день жизнь в ашраме началась как обычно. Тогда Ошо говорил на хинди. Приятным летним утром несколько тысяч человек собрались в Будда-холле, чтобы послушать его беседу. Неожиданно, около половины девятого, некий молодой человек вскочил и ринулся к Ошо через аудиторию, крича на хинди то, что на английский можно было перевести как: «Бхагван Раджниш, ты выступаешь против нашей религии, мы не потерпим этого!». Его немедленно задержали охранники ашрама, но перед тем, как они скрутили его, он успел швырнуть большой нож, который пролетел недалеко от Ошо и упал на бетонный пол.

За несколько минут до инцидента охрана ашрама получила от полиции Пуны секретное сообщение об угрозе нападения. Коль скоро нападение состоялось, к воротам ашрама подъехал полицейский патруль. Нападавший, которого позднее опознали как Виласа Витгхала Тьюпа, члена экстремистской индуистской организации, базировавшейся в Пуне, был вежливо задержан охранниками, в тишине выведен из зала и передан полицейским. Волна ужаса прокатилась по залу, заполненному санньясинами, но паники не было.

Все время нападения Ошо оставался сидеть, спокойный и

абсолютно невозмутимый. В действительности это он в свою очередь начал успокаивать слушателей, попросив их сесть на места, и продолжил свою беседу.

Санньясины ашрама были потрясены этим событием. Ма Йога Лакшми, доверенный управляющий «Раджниш-Фаундейшн», написала в пресс-релизе: «Сегодня в Будда-холл повторилась история политических убийств, надругательства и враждебности, которыми Индия отвечает на деятельность ее великих мистиков и пророков. Люди, которые бросали камни в Будду и пытали Мохавира, теперь хотят заставить молчать Ошо… Эти фанатики думали, что смогут избавиться от Ошо тем же самым способом, что избавились от Ганди, но с Божьей помощью все вышло иначе. Ошо будет и далее говорить правду, невзирая на то, сколько попыток будет сделано для того, чтобы заставить его прекратить это».

Неудивительно, принимая во внимание отношение правительства к Ошо, что подозреваемый, этот несостоявшийся убийца, был обвинен, отдан под суд и оправдан. Несмотря на то что жизнь Ошо подверглась опасности, и на негативную реакцию со стороны прессы, священнослужителей и политиков, деятельность ашрама протекала нормально. Энергетическое поле продолжало расти. Охрана в самом ашраме и вокруг него была усилена. Здоровье Ошо также оставалось очень хорошим. Оставшаяся часть 1980 г. прошла сравнительно спокойно.

Молчание мудреца

1981 год будут вспоминать как, возможно, самый бурный в жизни ашрама. Он начался с просветления еще одного из учеников Ошо. Тридцатитрехлетний Свами Ананд Вималкирти, в прошлом Вельф, принц Ганноверский, достиг просветления вечером 9 января 1981 г. Он умер и получил Махапаринирвана (освобождение от рождения и смерти) 10 января 1981 г. Краткая история этого события такова.

5 января, выполняя свои ежедневные упражнения на разминку, Вималкирти впал в кому от кровоизлияния в мозг. На пять дней он был подключен к аппарату искусственного дыхания в больнице Пуны. Его мать, принцесса София, и брат, принц Георг, прибыли из Германии, чтобы быть рядом с ним. В утренней беседе Ошо упомянул о Вималкирти в следующих словах:

> «Вималкирти благословен. Он один из немногих избранных санньясинов, который ни на единый момент не сомневался, доверие которого было всецелым все то время, что он здесь находился. Он никогда не задавал вопросов, он никогда не писал писем, он никогда не доставлял неприятностей. Его вера была такой, что постепенно он абсолютно слился со мной. Он был человеком редчайшей сердечности. Это свойство — быть сердечным — исчезло из мира. Он был настоящим принцем, по-настоящему королевских манер, подлинным аристократом. Аристократизм не зависит от рождения, он зависит от свойств сердца. И я прочувствовал его как обладателя одной из самых прекрасных душ на земле».

Ошо хотел, чтобы Вималкирти продержали на искусственном дыхании по крайней мере семь дней, потому что, объяснил Ошо: «Он сейчас на грани — небольшой толчок, и он станет частью вечности… Тем не менее я хочу, чтобы он побыл здесь еще немного. Прошлой ночью он достиг желаемого. Он пересек границу между бытием и небытием…»

Ошо также объяснил, что благодаря своим медитативным качествам Вималкирти удалось отделиться от собственного тела и таким образом достичь осознанности вне тела.

Все члены семьи Вималкирти, включая его жену Ма Прем Турья (бывшая Вибке, принцесса Ганноверская, также санньясинка), его отец принц Георг Вильгельм Ганноверский, его мать и брат присоединились к тысячам санньясинов, которые

сопровождали тело к месту кремации. Пока тело Вималкирти горело на погребальном костре, все в ликовании танцевали и пели. Были получены соболезнования от королевы Елизаветы Второй, Его Королевского Высочества принца Чарльза (Вималкирти был племянником королевы и двоюродным братом принца Чарльза), от королевы Греции Фредерики, г-жи Индиры Ганди и от многих других выдающихся людей.

8 сентября был объявлен Днем Махапари нирваны, который должен был отмечаться ежегодно в память об отце Ошо, Вималкирти и всех тех санньясинах, кто покинет свои тела в будущем.

Дух ликования воцарился не только в ашраме, но также начал распространяться по всему миру. Самое пышное празднество, организованное учениками Ошо вне Пуны, имело место в престижном лондонском кафе «Роял» 14–15 марта 1981 г. Оно называлось «Мартовское событие» и стало ответом на рост интереса британцев к Ошо и деятельности Шри Раджниш Ашрама в Пуне. Более тысячи человек, включая журналистов и других продвинутых людей, приняли участие в этой двухдневной программе медитации и групповой терапии. Вели эту программу семь опытных санньясинов — руководителей групп.

Вследствие потрясающего успеха «Мартовского события» было запланировано проведение подобных празднеств в Сан-Франциско, Сиднее, Берлине и Мюнхене. Это было точно то, что предвидел Ошо: его послание и деятельность разойдутся по всему миру через его санньясинов. Как он и говорил задолго до этого, пришло время распространить его «поле Будды» — энергетическое поле, созданное Просветленным мастером — на весь мир. Поскольку он сам достиг просветления, то не остановился бы ни перед чем, чтобы сделать его доступным возможно большему числу людей. Его труд и история жизни подтверждают это. Он провозгласил: «Я буду отправлять вас во все четыре стороны света. Вы станете моими полноправными послами, вы будете действовать от моего имени, я буду смотреть вашими глазами, я буду говорить вашим языком, я буду касаться людей вашими руками, я буду любить через вашу любовь».

Послание любви Ошо появилось еще раз, на двадцать восьмую годовщину его просветления — 21 марта 1981 г. «Мое послание для тех, кто жаждет божественного: это харчевня, а не храм», — сказал Ошо. Он в утренней беседе объяснил, что у его религии нет названия, поскольку у любви нет имени; любовь — это не христианство, не индуизм, не мусульманство, не джайнизм, не буддизм. «И если у любви нет названия, как может религия — которая является крайним проявлением любви —

иметь название? Не спрашивайте меня название, у пьяных нет религии, у них есть только опьянение, только блаженство».

В отношении ашрама и его организации он добавил: «Даже харчевня нуждается в минимальной организации. Кто-то должен присматривать за тем, чтобы жаждущие не оставались ждущими, а те, кто ничего не жаждет, не навредили им».

Никто не имел ни малейшего понятия о том, что мастер готовился вот-вот раскрыть новое измерение своего труда, и то, что впредь он собирался быть доступным только тем, кто был готов понимать его без помощи слов — в молчании. В течение многих лет Ошо говорил своим ученикам, что истину нельзя выразить словами. Он постоянно повторял, что Ученик может войти в связь с мастером только через глубокое молчание: «Слова слишком грубы, слишком неточны, слишком ограничены. Только пустое пространство, полное молчание могут выразить сущность Будды. От того, что вы не можете постичь молчание, его приходится переводить словами — иначе в нем нет необходимости».

Вечерний даршан 23 марта 1981 г. превратился в событие невероятной значимости — это был последний даршан Ошо для учеников и гостей. Беседа Ошо на следующее утро также оказалась последней. Так получилось, что 24 марта в ашраме обнаружилось несколько случаев ветряной оспы, были приняты меры предосторожности против распространения заболевания, а заболевшие были немедленно помещены в карантин. Вечерние даршаны были отменены, а вместо утренних бесед в Будда-холле двумя днями позже стали проводиться молчаливые музыкальные медитации.

На последнем даршане 23 марта Ошо говорил о происхождении слов и языка. Он в частности упомянул классическое утверждение, сделанное в Библии, что «В начале было Слово, и Слово было с Богом, и Слово было Бог». Ошо ответил на это утверждение, говоря: «Я категорически заявляю — нет! В начале было молчание, и в конце тоже есть молчание. Молчание есть та материя, из которой создана Вселенная. И я говорю вам это истинно, потому что если вы глянете внутрь себя, вы придете к началу всех начал, потому что в вас содержится и начало, и конец».

Несмотря на распространение ветрянки, отмену даршанов и отсутствие ранних утренних бесед с мастером, деятельность ашрама продолжалась как обычно. Все ожидали, что Ошо выйдет к ним 11 апреля, когда с серии лекций на английском языке должны были начаться очередные медитационные сборы. Однако 10 апреля Ма Ананд Шила, одна из попечителей «Раджниш

Фаундейшн», созвала собрание глав всех отделов ашрама и объявила, что Ошо входит в новую и последнюю стадию его деятельности — он входит в молчание. Она была среди первых, кто услышал решение Ошо, и была потрясена, услыхав эту новость. Она сказала: «Но Ошо говорит, что нет никакой нужды впадать в шок, он сказал, что мы все должны быть счастливы и радостны. И он попросил меня передать это всем остальным с такой же радостью, которую испытывает он сам».

По ашраму эта новость распространилась как пожар. Для многих это было большой неожиданностью. Но в течение нескольких часов все в ашраме пели и танцевали. Ученики скоро поняли, что для них пришло время перейти на более глубокий уровень, чтобы получить настоящую связь с мастером.

В исторической декларации «Раджниш Фаундейшн» объявил, что Ошо приступил к завершающей стадии своего труда. С 1 мая 1981 г. и далее Ошо будет общаться только через молчание, которое он описал как «язык существования». Вместо словесного общения, как сообщалось, теперь будет сатсанг[57], молчаливое, от сердца к сердцу общение. Далее сообщалось, что некоторые ученики готовы воспринимать Ошо в молчании, следовательно, он будет допускать к себе только их. Теперь ученики способны входить в молчаливое духовное общение с мастером на более глубоком уровне. Сатсанг должен был проходить каждое утро в Будда-холле.

В сообщении также говорилось, что с началом новой стадии проведения вечерних даршанов сам Ошо более не будет присутствовать на них физически. Ма Йога Лакшми, Свами Ананд Тиртха и Свами Сатья Ведант[58] (в отсутствие Ма Йога Лакшми) были объявлены посредниками для этой работы. Когда было сделано это объявление, Лакшми была в отъезде по делам Фонда, поэтому вечерний даршан, санньясу, благословение и энергетический даршан для индийских друзей провел Ведант, а для друзей с Запада — Тиртха.

После того как Ошо изумил общество своими революционными и оригинальными взглядами на почти все предметы, существовавшие под солнцем, его решение погрузиться в молчание произвело всемирную реакцию, которая простиралась от удивления до полного неверия и скепсиса. Тем не менее фактом осталось то, что Ошо ожидал этого момента. Он готовил учеников к этой последней фазе его труда; он готовил их к независимости. Его решение ясно говорило о том, что ученики стали достаточно восприимчивыми к этому новому измерению, поэтому среди них царило настроение радости и молчаливой таинственности. Хотя было еще и потаенное чувство, что им

будет не хватать звука его голоса, а также его понимания, которое делало течение их дней таким легким, тревоги не было. В действительности среди них царило ощущение благодарности, потому что Ошо нашел их достаточно подготовленными к тому, чтобы разделить с ними эту последнюю фазу молчания.

Новая фаза дала каждому возможность прочувствовать энергию Ошо вне зависимости от его физического присутствия на вечерних даршанах, а также без помощи связи с ним через слова в ходе бесед. Он еще больше ограничил своих учеников в том, что касалось внешней стороны его существования, но вошел с ними в близкий духовный контакт. Ошо указал на это обстоятельство задолго до этого:

> «В тот день, когда вы увидите это кресло пустым, это тело пустым, это существо пустым, вы сможете увидеть меня, вы сможете говорить со мной. Это будет истинным моментом встречи ученика с мастером. Это растворение, это исчезновение… падение капли росы в океан или падение океана в каплю росы. Это одно и то же! Мастер, исчезающий в его ученике, и ученик, исчезающий в мастере. А потом наступает глубокое молчание. Это не диалог».

1 мая 1981 г. в Будда-холле в присутствии 10 000 учеников и гостей Ошо дал его первый сатсанг в качестве «молчаливого мудреца». Это было его первое появление на публике с тех пор, как он 24 марта прекратил давать ежедневные беседы. Сатсанг длился примерно час — это было бессловесное, от сердца к сердцу, общение между мастером и его приверженцами. Сатсанг начался с чтения мантры, которая издавна исполнялась общиной бхиккхус (учениками), собиравшимися вокруг Гаутамы Будды 2500 лет назад.

> Буддхам шаранам гаччхами
> Сангхам шаранам гаччхами
> Дхаммам шаранам гаччхами
> Я припадаю к стопам Пробужденного.
> Я припадаю к стопам общины друзей Пробужденного.
> Я припадаю к стопам единственной истины Пробужденного.

После тихого чтения мантры заиграла медитативная музыка, перемежавшаяся с моментами тишины. В промежутках зачитывались отрывки из Иша Упанишад и «Пророка» Кахлила

Гибрана. В конце повторили мантру, и Ошо покинул зал. Сатсанг стали повторять каждое утро. Ошо продолжал сидеть с санньясинами молча в течение часа. Вивек провожала его на подиум и сидела у его ног. Ошо уже объяснил значение и цель сатсанга как самое тесное сближение с истиной, это означает быть рядом с истиной, это значит находиться рядом с мастером, который стал един с истиной — просто быть рядом с ним, раскрытым, воспринимающим и в ожидании.

При все большем отходе от деятельности молчание Ошо в какой-то степени привело его существование в состояние третьей гуны — саттва. Он уже прошел через две первые гуны — тамас и раджас. Молчание Ошо, однако, имело добавочное измерение — измерение музыки. Объясняя соотношение музыки и молчания, Ошо говорит: «Музыка в некотором смысле абсолютно молчалива. Звуки существуют, но эти звуки только делают тишину глубже, они помогают молчанию… Шум — это просто звук, который не ведет вас к тишине. Музыка — это звук, открывающий двери в молчание… Существование мастера подобно музыке, поэзии, песне. Но все они ведут к молчанию, и только в тишине можно приблизиться к истине».

Пока ученики наслаждались благодатным обществом своего любимого мастера в этом глубоком, новом измерении, внешний мир становился все более и более враждебен и непримирим по отношению к Ошо, его ученикам и ашраму. Угрожающе росло число писем враждебного содержания и телефонных звонков, адресованных ашраму. Они содержали угрозы как жизни Ошо, так и жизням отдельных учеников. Например, одному жителю Шри-Ланки за убийство Ошо предложили четверть миллиона фунтов. Эта информация содержалась в письме, полученном 3 мая одним из санньясинов ашрама.

10 мая пресс-служба «Раджниш Фаундейшн» довела эту тревожную информацию до сведения печати. В сообщении для прессы отмечалось, помимо остального, что угроза исходила от группы, называемой «Римские католики Бомбея и Пуны», предупреждавшей, что они собираются убить Ошо и взорвать ашрам. Было получено послание, намекавшее на то, что некая тайная организация намерена инициировать против ашрама кампанию насилия.

Угрозы начали воплощаться в действительность. Рано утром 27 мая в Раджнишдхаме, Джадхаввади, Сасваде случились пожары. Через сутки, 28 мая, был подожжен книжный склад «Раджниш Фаундейшн», расположенный близ Пуны. Прозвучало несколько взрывов с небольшими промежутками, и огонь быстро распространился по сложенным в стопки книгам. Пожар начался

около трех часов утра. Примерно в то же время в медицинском центре Фонда сработало взрывное устройство. По счастливому стечению обстоятельств никто не пострадал.

Несмотря на нападения, утренний сатсанг с Ошо в Будда-холле продолжался. Перед началом сатсанга собравшиеся ученики и гости воздели свои руки в знак протеста и осуждения в адрес нападавших. Фонд выпустил однозначное заявление: единственный предмет нашей озабоченности — это безопасность Ошо. Но несмотря на угрозы, он продолжал обращаться к человечеству так же, как и раньше.

Послание Ошо к миру было настолько важно, что никакие фанатики остановить его не могли.

Ученики восприняли случаи поджогов и нападки спокойно и с еще большим доверием и преданностью мастеру. Они оставались рядом с ним, пребывающим в молчании, с благоговением, глубокой любовью и бесконечной преданностью. Работа в ашраме продолжалась без перерывов. Но здоровье Ошо снова начало ухудшаться и становилось ясно, что ему придется ехать на Запад для лечения. Соответственно, последний сатсанг Ошо состоялся утром 1 июня 1981 г. В этот же день он попрощался со своими любимыми учениками и покинул Пуну так же тихо, как и прибыл сюда семь лет назад.

Ошо не раз спрашивали, хотел бы он навсегда покинуть Индию, и он каждый раз отвечал отрицательно. Он объяснил причины, по которым не хотел уезжать из Индии в беседе 30 августа 1978 г.

> «Мне тяжело покинуть Индию. В Индии есть нечто невероятно ценное — самый долгий и самый глубокий опыт поиска истины. Множество Будд ходило по этой земле, под сенью этих деревьев; сама земля здесь стала священной. Находиться здесь — это совсем не то, что находиться еще где-то. И донести до вас то, что я пытаюсь донести, сделать здесь значительно легче.
>
> Индия низвергнута со своего пьедестала. У нее уже нет былой славы. Это один из самых уродливых уголков земли, но все же по нему ходили Гаутама Будда, Махавира, Кришна и миллионы других…
>
> Ни одна другая страна не может похвастаться этим. Иисус совсем один в Иерусалиме. Мохаммед — один-единственный на все арабские страны. У Лао-цзы очень небольшая компания — Чуанг Цу и несколько других. Они тяжко трудились, чтобы создать хоть что-нибудь. Но у Индии самая насыщенная духовная атмосфера. Она

насыщалась по крайней мере 5 000 лет. И эти потоки все еще струятся.

Ту Индию, о которой вы читаете в газетах, я уже покинул. Ту Индию, что вы знаете, я уже покинул. Видели вы меня хоть когда-либо выходящим из этих ворот? Я живу в своей комнате. Находится ли эта комната здесь или еще где-то, я буду жить в своей комнате. Она останется той же самой. Мне нет дела до той Индии, о которой вы узнаёте по радио, телевидению, через газеты — Индию политиков, лицемеров, махатм с мазохистскими наклонностями я давно покинул.

Ноя не могу уехать. Существует также и скрытая Индия, эзотерическая Индия, где все еще живут Будды, где вы можете пообщаться с махавирой легче, чем где бы то ни было, где все еще существует тайная традиция пробужденных. Вот этого я не могу оставить. Для меня в этом нет проблемы — я могу уехать; я везде буду одинаков — но для вас это будет не одно и то же».

Но Ошо все-таки уехал из Индии. Почему? Частично ответ был дан как раз за месяц до того, как он перестал говорить на публике. Ему часто задавали один вопрос — что будет после того, как он покинет свое тело. На это он ответил ясно и подробно:

«Я покину свое тело, когда это будет нужно. Меня ни на йоту не беспокоит, что будет происходить после этого. Возможно, это прозвучит для вас очень безответственно, но мои критерии ответственности диаметрально противоположны тем представлениям о так называемой ответственности, что существуют у других людей. Я ответственен перед текущим моментом, перед существованием — и не отвечаю за что-то в том смысле, что имею перед этим какие-то обязательства, я ответственен в том смысле, что я отзываюсь на них всецело, добровольно. Какими бы ни были обстоятельства, я совершенно им соответствую. Пока я жив, я живу, когда я умру, я буду мертв. Я не вижу в этом никакого вопроса.

В момент смерти для меня умрет весь мир, и, чтобы потом ни произошло, оно произойдет. Я не принимал на себя ответственности за все сущее. Кто такое может сделать? Но были люди, пытавшиеся сделать подобное, и все они потерпели сокрушительную неудачу.

Я никем не управляю — я не политик. Я не заинтересован в контроле над кем-либо сегодня или

завтра. И когда меня здесь не будет, что я могу поделать? Глупцы останутся глупцами. Поклонялись ли они мне или кому-либо еще, не будет иметь большого значения. Если они хотят кого-то обожествлять, они будут обожествлять.

Каждый общественный институт мертв по определению, только человек — живое существо. Ни одно учреждение не живет вечно. Как оно может существовать вечно? По самой своей сути оно обязательно умрет.

Я совершенно не обеспокоен тем, что будет, мне ни в малейшей степени не интересно, что случится в следующий миг. Если эта фраза останется незавершенной, я не приложу ни малейшего усилия, чтобы закончить ее. Я даже точки в ее конце ставить не буду. У меня нет никакого желания доминировать над кем-либо, но я не могу продолжать твердить людям: „Не обожествляйте меня!“, потому что это и есть способ породить обожествление.

Люди все время заблуждаются. Пока мастер жив, они не идут к нему, потому что пока он жив, у них нет возможности заблуждаться. Они приходят к нему тогда, когда его здесь больше нет, потому что покойным мастером можно управлять, манипулировать.

Во-первых, я человек последовательно непоследовательный. Из моих слов невозможно будет сделать догму; кто-либо, пытающийся сделать из моих слов религию или догму, сойдет с ума! Вы можете создать догму из махавира — он очень последовательный человек, очень логичный. Вы можете сделать философское учение из Будды — он очень математичен. Вы можете создать философию из Кришнамурти[59] — в течение сорока лет он просто повторял одно и то же снова и снова; у него вы не найдете ни единой непоследовательности.

Со мной это невозможно; я живу одним мигом и, что бы я ни говорил прямо сейчас, верно это лишь для текущего момента. Я не соотношусь с моим прошлым, и я совершенно не думаю о моем будущем. Поэтому мои утверждения похожи на отдельные атомы, они не являются частью какой-то системы. И вы можете создать мертвое учреждение только тогда, когда ваша философия очень систематична; когда в ней больше нет изъянов, когда в ней нельзя обнаружить ошибок, когда

отметены все сомнения, решены все вопросы, а вам дают заранее заготовленные ответы на все, что случается в жизни.

Я настолько непоследователен, что вокруг меня невозможно создать мертвое учреждение, потому что мертвое учреждение будет нуждаться в инфраструктуре в виде мертвой философии. Я не учу вас какой-то доктрине, я не даю вам каких-то принципов. Напротив, я пытаюсь смести все философии, которые вы поддерживали до этого, я разрушаю вашу идеологию, верования, культы, догмы и не замещаю их чем-то еще. Мой способ действовать заключается в чистом разрушении ваших условных рефлексов. Я не стараюсь выработать у вас новые условные рефлексы. Я оставляю вас открытыми.

Я просто делюсь с вами своим мироощущением, своей радостью. Я наслаждаюсь жизнью, и кто бы ни желал наслаждаться ею со мной, я принимаю его. Естественно, когда я уйду, найдутся несколько глупцов, которые попытаются разгадать это, привести в систему, хотя я сделал такое почти невозможным.

Не знают, что случится, лишь те самые люди, что пытаются создать мертвое учреждение. Мои люди не могут создавать мертвые учреждения — это невозможно. Те, что были связаны со мной, абсолютно и категорично поймут одну вещь: жизнь нельзя ограничить учреждением; в тот момент, когда вы ограничиваете жизнь какими-то рамками, вы разрушаете ее. Таким образом, пока я жив, они будут жить в радости. Когда я уйду, они будут ликовать по-прежнему. Они будут прославлять мою жизнь, они будут прославлять мою смерть, и они будут жить.

Я готовлю моих людей жить радостно, экстатично, так что когда я уйду, для них не будет никакой разницы. Они продолжат жить в том же темпе, и, возможно, моя смерть только добавит им энергии.

Я никому ничего не оставляю. Я объявил себя Бхагваном. Почему я что-то должен кому-то оставлять? Я знаю, что я Благословенный, и только я это могу знать. Как это может знать кто-то еще? И я пытаюсь склонить моих людей к пониманию — они тоже Благословенные. Невозможно меня обожествить — я уже сделал это! Что еще вам остается? Я ни от кого не завишу».

В американских СМИ было широко объявлено, что

рядом с городом Энтилоуп, штат Орегон, «Раджниш Фаундейшн Интернэшнл» было отведено 64 000 акров земли. Это место было предназначено для реализации идей Ошо — так, как это было описано в одной из его бесед:

«Новая община не будет относиться к какой бы то ни было религии. Она будет религиозной. Но религия не будет неземной, она будет приземленной; следовательно, она будет творческой, она будет использовать все возможности, даваемые творчеством. Там будут поддерживаться и поощряться все виды творчества.

Действительно религиозный человек должен давать миру что-то ценное. Он должен делать мир чуть прекраснее, чем нашел его, появившись на свет. Он должен сделать его чуть радостнее. Он должен сделать его чуть благоуханнее. Он должен сделать его чуть более гармоничным. Вот таким должен быть его вклад.

Новая община должна значительно увеличиться: 10 000 санньясинов, живущих вместе как цельный организм. Ни у кого не будет собственности, все пользуются всем, все получают удовольствие. Все будут жить настолько удобно, настолько обеспеченно, насколько нам это удастся. Но ни у кого не будет собственности. Не будет собственных вещей, но и личность в этой новой общине тоже не будет принадлежать кому-то. Если вы любите женщину, живите с ней, но только из чистой любви и чистой радости — вы не станете ее мужем, этого вы не можете. Вы не станете чьей-то женой. Быть мужем и женой — это уродливо, потому что порождает собственничество, унижает человека до положения имущества.

Новая община будет свободна от собственности, полной любви — живущей в любви, но без обладания чем-либо, обмениваясь всеми возможными радостями, создавая общий источник всех радостей… Когда 10 000 человек сложат свои радости, это будет настоящий взрыв. Ликование будет невероятным.

Иисус повторял снова и снова: „Возрадуйтесь! Возрадуйтесь! Возрадуйтесь!“ Но его никто так и не услышал. Христиане выглядели слишком серьезными, и они изображали Христа таким образом, что могло показаться, что он никогда не радовался сам. Христиане говорят, что Христос никогда не смеялся. Это же

смехотворно. Человек, который постоянно говорил „Возрадуйтесь!“, человек, который любил хорошую еду, хорошее вино, человек, который часто бывал на званых ужинах и участвовал в празднествах, человек, в честь которого постоянно устраивались торжества — он никогда не смеялся? Христиане преподнесли миру ненастоящего Христа.

В моей общине будет петь и танцевать сам Будда, Христос будет петь и танцевать. Бедняги, им до этого никто не позволял делать такого! Давайте посочувствуем им — позволим им танцевать, петь и играть! В моей новой общине работа превратится в забаву, жизнь превратится в любовь и смех.

Запомните этот девиз — освящать Землю, сделать все святым, превратить обыденные, приземленные вещи в необыкновенные, духовные вещи, пусть вся ваша жизнь превратится в храм, ваша работа пусть превратится в предмет вашего обожания, любовь пусть станет вашей молитвой.

Каждый пусть станет Буддой, пусть этот мир станет раем Лотоса».

Раджнишпурам в Америке

Здоровье Ошо вызывало все большее беспокойство. Еще с конца 1980 г. он страдал из-за возвращения старых проблем со спиной. Боль была острой и требовала соответствующей заботы и лечения, и стало очевидным, что Ошо нуждается в хирургической операции. Было решено, что ему необходима нейрохирургическая операция на межпозвоночном диске. Поскольку Ошо нуждался в хирургическом вмешательстве срочного характера, было решено поместить его в самую лучшую и авторитетную клинику Нью-Йорка, в которой на тот момент находилось одно из самых лучших нейрохирургических отделений в мире.

1 июня 1981 г. Ошо с небольшой группой санньясинов вылетел в Нью-Йорк. Они остановились в доме, купленном горсткой учеников на то время, что понадобится для лечения Ошо. Сравнительно чистая окружающая среда, по всей видимости, пошла ему на пользу, и его состояние перестало ухудшаться. Ученики ждали и наблюдали. Больница была извещена, а в доме, расположенном в городе Монтклэр, штат Нью-Джерси, были установлены приборы интенсивной терапии. Ученики Ошо были озабочены и готовы к непредвиденным обстоятельствам.

Пока санньясины были заняты обустройством дома, Ошо стал понемногу выказывать признаки выздоровления. Вначале он перепробовал множество американских блюд, но потом вернулся к своему любимому рису и дхалу[60], овощам, фруктам и йогурту. Поскольку его состояние улучшилось, Ошо начал совершать неторопливые прогулки вокруг дома и по участку. Однажды он даже совершил поездку в открытом «роллс-ройсе», удивляя проезжавших по шоссе людей своим видом, уже ставшим знаменитым из-за бороды и шапочки.

По соображениям безопасности было решено стараться не афишировать пребывание Ошо в Монтклэре. Но Ошо было трудно спрятать, и скоро весть о нем распространилась по окрестностям. Санньясины принялись стекаться отовсюду, чтобы увидеть своего любимого мастера, предложить помощь в работе и ухаживать за ним. Ошо всегда сопровождала группа музыкантов. Где бы он вместе с его людьми ни находился, там сразу начинался музыкальный сатсанг.

Секретарь Ошо Ма Ананд Шила заметила значительное общее улучшение его здоровья и убедила Ошо задержаться в США подольше. Главной мыслью Ошо было находиться рядом с его людьми, а где — это уже было обстоятельством второстепенной

важности. Если бы он остался в США, его предпочтением стала бы заброшенная авиабаза в Вудстоке, рядом с Нью-Йорком. В этом месте было достаточно домов и других подходящих строений, куда его люди могли бы немедленно переселиться. У его секретаря, однако, была другая идея. Ошо никогда никому не навязывал своих мыслей или предпочтений. Если его спрашивали, он просто высказывал свои взгляды. Если у других было иное мнение, они были свободны в своих взглядах. И потом, это они отвечали за Ошо, он ведь был их гостем.

Скоро участок земли был найден — 64 000 акров в центре штата Орегон, ранее скотоводческое ранчо, известное как «Биг Мадци»[61], а ныне заброшенное землевладение. Земля на ранчо была вытоптана скотом, и соседи считали нелепостью покупать никчемный участок. Ошо показали видеофильм об этом участке, и он нашел его перспективным. Когда его спросили, как он хочет назвать это новое место, Ошо предложил «Ранчо Раджниш». Но его окружению это название не понравилось, и он заменил его на «Раджнишпурам»[62]. Позднее часть земли стала городом Раджнишпурамом, в то время как за большей частью площади само по себе закрепилось название «Ранчо Раджниш». Так, примерно через четыре месяца после прибытия в США, Ошо был достаточно здоров, чтобы путешествовать, и он частным реактивным самолетом прилетел на ранчо в Орегоне.

Тем временем в Раджнишпураме поспешно достраивался дом для Ошо. По сути это был люксовый вариант трейлера, двойной вагончик с жилой комнатой и маленькой спальней. Была там еще пристройка для санньясинов, которые путешествовали вместе с ним, чтобы обеспечивать его потребности, включая камердинера Ошо, повара, врача и портного. Ошо прибыл на ранчо в сентябре 1981 г. Были сделаны последние приготовления, и взволнованные санньясины тихо сидели на новой лужайке, чтобы с любовью, ото всего сердца приветствовать Ошо. Он вышел из машины и сел в молчании под навесом, а его музыканты заиграли мелодию сатсанга.

Для многих это была первая встреча с Ошо с момента его отъезда из Индии. Находиться рядом с мастером посредине пустыни было для них новым приключением. Улучшившееся здоровье Ошо, поток любви и сочувствия, исходивший от него, вызвал слезы радости и благодарности на глазах санньясинов. Действительно, они в полной мере ощутили само его присутствие, то, что энергия его любви превратит эту бесплодную землю в оазис, как это впоследствии и произошло.

Ошо испытывал глубокую любовь к природе, животным, растениям, деревьям, рекам, горам. Это ранчо, весьма

безжизненный мирок, был скорее пустыней. Единственными растениями здесь были потрепанные ветром кусты можжевельника, и кое-где виднелись клочки некогда зеленых пастбищ. «И где же деревья?» — услышали все вопрос Ошо. Из этого вопроса стало понятно, что это не то место, где бы он хотел жить. Но в этом сказывалась деликатность и сочувствие, свойственные Ошо. С одной стороны, он всегда высказывал свои желания очень ясно, а с другой — он относился к тому, что приносила жизнь, с энтузиазмом и энергией. Так что когда стало очевидно, что деревьев здесь нет, он немедленно увидел иную, потенциальную, возможность, подходящий случай приложить творческие способности к тому, чтобы превратить эту пустыню в райский уголок.

Ошо стал вести уединенный образ жизни. Он общался с внешним миром через секретаря. Он держал связь только через нее. Обычно он выходил из своей резиденции Лао-цзы-хаус один раз в день, чтобы прокатиться в «роллс-ройсе», приобретенном его друзьями и поклонниками для обеспечения возможно большего удобства во время поездок. Ошо любил водить машину. И он вел «роллс-ройс» с тем же изяществом и радостью, с той же непринужденностью, с какой ездил на велосипеде или водил «Амбассадор» в Индии.

Эти ежедневные проезды сопровождались танцами и приветствиями. Они были кульминацией каждодневной жизни Раджнишпурама. Сразу после ланча ученики, поклонники и друзья Ошо выстраивались в линии вдоль дороги, с песнями, танцуя и играя на музыкальных инструментах. Около двух часов автомобиль Ошо появлялся со стороны Лао-цзы-хауса. Источая на всю округу любовь и радость, он часто останавливался, чтобы подбодрить музыкантов взмахами руки, все более быстрыми, вводя присутствующих во все больший восторг, потом спокойно улыбался и продолжал путь. Лица санньясинов сияли любовью и благодарностью, и они, сложив руки в намасте, приветствовали своего мастера. Некоторые, пока автомобиль медленно двигался мимо, любовно украшали складную крышу его машины розами.

Во время самых горячих встреч линия вытягивалась на целую милю. С вертолета машину Ошо осыпали лепестками роз. Просто для того, чтобы добраться до конца шеренги встречавших Ошо и вернуться назад, часто требовалось три часа. Иногда он останавливался, чтобы сделать подарки детям или тем санньясинам, которых он давно не видел. Иногда он перебрасывался с кем-либо несколькими короткими фразами. Всегда непредсказуемый, всегда живой, всегда сердечный и улыбающийся и всегда с любовью в глубоких, сияющих и

внимательных глазах.

Посетители, которые никогда до этого не видели Ошо, бывали так тронуты его видом и взаимной любовью между мастером и учениками, что часто это заканчивалось тем, что некоторые начинали плакать или смеяться от восторга, когда он проезжал мимо. Очевидно, было нечто в этом невероятном радушии, что заражало и что, казалось, давало возможность вести себя так, как большинство людей никогда не позволяли себе в том мире конкуренции и осуждения, откуда они прибыли.

Для воплощения вселенского предвидения Ошо были созданы новые корпорации: «Раджниш Фаундейшн Интернэшнл», «Раджниш Нео-санньяс Интернэшнл» и «Раджниш Инвестмент Корпорэйшн». Пока санньясины были заняты изучением непознанного, их усилия оказались под ударом жителей Энтилоуп, местной деревни, в которой проживало едва пятьдесят человек. Когда Ошо прибыл на ранчо, они принялись писать письма правительству и в средства массовой информации, чтобы те запретили проведение этого эксперимента. Несколькими неделями раньше местный мэр начала собственную кампанию, пытаясь настроить против переселенцев достаточно консервативных местных фермеров, политиков, массмедиа, правительственные структуры и посеять среди них предубеждения и страх.

Скоро ученики оказались втянутыми в старинную вражду орегонских «консерваторов», которые были против развития и не приветствовали появление переселенцев, и тех, кто хотел видеть Орегон быстро развивающимся в экономическом отношении. Западная часть Орегона состоит из приморской равнины с плодородной почвой, которая быстро поглощается городской застройкой. Там же расположены все самые крупные города. Штат ввел строгий закон, ограничивающий расширение городов. Остальная часть Орегона состоит из слабо развитых в промышленном отношении пустынных равнин с бедной почвой. Фактически политика Орегона состояла в том, чтобы вытеснить тех, кто несет угрозу урбанизации плодородным почвам, в малонаселенную восточную зону, чтобы лучшие земли не оказались погребенными под бетоном.

Штат Орегон применяет законы об охране к обеим частям своей юрисдикции с небольшими поправками. В результате начались значительные трения между консерваторами, руководимыми группой «цепных псов», называвших себя «1000 друзей Орегона», и фермерами из восточных сельских районов. Но прибытие учеников Ошо изменило лицо конфликта. Движимые корыстными интересами, обе группы объединились

против учеников. Эти так называемые «1000 друзей Орегона» под предлогом «спасения штата от урбанизации» стали чинить Раджнишпураму многочисленные юридические препятствия с целью не дать тому развиваться, действие, которое при любых других обстоятельствах заставило бы восточных фермеров взяться за ружья, всегда лежавшие у них наготове.

«1000 друзей Орегона» заявили ученикам, что те не могут развивать Раджнишпурам, потому что всеми благами цивилизации, которые им нужны, такими как телефонные линии, жилые помещения, торговые точки, они могут пользоваться только в Энтилоупе. Однако как жители Энтилоупа не имели никакого желания видеть у себя санньясинов, так и санньясины никоим образом не интересовались Энтилоупом. Застигнутые врасплох этой дилеммой, санньясины решили, что лучше всего будет преобразовать Раджнишпурам в город. В штате Орегон такое было совершенно законным в случае, если группа американцев в 180 человек или более пожелала жить общиной.

«1000 друзей Орегона», с одной стороны, подстрекаемые фермерами, поддерживавшими консервативные элементы штата, выступили в суде против развития Раджнишпурама. В то же время политики, старавшиеся привлечь к себе внимание публики, примкнули к нападавшим и стали подливать масла в огонь. В нормальных условиях любой штат был бы только рад, что заброшенный, вытоптанный клочок земли кто-то развивал, но в этом случае все пошло по-другому.

Только такая необычная и полная энтузиазма группа людей, как ученики Ошо, могли бы возделать такой бесполезный и заброшенный участок для достижения каких-то экономических результатов, нуждавшийся в абсолютно оригинальном подходе. Невероятно, но в ходе этих гонок на выживание, длившихся почти три года и сотни часов юридических споров, город Раджнишпурам все-таки был построен. (Но окончательное решение о статусе города запрещало любое его дальнейшее расширение до тех пор, пока Верховный суд США не признал это законным и завершил это запутанное дело.)

Чтобы создать свой город, его жители работали днем и ночью, по четырнадцать часов в день в течение трех лет, возводя город своими силами. Возможно, самое известное здание города — это самая большая в мире оранжерея площадью 2,2 акра. На время ежегодных фестивалей ее превращали в зал собраний, где проходили самые радостные события этих немногих лет. Санньясины со всего света прибывали в Раджнишпурам, чтобы провести несколько драгоценных дней или недель в этом духовном оазисе. Они тоже тяжело Работали,

каждый в своей стране, и иногда присылали деньги, чтобы поддержать этот мощный прорыв в будущее человечества.

К 1985 г. город Раджнишпурам увеличился в 5000 раз. У него имелся собственный аэропорт. Его автобусный парк был третьим по размерам в штате Орегон. Для постоянных жителей были построены удобные таунхаусы, с центральным отоплением и кондиционированием воздуха. Также для предотвращения нехватки воды, свойственной этим засушливым краям, была создана гигантская запруда. Настоящим чудом водоустройства стало создание цепочки маленьких запруд вдоль русла реки, что позволяло эффективно поддерживать уровень воды за счет грунтовых вод. У города была своя система водоснабжения, сеть электропитания и канализационная система, готовилась к введению инновационная замкнутая программа очистки воды, что позволило бы очищать все стоки естественным способом и использовать их для орошения.

Изостудия повторно использовала все свои написанные маслом картины, газовая станция не давала никаких утечек в атмосферу или почву. Овощеводческая ферма, расположенная ниже по реке, снабжала общину достаточным количеством свежих овощей. Пищевые отходы перерабатывались, а находившиеся в использовании автомашины на дизельном топливе были весьма немногочисленны. Почти все жители ездили на автобусах, принадлежавших общине. Санньясинами были проложены целые мили автодорог.

Для круглогодичного снабжения населения ростками фасоли и другими внесезонными овощами энергично внедрялось тепличное хозяйство. Тщательно разработанная программа восстановления леса, включая организацию питомника саженцев, вместе с комплексом рекультивации почвы начала превращать пустыню в оазис. Задолго до того, как защита природы вошла в моду, она обрела материальную форму на далекой земле Орегона. Экологические предсказания, сделанные Ошо, и их практическое применение, воплощенные высоко мотивированным сообществом, являются выдающимся примером преданности и приверженности идее экологически безопасного развития.

Вдобавок санньясины построили все необходимое, чтобы город стал городом. Инфраструктура включала здания фермы, офисов, университетский комплекс, медицинские учреждения, склады, кинотеатр, аэровокзал, рестораны, торговый пассаж, молочную ферму, конюшни, крематорий и даже прибрежную зону отдыха. Для имевших возможность оценить такую ошеломляющую творческую активность община стала образцом того, как экологические принципы были подняты на уровень,

равного которому, возможно, не было нигде в США.

Еще более ошеломляющее впечатление, чем материальные ценности, производило социальное устройство. Там не было полицейской власти, только власть мира. Нет ни тюрьмы, ни преступности, ни бездомных, ни безработных. Медицинское обслуживание было общедоступным. Проявлялась забота об элементарных потребностях жителей. Там не было необходимости в «социальных работниках», которые есть в обычном обществе. Иными словами, каждый знал, что происходит с другими людьми, как это бывает в одной семье. Возможно, это было единственное место в США, где люди разного цвета кожи, верований и происхождения жили вместе мирно и одинокая женщина или ребенок могли безбоязненно ходить повсюду ночью. Таким необыкновенным и совершенным был город Раджнишпурам.

Но это было возможно потому, что там действовали совершенно иные принципы, отличные от всех остальных схем общественного устройства, наблюдаемого в мире. Вот почему люди Ошо смогли решить проблемы, которые не мог решить никто, даже прилагая отчаянные усилия. Неудивительно, что это положение некоторых сильно возмущало. Достижения имели в своей основе медитацию, всечасную скрытую опору на предвидения Ошо и бескорыстный труд.

Если в шестидесятые годы Ошо работал с отдельными людьми, а в семидесятые — с группами, то здесь, в Орегоне, он работал с коллективным бессознательным, с коллективными привычками и стереотипами нашей культуры. В обществе существуют препятствия, парализующие человечество и мешающие этой планете превратиться в рай. Труд Ошо был направлен на то, чтобы сделать последнее возможным.

Чудо, ставшее зримым в Раджнишпураме, кроме всего прочего было громадным в финансовом отношении предприятием. Миллионы долларов были добровольно вложены учениками Ошо в этот грандиозный гуманитарный проект XX в. Одновременно ресурсы использовались также для развития экономической базы в Портленде, штат Орегон. Там ученики купили гостиницу и преобразовали ее в процветающее коммерческое предприятие. Однако санньясинам пришлось дорого платить за успех. Это была нескончаемая борьба за выживание. Усилия в Портленде встретились с похожими препятствиями и враждебностью, что закончилось взрывом, который устроили в гостинице религиозные фундаменталисты.

Образно выражаясь, взрыв в гостинице Портленда был похож на то, когда в последний раз подставляют другую щеку.

Руководство Раджнишпурама проявило твердость и использовало свои юридические права в качестве независимого города для создания вооруженных сил, обычно именуемых полицией, но выбрала для них название «мирные силы»[63]. Несколько санньясинов после окончания Полицейской академии Орегона получили статус полицейских. Известие о вооруженных «религиозных» искателях породило различные толкования в находящемся в плену условностей традиционном американском сознании, которое оказалось в замешательстве, видя нео-санньясинов Ошо, ведущих светский образ жизни.

Но эффект был весьма показателен. Вооруженные мирные силы замечательно сработали в качестве способа сдерживания, и ни одного случая нападения после взрыва в гостинице не произошло.

Шила и тучи, нависшие над Раджнишпурамом

В одном интервью, которое Ма Ананд Шила, секретарь Ошо, дала в 1995 г. «Viha Connection», ежемесячному журналу, издаваемому Центром медитации Ошо «Viha» Милл Велли, штат Калифорния, она сказала: «До этого я никак не была связана с медитацией; и сейчас я гее имею с медитацией ничего общего». Этим недвусмысленным заявлением она четко обрисовала причину того бедствия, что было готово обрушиться на Раджнишпурам. Как руководитель проекта «Раджнишпурам», она была, разумеется, самой влиятельной, отважной и одаренной фигурой. Трагичным обстоятельством, однако, стало то, что ей пришлось взвалить себе на плечи тяжелейшую ответственность — быть секретарем Ошо, — но также сообщило ей чувство невероятной самомнения и тщеславия, недопустимых для человека, занимающегося медитацией.

Вместо того чтобы вести себя осознанно, руководя развитием невероятной творческой деятельности, оставаться преданной делу без того, чтобы извлекать из него личную пользу, она попала в худшую из возможных ловушек — ринулась ворочать делами в соответствии с собственным пониманием и в противоположность работе Ошо и его видению. Будучи не защищенной теми силами, которые даются занятиями медитацией, она утратила восприимчивость и интеллект. Возможно, ее можно было извинить за то, что, столкнувшись с по-кафкиански извращенной бюрократией, она должна была обходить нелепые законы и из-за этого стала агрессивной и склонной к авантюрам, но когда она стала игнорировать жизни и чувства людей, это оказалось уже слишком.

На собраниях общины выяснилось, как далеко она отошла от реалий жизни ашрама, реалий, которые не имели ничего общего с проявлениями ее эго и состояли в следовании указаниям мастера. Например, передавая послания Ошо ученикам, она часто говорила: «Ваш мастер сказал…», или она говорила «Он ваш мастер…». То есть она почти никогда не вела себя как одна из учениц Ошо. Она рассматривала себя как стоящую с Ошо на одной ступени. Она начала думать, что Раджнишпурам принадлежит ей, а Ошо обладает им только через нее. Она стала думать, что знает все лучше его; он, может быть, и мудрец, но она практичнее и лучше знакома с порядками, царящими в мире. И это было абсурдное предположение.

Она не смогла понять, что у Ошо нет какой-то «цели», вроде создания в пустыне некоей экологической утопии. Он жил настоящим моментом — ни в прошлом, ни в будущем.

Ошо был сосредоточен на том, чтобы любым способом помочь его людям лучше разобраться в себе. Медитация была и оставалась тем ключом, который в любой данной ситуации открывал запертые двери нашего бессознательного. Для него медитация была единственным способом превратить любую благоприятную возможность, любой вызов в процесс духовного роста. Он часто говорил о мистике Георгии Гурджиеве, который ранее в XX в. работал для того, чтобы помочь людям овладеть разными уровнями энергии, терпеливо прилагая к этому все свои силы без остатка. Ошо сравнивал этот процесс с тем, как будто некто пришел домой, совершенно обессилевший от усталости, и обнаруживает, что его дом охвачен огнем. Усталость немедленно улетучивается, и начинает работать новый уровень энергии.

Работа по четырнадцать часов в день в течение многих лет, конечно, провела его учеников через эти энергетические уровни. Таково требование к полной самоотдаче, необходимой для духовных поисков. Но это, несомненно, не имело ничего общего со строительством города в качестве цели как таковой. Для Ошо, каким бы ни был результат, важным было участие каждого. У него не было целей как таковых, планов, которым необходимо было бы следовать. Он просто проживал каждый приходивший день с самоотдачей, которую другие вряд ли могли себе представить, и помогал другим испытать то же самое.

Шила действовала под влиянием того ложного представления, что если Ошо нужен был город, то было оправдано все, что для этого делается. В борьбе за город летом 1984 г. она совершила дикую выходку, привезя бездомных со всех штатов Америки, чтобы те могли участвовать в голосовании в графстве Васко и тем самым обеспечить сохранение города. Неожиданно спокойная территория, где обитали ученики, заполнилась тысячами людей, которым пообещали бесплатно предоставить еду, одежду и кров, что было слишком хорошо, чтобы быть правдой, но стоило того, чтобы ехать через всю страну. Среди этих людей с улицы было множество бывших заключенных и даже закоренелых преступников. Санньясины делали все от них зависящее, чтобы вылечить их от алкоголизма или наркомании, окружить их любовью и нежной заботой, даже знакомили с медитацией. Но в целом этот план был весьма далек от того, что делал и видел в будущем Ошо, чего касалась его работа.

30 октября, пробыв в молчании 1315 дней, Ошо начал

говорить и снова открыл сердце перед своими учениками. Ошо начал говорить, когда необходимость этого стала несомненной. Собрания, адресованные к «немногими избранным», носили взрывной характер. С этого началась новая фаза его работы. Когда в 1981 г. он входил в молчание, то сказал, что хотел бы избавиться от тех, кто был с ним просто по интеллектуальным причинам. Сейчас он нуждается только в тех, кто мог бы быть с ним в молчании.

> «Во-первых, мое молчание не означало, что я сказал все. Я молчал для того, чтобы избавиться от тех людей, которые толклись вокруг меня ради моих слов. Мне нужны люди, которые могут быть со мной, даже когда я молчу. Я устранил всех тех людей без малейших усилий. Они просто исчезли сами.
>
> Три года было достаточно. И когда я видел всех этих людей, — а их было не так много, но они болтались здесь ради моих слов; я нуждаюсь в тех, кто живет в моем молчании. За эти три года у меня было очень много времени помолчать с моими людьми, увидеть их отвагу и любовь в том, чтобы оставаться рядом с человеком, который, возможно, никогда не заговорит снова.
>
> Когда работа закончена и случайные люди ушли, не стало и необходимости пребывать в молчании. Я вернулся, и у меня есть много что сказать — и у меня всегда будет много что сказать».

За немногие месяцы ночных бесед с группой избранных он методично разобрал на куски историю человечества. Бог, небеса, преисподняя, Иисус, фигуры, о которых он возвышенно говорил в прошлом, наряду со всеми религиями и сообществами, теперь подверглись жесткой критике. Он превозносил то, что считал нужным, но также критиковал там, где это было необходимо. Он ждал почти десятилетие, чтобы сделать это.

В своих беседах Ошо был особенно суров с христианством как с религией — разбивая его кусок за куском, миф за мифом, противоречие за противоречием. Он мало заботился о том, как бы не возбудить ненависть, пылавшую во влиятельных христианских фундаменталистах Орегона или где-либо еще, которые уже рассматривали этот город как вызов всему, на чем зиждилась их мораль.

В конце концов все свелось к следующему: какой-то чужак, не белый, нехристианский мистик из страны третьего мира, носящий странные одежды и нелепого вида шапку, раскатывающий в

чудном иностранном автомобиле вокруг города, названного его именем на санскрите, вдохновляющий общину, где нет ни частной собственности, ни преступности, ни насилия, ни социального обеспечения, где люди работают за любовь, а не за деньги, где все вегетарианцы, где все носят красные одежды, где люди танцуют на улицах просто из чистой радости, куда приезжали самые известные люди, не только из США, но и из других частей света — делает что хочет в самом сердце истинно христианского, ковбойского штата.

Кроме религиозных фундаменталистов, была еще одна часть общества, которую Ошо чрезвычайно беспокоил своим кристально чистыми озарениями — политики, особенно американские. То, что он когда-то сделал с индийскими политиками, сейчас он творил с американскими. Он очень высоко оценивал американскую Конституцию, но это только добавляло веса тому, как он выставлял напоказ попрание ее политиками. Вера, надежда, свобода, милосердие — все иконы американской мечты были разбиты в пух и прах. Он четко и подробно разоблачал каждую ложь до тех пор, пока его слушатели могли только кивать головами, понимая, как одурачили их религия и общество. Он проводил пресс-конференции, отвечал на вопросы органов мировых массмедиа и продолжал мощно атаковать религиозные, политические и общественные институты, ниспровергая их ценности.

Он выставил напоказ лицемерие великой американской мечты, с ее хваленым понятием свободы каждого, конституционно закрепленной свободой самовыражения, собраний и вероисповедания. Для американских учеников и друзей Ошо это стало величайшим шоком. Они, благодаря сверхъестественным прозрениям и разоблачениям Ошо, ясно увидели, до какой степени народ Америки одурачен собственным правительством.

Само его присутствие было мощным вызовом системе, не просто потому, что он предлагал реальную альтернативу отжившему, но и потому, что он четко показывал, как это было очевидно в Раджнишпураме, что мечта о «жизни, свободе и стремлении к счастью» может быть воплощена в действительность. Пока вся остальная цивилизованная часть США постоянно сталкивалась с насилием и отчужденностью, здесь молодые американцы заботились друг о друге и жили своей мечтой. Во всем этом было нечто, что угрожало знаменосцам общества и чему было не позволено продолжаться.

Над городом собирались грозовые облака. Федеральное правительство решило, что этот эксперимент должен быть

возможно скорее прекращен. Около семнадцати правительственных агентств было проинструктировано собрать информацию об Ошо и санньясинах, все, что могло свидетельствовать об их виновности и могло послужить предлогом для их высылки из США. Общественное мнение с помощью расхожего клише «религиозного культа» уже было должным образом подготовлено, и, таким образом, агентства знали, что найдут поддержку всему, что сочтут нужным сделать.

Тогда у власти находилась администрация Рейгана. Она была решительно настроена сделать все возможное, лишь бы разрушить город и вышвырнуть Ошо из США. Министр юстиции США Эдвин Миз позднее дал понять, что никогда впредь не хочет слышать имени Ошо. По иронии судьбы та же администрация позже нашла основание обвинить своих сотрудников в самых разных преступлениях. Сам Эдвин Миз оставил свой пост по причине подозрений в ряде правонарушений. В то время когда правительство строило планы разрушения Раджнишпурама, оно само было втянуто во многочисленные нарушения собственной Конституции. Ни один американец не мог даже вообразить, насколько глубоко проникла коррупция в его собственное правительство.

Враждебность и нападки на Раджнишпурам были просто симптомом глубоко скрытой эпидемии злоупотреблений властью. По мере того как росли давление со стороны правительства, враждебность со стороны прессы, становились еще сильнее алчные интересы Орегона, Шила и ее доверенные лица все более отчаивались и предпринимали все более экстремальные меры, чтобы удержаться у власти. В конце концов она и ее терявшая контроль над ситуацией группа осознали, что их власть, их правление и все течение дел зашли слишком далеко и они будут вот-вот арестованы по распоряжению правительства.

Неожиданно, без предупреждения, в сентябре 1985 г. Шила с небольшой группой помощников уехали. В течение нескольких часов от пары людей, близких к ее группе, стали распространяться известия об их делах. Эти откровения больно ударили по жителям Раджнишпурама. Каждый на своем личном уровне осознавал мощь тех сил, которые пытались разрушить город, но то, что секретарь Ошо и ее группа были до такой степени к нему равнодушны, породило у них невероятную внутреннюю переоценку ценностей.

На всем своем протяжении работа Ошо была направлена на способы, а не на цели. Возможно, в чем-то этот путь был извилистым, и это крошечное сообщество вообразило, что его труд направлен на создание «города в пустыне», и, таким

образом, полагало, что любые средства для этого оправданы.

В этом их рвении и при недостатке медитативной осознанности им не удалось разглядеть то, что строительство города было для санньясинов Ошо просто хорошим способом действовать энергично, как единое целое, на духовном подъеме, и явилось для них по сути экспериментом для понимания коллективного бессознательного. Очевидно, эти основные цели были ими не поняты. Возведение города являлось просто побочным продуктом, а не основным событием. Недаром же Ошо все время описывал работу, производившуюся вокруг него, как обучение в школе мистики, где настоящее никогда не лежит на поверхности. Настоящая работа всегда невидима и всегда изначально направлена на перерождение.

Эти из ряда вон выходящие события втянули санньясинов в неслыханный круговорот событий. Санньясины ничего не знали о серьезных преступлениях. Однако они терпеливо сносили грубое, высокомерное и пренебрежительное обращение и позволяли Шиле и ее людям такое по отношению к себе, поскольку те обладали властью. Это был урок, который немногие когда-либо забудут или вряд ли будут благодарны за то, что их так проучили.

Ошо воспринял такое положение дел спокойно и также указал им, что окружающий мир полон деспотических злоупотреблений властью, и обычный способ борьбы с этим всегда получает отпор, что естественным образом ведет к еще большему действию и противодействию. Положение дел в мире ярко свидетельствует о порочности этого процесса. Здесь, в маленьком Раджнишпураме, они смогли непосредственно увидеть, что успех безжалостной, тоталитарной системы всегда базируется на страхе. И что способ борьбы с ней заключается в способности личности осознавать собственную свободу и ответственность за то, чтобы самому справляться с собственным страхом через понимание, а не через протест. Работа Ошо как бы держала зеркало перед окружавшими его людьми. В этом случае зеркалом оказался страх в коллективном бессознательном.

В обстановке все возраставшей конфронтации Ошо оставался в высшей степени самим собой, ни на единый момент не теряя спокойствия. Он вел свой обычный, уединенный образ жизни — питался простой пищей, слушал музыку, плавал в закрытом бассейне, днем катался на машине, общался со своим секретарем и проводил беседы. К этому времени благодаря сухому климату пустыни его здоровье значительно укрепилось. Проблемы со спиной стабилизировались, астма и диабет тоже находились под контролем.

Исполненный физической энергии, Ошо начал более активно

и регулярно общаться с прессой, представители которой приезжали со всех концов света, чтобы поговорить с человеком, находившимся в самом центре бури. Когда бы он ни давал пресс-конференцию, огромный зал Раджниш Мандир наполнялся светом фотовспышек, там было полно людей с кино- и фотокамерами, не говоря уже о танцующих санньясинах. В тишине, в которой было бы слышно как муха пролетит, Ошо обычно едко комментировал то, что слышал до этого. Он пригласил полицию прийти и расследовать все те нелепости, что говорились об общине, и предъявить обвинения тем, кого сочтут виновным. Коль скоро полицейских пригласил в город сам Ошо, призвавший санньясинов всецело с ними сотрудничать, у них было все, в чем они нуждались.

Власти все-таки прибыли в город, но вели себя очень странным образом. Было совершенно очевидно, что они заинтересованы не в расследовании предполагаемых преступлений, но в том, чтобы найти способы разрушить город, общину санньясинов Ошо и его друзей. Ясно, что они хотели изгнать отсюда Ошо, пусть под самым ничтожным предлогом. Самым главным пунктом программы, предложенной министром юстиции США, было их изгнание. И высылка Ошо была их основной целью.

Раджнишпурам был по своей сущности энергетическим явлением, где все было видимо, но все же неосязаемо. Там на физическом, структурном, эмоциональном и энергетическом уровнях происходили существенные изменения. При полном отсутствии постоянства ни в чем нельзя было быть уверенным. Тут учились жить здесь и сейчас. Какой это был дар!

При всех несчастьях, провокациях и давлении дух Раджнишпурама оставался жизнеспособным. Никто не мог победить этот дух. Самым трудным в понимании феномена Раджнишпурама было то, что, в сущности, это был эксперимент, а не окончательное решение. Это был эксперимент по проникновению в неведомое. В его ходе не было неправильностей, все получилось так, как должно было получиться в динамичной, живой и человечной обстановке.

Для Ошо Раджнишпурам было лила — проявлением энергии в форме игры. У лила нет конечной цели или завершения. Она значима для данного момента — пока идет игра. Такую динамичную, бессмысленную игру очень трудно оценить тому, кто вынужден рассматривать ее серьезно или через призму собственного эго. В обоих случаях для такого человека дело закончится тем, что он начнет порицать этот феномен или попытается напрямую разрушить его.

Раджнишпурам был в самом прямом смысле мощным выражением творческого подхода к жизни. Из моего опыта жизни в Раджнишпураме я понял, что творчество остается источником радости только до тех пор, пока мы не идентифицируем самих себя с тем, что создаем. Когда мы перестаем отождествлять самих себя с деятельностью, способ превращается в цель, каждый шаг и усилие дают нам возможность духовного роста и, как указывает Ошо, жить в «гармонии с бытием».

Но до того, как эти трудности были преодолены, произошло еще одно знаменательное событие. В начале 1984 г. Ошо обратился с посланием ко всему миру по поводу только что обнаруженного заболевания — СПИДа, предупреждая, что оно может принять характер всемирной эпидемии. Это было потрясающее заявление, которое обескуражило даже учеников Ошо.

> «Это величайшая ответственность, с которой когда-либо сталкивался человек. Но помните — чем выше ответственность, тем сильнее вызов и тем больше возможностей подняться на высшую точку интеллекта, внутренних сил, творческих способностей и талантов… Я постоянно делаю упор на эти две вещи — СПИД и ядерное оружие — по той простой причине, что эти моменты, возможно, заставят вас проснуться. Возможно, вы захотите узнать что-то еще, кроме того, что существуют жизнь и смерть как таковые. Это — мир, в котором царит спокойствие. И он принадлежит вам, и вы должны просто предъявить свои права на него».

Ошо дал несколько моральных, но весьма практичных принципов безопасного секса, выступив в защиту способов защищенного секса. Пресса высмеяла тот факт, что в пятизвездочном отеле Раджнишпурама в каждом номере были припасены презервативы. Если бы советы Ошо были приняты к сведению, разумеется, число жизней, которые можно было бы спасти, было бы неисчислимо больше.

Прошли годы, прежде чем мудрость провидения Ошо была понята. Он заслуживает уважения за то, что стал первым, кто предупреждал человечество о страшных последствиях безответственного и аморального отношения к сексу. Оказалось, что совет Ошо чрезвычайно эффективен. На сегодняшний день среди учеников, последовавших его указаниям, нет инфицированных. Это является доказательством провидений Ошо при том, что каждые несколько секунд в мире отмечается новый случай заражения. Уже одного этого эксперимента в отношении

СПИДа, проведенного в Раджнишпураме, достаточно, чтобы каждый разумный человек на нашей планете сказал ему спасибо.

Пародия на правосудие и демократию

В 1985 г. власти США готовили вооруженное нападение на Раджнишпурам для того, чтобы арестовать Ошо «за нарушение иммиграционного законодательства». Нечто похожее произошло в Васко, в Техасе, куда были стянуты силы национальной гвардии и стояли наготове в ближайшем городе. Ошо разоблачил все тайные планы, разрабатывавшиеся в большом секрете:

> «Перед последними выборами в Америке губернатор Орегона провел секретное совещание с высокопоставленными чиновниками своего правительства. Генеральный прокурор, Норма Паулюс (республиканский политик от штата Орегон), и все, кто хоть что-то значил в правительстве, присутствовали там. Журналистов на совещание не допустили… И вы до сих пор называете это демократической страной?
>
> Они решали, что делать с моими людьми, но они не позволили кому-то из моих людей присутствовать там. И губернатор вышел к прессе и дал пресс-конференцию, на которой не сказал ни слова правды. То, что происходило на совещании, и то, что говорилось потом — это взаимоисключающие вещи. На пресс-конференции он сказал: „Все в норме. Нет никакой необходимости опасаться, все под контролем. Мы пытаемся успокоить жителей Раджнишпурама“.
>
> Не знаю, как он пытался нас успокоить. Он никогда здесь не бывал, он никогда не прислал нам ни единого сообщения, но он нас успокаивал. Он думает, что он волшебник? И он сказал, что пытался удержать настроенных против нас людей от еще большего нагнетания напряженности.
>
> Там, на совещании, все было по-другому. Сейчас обнаружен секретный протокол этого совещания — хотя губернатор думал, что он сожжен. Но в этом мире иногда происходят невероятные вещи. Теперь мы знаем, что происходило на том совещании за закрытыми дверьми; там шла речь не о том, чтобы кого-то успокоить, никого и не собирались умиротворять. Напротив, они решали, сколько времени потребуется, чтобы ввести в Раджнишпурам армию и разрушить его до основания. Они решили поднять армию по тревоге, чтобы она в любой момент в течение трех часов могла бы

уничтожить моих людей».

С того времени, когда в 1983 г. была совершена попытка взорвать отель «Раджниш» в Портленде, Раджнишпурам имел свою собственную вооруженную охрану. В Орегоне оружие имелось в каждом пикапе, так что все, естественно, были наготове.

Неожиданно при виде того, как враждебность по отношению к городу и его жителям возрастала и угроза насильственного вторжения стала казаться неминуемой, Ошо одним махом разрядил ситуацию, решив уехать. Он понял, что дело не в том, законно ли существование города или все происходит из-за нескольких заблуждавшихся личностей, им управлявших, но дело в нем самом. Так, невзирая на сожаления и глубокое беспокойство за жизни и безопасность санньясинов, проживавших в городе, Ошо покинул Раджнишпурам.

Увы, это не стало окончанием истории. 29 октября 1985 г. Ошо и люди, которые его обслуживали, были арестованы сразу по прибытии в г. Шарлотт, штат Северная Каролина, куда они прилетели на время. Группа вооруженных до зубов представителей правительства США выскочила из темноты, окружила чартерный самолет, в котором путешествовал Ошо, и заковала в наручники его, его камердинера, повара и врача, надев им цепи на запястья, на пояс и на ноги. Все были арестованы без каких бы то ни было ордеров и доставлены в тюрьму, где их продержали три дня в анекдотической обстановке, когда никто, казалось, не знал, почему эти люди задержаны, не говоря уже о том, за что их нужно здесь держать. В одной беседе Ошо описал это суровое испытание:

> «При аресте в Америке меня заковали в наручники, вокруг пояса закрутили тяжелую цепь, а также сковали ноги. Я даже, не мог идти. И они боялись тех людей, которые были повсюду на улице, и того, что я смогу поднять руку, поэтому они соединили цепью наручники и ту цепь, что была у меня на поясе так, что я не мог пошевелить руками. И они как сумасшедшие рванули в своей машине с места, а все потому, что вокруг были люди, они махали мне руками и показывали знак победы. Потом я понял, отчего они так спешили. Там повсюду были фотографы, везде были репортеры, и если бы они видели, что народ приветствует меня, а они арестовали меня без ордера, это выглядело бы так, будто все разговоры о демократии — просто бессмыслица».

Все, кроме Ошо, были выпущены под залог. По слухам, судья ничего не могла предпринять, но все же держала Ошо в заточении. Рассказывают, что та судья ожидала повышения, и правительство дало ясно понять ей, что от нее требуется. Выбирать пришлось между карьерой и Ошо. Нетрудно догадаться, что она выбрала.

Следующие двенадцать дней были самыми странными в жизни Ошо. Этого миролюбивого, деликатного мистика таскали по стране из одной тюрьмы в другую, включая шестичасовой перелет в Портленд. Ошо рассказывает, как бесчеловечно с ним обращались:

> «В течение двенадцати дней мой поверенный бегал от одной тюрьмы к другой — потому что они каждый день переводили меня на новое место в поисках способа как-нибудь незаметно меня убить.
>
> Они поместили меня в камеру с человеком, который вот-вот должен был умереть от герпеса и СПИДа. Камера предназначалась для двоих, но полгода к нему никого не помещали, потому что врач приказал держать его в изоляции. Они и посадили меня в эту камеру. И при этом присутствовали врач, и тюремщик, и государственный маршал, а человек, который вот-вот должен был испустить дух, сказал мне: „Бхагван, вы не знаете меня, но я видел вас по телевизору, и я полюбил вас. Не подходите ко мне близко. Просто находитесь у двери, потому что я страдаю герпесом и СПИДом, и я умираю. И они поместили вас сюда намеренно, потому что шесть месяцев они никого сюда не сажали. В этой камере все заражено. Оставайтесь у двери и стучите в дверь, потому что приходится стучать часами, прежде чем кто-нибудь случайно придет“.
>
> Прошел почти час, прежде чем пришел тюремщик. Я спросил у него: „В течение шести месяцев в эту камеру не помещали второго человека. Вы прекрасно знаете, что этот человек умирает… зачем вы меня сюда посадили?“
>
> Меня немедленно перевели в другую камеру. Им нечего было ответить. Я спросил у врача: „Вы ведь, должно быть, давали клятву Гиппократа спасать человеческие жизни. Вы присутствовали там, вы препятствовали тому, чтобы даже убийцы попадали в эту камеру, а вы ничего не сказали“.
>
> „Я ничего не могу поделать, — ответил он. — Приказы об использовании таких косвенных способов

поступают с самого верха, чтобы, если человек умирает, мы бы за это не отвечали“».

На одном из этапов, в Оклахоме, Ошо заставили находиться в тюрьме под фальшивым именем Дэвида Вашингтона, чтобы его адвокат не узнал, где он находится.

Наконец Ошо доставили в Портленд, штат Орегон, и выпустили под залог. Помимо прочего, его обвинили в «оформлении фиктивных браков». Это была почти самая анекдотичная ситуация в истории Раджнишпурама. Ошо десятилетиями повторял, что все браки в какой-то мере — фикция! Но, что самое главное, в течение именно этого периода он ни с кем не разговаривал. Он оставался в своей комнате в молчании, виделся только со своим секретарем, камердинером и врачом, и только если это было необходимо. За подобное лживое обвинение — двенадцать дней в тюрьме и разрушенный город! План действий генерального прокурора США был краток и ясен: избавиться от Ошо и таким образом разрушить общину.

Крайнее неуважение к правосудию и правам человека было продемонстрировано тем, как обращались с Ошо. Все бесчеловечные поступки были четко задокументированы в заявлении в суд, поданном личным поверенным Ошо Филиппом Дж. Толкесом. Вот несколько отрывков из этого юридического документа от 7 мая 1985 г.:

> «Ошо никогда не обвиняли в каких-либо насильственных действиях. Целью правительства США было выслать его из Соединенных Штатов… Слабость обвинений, в конце концов выдвинутых против Ошо, — это неоспоримое свидетельство неспособности правительства доказать реальную преступную деятельность Ошо. Почти сразу после того, как в июне 1981 г. Ошо прибыл в США, и до того, как могли бы быть предприняты шаги по получению разрешения остаться в США, правительство начало бесконечное расследование с нескрываемым намерением выдворить Ошо из Соединенных Штатов. Это расследование продолжалось пять лет и проходило с участием Федерального бюро расследований (ФБР), Службы иммиграции и натурализации, Таможенной службы, Госдепартамента, Департамента юстиции (Вашингтон, дистрикт Колумбия), генерального прокурора штата Орегон и других агентств.
>
> Чиновники штата Орегон и графства Васко и Джефферсон, а также простые граждане прилагали все

усилия, чтобы найти предлог избавиться от „людей в красном“. К 1983 г. управляющие органы всех уровней принимали участие в специальной комиссии, занимавшейся проблемой общины Раджнишпурама. Простые граждане были готовы скорее разрушить свой собственный город, чем сотрудничать с людьми Ошо и предоставить им минимальные услуги. Местные чиновники пренебрегали своими непосредственными служебными обязанностями, чтобы выдумывать запреты на строительство в попытках отказать людям Ошо в их праве строить на земле, которую недавно сами им и продали.

„1000 друзей Орегона“ и агентства штата привели множество положений об использовании земли, чтобы не дать людям Ошо жить там вместе и восстанавливать — как это было давно и происходит сейчас — пустынную, заброшенную землю, оставшуюся вне поля зрения и внимания соседей… Губернатор Виктор Этье подчеркнуто демонстрировал решительное неприятие правительством штата этого религиозного меньшинства, сказав, что если они не нравятся соседям, то должны убираться. Все это представляет собой очаровательный пример того, как чиновники штата представляют себе свои обязанности по защите гражданских прав населения. Как бы эти же самые утверждения и действия выглядели, если касались чернокожих или евреев или предков самого мистера Этье?

Чарльз Тернер, следующий генеральный прокурор штата Орегон и человек, надзирающий за преследованиями по обвинению, после ареста Ошо без ордера провел пресс-конференцию. На этой пресс-конференции мистер Тернер… утверждал… что целью преследования Ошо была его высылка из Соединенных Штатов и признал, что юридический процесс служил политическим интересам… Целью было не наказание, но разрушение общины и депортация Ошо. Цель достигнута, наказание не обязательно.

Единственным доводом в пользу обвинения Ошо в преступных деяниях было то, что он намеревался остаться в США на постоянное жительство. На самом деле многое свидетельствует о том, что у Ошо не было намерения остаться (в Соединенных Штатах), он просто гостил здесь по медицинским показаниям и готовился к отъезду. Ошо надеялся, что его ученики уладят это, как и

> другие технические вопросы. По действующим сейчас законам возможность остаться вкупе с готовностью действовать законно не является даже техническим нарушением».

Эти внетехнические уголовные обвинения, которые никогда не применялись в США, были применены против Ошо. Обычно они выдвигались в административных процессах. Причина того, что они превратились в уголовные, была в том, что в ходе уголовного процесса правительство имело право применять по отношению к Ошо силу без заведения дела. Служба иммиграции и натурализации в самом Начале административного процесса попыталась отрицать, что Ошо является действующим религиозным лидером и имеет право на получение запрошенной визы, утверждая, что учение Ошо является «антитезой религии». Эта позиция была недопустимой с точки зрения Конституции как содержащая определение на базе религиозной доктрины, но этого было достаточно для демонстрации религиозной враждебности тех, кто принимал решение. Поскольку это решение противоречило закону и игнорировало тот факт, что Ошо был всемирно признанным религиозным учителем, властям пришлось круто изменить свою политику, признав, что он является религиозным лидером и имеет право на визу.

Однако иммиграционные власти продолжали отказывать Ошо в предоставлении вида на жительство, потому что они находились под неослабевающим давлением влиятельных политиков из Вашингтона, которые требовали найти способ выдворить Ошо из США. Постольку иммиграционная служба не могла найти основания для отказа, после трехлетнего всеобъемлющего расследования они в конце концов вернули дело в офис генерального прокурора США в надежде, что там сделают это лучше. Из-за обстановки всеобщей политической травли и указаний, поступавших с самого высокого уровня, включая Белый дом, хоть как-нибудь отделаться от этого человека, Департамент юстиции США предъявил Ошо обвинение, основанное на измышлениях касательно его умонастроений.

Спустя долгое время после того, как было составлено обвинительное заключение, генеральный прокурор США отказался даже сообщить адвокатам Ошо, что такое обвинение существует, и уж тем более обсуждать его с ними, чтобы потом в суде не дать рассмотреть должным образом. Вместо этого в то же самое время, когда генеральный прокурор США отказывался признавать существование обвинительного заключения, они арестовали Ошо как бежавшего от обвинения, существование

которого отказывались признавать. После того как в течение пяти лет Ошо препятствовали получить вид на жительство в США, его арестовали, когда он собирался покинуть страну! Правительство США нарушило закон для достижения чисто политических целей.

Когда Ошо наконец освободили, выяснилось, что то помещение, где он сидел, ожидая освобождения, намеревались взорвать. Посыл был предельно ясен, но позднее был в завуалированной форме доведен до сведения адвокатов Ошо: было бы лучше для его собственной безопасности признать себя виновным и покинуть страну, «а иначе…».

Его ученики оказались в тупике. Они, как хотел Ошо, могли бы помочь ему бороться и доказать его невиновность, но им дали ясно понять, что тогда вряд ли им повезет увидеть его живым, в особенности если ему удастся доказать свою невиновность. Более того, они были глубоко обеспокоены его здоровьем, сильно подорванным во всех этих грязных политических играх. Очевидно, дальше рисковать судьбой Ошо было нельзя.

> «Правительственные адвокаты весьма ясно дали понять кое-что моим поверенным — так, что тем пришлось явиться ко мне и сказать: „Мы никогда не сталкивались с подобными вещами. Это абсолютно ненормально, абсолютно незаконно и преступно. Сейчас они хотят, чтобы вы признались в двух любых преступлениях, совсем ничтожных преступлениях, но признать, что вы виновны, так, чтобы они могли сохранить лицо Америки, американской демократии и американской юстиции. А как только вы признаетесь в двух преступлениях, судебного процесса не будет и вас освободят“.
>
> Я был очень упрям. Я сказал моему поверенному, что будет лучше бороться и выиграть дело, потому что у них нет ни единой улики и они не смогут предъявить ни единого доказательства. Но адвокат сказал: „Дело пахнет шантажом. Они запугивают нас тем, что отзовут залог и отправят вас в тюрьму. Они могут постоянно откладывать дело в течение десяти лет, и все эти десять или пятнадцать лет они смогут изводить вас, мучить. И мы боимся, что они могут лишить вас жизни, потому что они дали ясно понять, что правительство не готово терпеть поражение от одного-единственного человека“.
>
> …И что было дальше? Как только я признался в двух преступлениях, судья немедленно приговорил меня к штрафу в 400 000 долларов, что почти 60 000 000

рупий — за два преступления, которых я никогда не совершал, признания в которых они выудили у меня путем шантажа, запугивая моих адвокатов тем, что моя жизнь в опасности и что это надо сделать, „чтобы спасти мою жизнь!“ Но они никогда не упоминали, что если я возьму на себя преступления, то за это на меня возложат штраф в 60 000 000 рупий. Они этого не упоминали. Это был второй обман.

По пути в аэропорт я получил сообщение, что под моим сиденьем находится бомба. Они решили, что если я не возьму на себя вину и захочу продолжать судиться, то лучше просто взорвут бомбу и покончат со всем этим разом, потому что если нет человека, то нет и никакой проблемы с судебным процессом».

В середине ноября адвокаты Ошо согласились на сделку, предложенную правительственными поверенными, согласно которой Ошо считался невиновным по обвинениям согласно «Alford Plea»[64], но был приговорен по двум из них. Его оштрафовали на 400 000 долларов, приказали покинуть США и не возвращаться в течение пяти лет. Он должен был выехать из страны немедленно после судебного слушания. По словам Ошо, правительство планировало также, что это станет концом существования Раджнишпурама.

Так или иначе правительство США было решительно настроено на то, чтобы любым способом депортировать Ошо. Генеральный прокурор США Эдвин Миз не оставил ни малейших сомнений в своей точке зрения, когда приказал выдворить Ошо «назад в Индию, чтобы ни слуху ни духу его больше здесь не было». Тем не менее, что касается законности и соблюдения прав человека, множество вопросов осталось без ответа. Городской поверенный Раджнишпурама, доктор юриспруденции Санджит Дючейн, поднял следующие вопросы:

«Почему генеральный прокурор США не счел нужным проинформировать адвокатов Ошо о выдвинутых обвинениях? Почему им не давали с ним видеться для того, чтобы сообщить о возможных обвинениях и посоветовать ему вернуться в Орегон, чтобы таким образом избежать ареста? Почему Ошо отказались выпустить под залог в Северной Каролине, а потом немедленно освободили, когда он прибыл в Орегон? Почему правительству потребовалось двенадцать дней, чтобы отвезти Ошо на расстояние шестичасового перелета? Почему правительство

внезапно потеряло дальнейший интерес к преследованию Ошо, как только он достиг Орегона, при том, что в Северной Каролине его объявили опасным человеком?

…С течением времени тело Ошо постепенно слабело, его здоровье необъяснимым образом ухудшалось, выяснилась чудовищная правда. Неожиданно стало ясно, почему правительству было достаточно продержать Ошо в заключении двенадцать дней… Ошо заявил, что был отравлен правительством Соединенных Штатов за время того двенадцатидневного заключения… Это был план правительства — заставить Ошо вернуться назад в Индию, держать его подальше от прессы в течение нескольких лет и дать ему умереть медленной, тихой смертью, так, чтобы их было сложно уличить».

После вынесения приговора Ошо в федеральном суде один из его адвокатов, Роберт Мак Грэй, сказал: «Они снова это сделали. Они снова распяли Христа».

Трудности на родине

Ошо поднялся по трапу арендованного специально для него реактивного самолета, медленно, под шум работавших в ночной темноте двигателей. Его ученики стояли поодаль, и слезы катились по их щекам. Им было трудно поверить, что самое невероятное приключение их жизни заканчивается — так неожиданно, так грубо, так болезненно. Их сердца сжимались при мысли, что они не смогли сделать ничего, чтобы их дорогой гость пробыл с ними еще немного. Он повернулся, его борода развевалась на ветру; он широко улыбнулся, одновременно на прощание помахав рукой своим друзьям, ученикам и почитателям.

Летя через Ирландию и Кипр, Ошо 17 ноября 1985 г. наконец прибыл в Дели. Эти две крайние точки путешествия не могли бы быть более непохожими друг на друга: из темной, холодной портлендской ночи с плачущими учениками — в солнечный Дели, с целым морем санньясинов, одетых в оранжевое, которые заполнили аэропорт в восторге от того, что они снова видят своего любимого мастера.

Там, в США, известный автор Том Роббинс был единственным представителем интеллигенции, кто публично поддерживал Ошо. Согласно Роббинсу:

> «…Ошо — великий человек, и его травля выставила лжецами и лицемерами любого, кто провозглашал, что в Соединенных Штатах существует религиозная свобода. Он, несомненно, очень влиятелен, иначе не представлял бы такой угрозы. Он говорит о вещах, о которых не отваживается говорить кто-то еще… это человек, у которого имеется целый набор идей — они не только зажигательны, но и обладают свойством вызывать ответный отклик истины, что до смерти пугает уродов, стоящих у власти… Если б распятие все еще было в ходу, его бы точно приколотили к кресту. Но коль скоро мы — цивилизованная страна, вместо этого мы отправили его в ссылку.
>
> Уверен, что с гораздо большим удовольствием его бы распяли на лужайке у Белого дома».

Несмотря на бесчеловечное обращение в США, Ошо по-прежнему был признателен земле и народу Америки. Его следующие слова в ответ на один вопрос подтверждают этот факт:

«Я все же буду говорить „Браво, Америка!“ по той простой причине, что это не Америка обошлась со мной плохо. Маленькая группка бюрократов, жестоко обращавшаяся со мной — это еще не вся Америка… Америка не успела меня хорошо узнать. Это благодаря поведению и жестокости американского правительства я стал известен каждому американцу. И куда бы я ни попадал за эти двенадцать дней — а я проехал чуть ли не через всю Америку — незнакомые люди приветствовали меня с любовью и уважением.

Все могли видеть, что американское правительство вело себя как фашисты; все могли видеть, что это было преследование по религиозным мотивам, что там не было ни следа демократии. Даже среди бюрократов, с которыми мне приходилось иметь дело — с тюремщиками, врачами, медсестрами, с другим обслуживающим персоналом, там не было ни единого исключения… Меня преследовали христианские фанатики и бюрократия, потому что правительство по некоторым причинам боялось, и церковь по некоторым причинам боялась… Но со стороны американского народа я встречал большую любовь».

В Индии была совсем другая история. Доброжелатели, друзья и любящие Ошо люди со всех концов Индии, включая членов парламента и представителей интеллигенции, слали ему приветствия по случаю возвращения и слова поддержки. После прибытия Ошо дал пресс-конференцию и описал все злоупотребления, совершенные против него, когда он находился в руках предубежденного и коррумпированного правительства США. На следующий день он выехал в Кулу-Мандали в Гималаях. Небольшая группа учеников, путешествовавшая с ним, сняла для него дом с удобствами, чтобы можно было за ним должным образом ухаживать.

Ошо приспособился к новой обстановке так, словно он жил здесь всю свою жизнь. По его спокойной манере вести себя можно было подумать, что ничто не способно вывести его из равновесия. Он просто плыл по течению жизни, у него не было заинтересованности в том, что будет в итоге. Он был воплощением того, о чем сам говорил в течение десятилетий — он был простым наблюдателем. В нем не чувствовалось ни следа обиды. «То что есть, то есть, чего нет, того нет» — гласит название одной из его 650 книг. Было просто невозможно осмыслить, что этот человек только что наблюдал крушение

одного из самых значительных экспериментов всех времен, основанном на его провИдениях, даже без единого признака огорчения.

В течение этого времени Ошо обращался к своим ученикам, разбросанным по всем уголкам мира, по поводу того, что произошло в Раджнишпураме, называя это испытанием на огнестойкость:

> «Мне кажется: хорошо, что они разрушили общину. Это помогло моим людям разойтись по всему миру. И где бы ни был мой санньясин, он будет создавать правильную атмосферу… Я не заинтересован в создании большой коммуны, потому что большую коммуну опять разрушат волей какого-нибудь правительства. Не имеет значения, американское это правительство или индийское… Когда у вас есть власть, пусть это даже власть любви, мира или молчания, люди, обладающие властью в Дели, начнут причинять неприятности. Я не хочу повторения этой истории. Только идиоты наступают на те же грабли».

И, таким образом, ученики были снова и — как никогда раньше — предоставлены сами себе. Такой провал стал причиной множества лишений. Те же, кто оставался с Ошо, были его настоящими людьми.

Тем временем он продолжал вести свой обычный уединенный образ жизни, есть простую еду, сидеть в своем кресле, общаться со своим секретарем и вести беседы. Его здоровье сильно пострадало от пребывания в американской тюрьме. После освобождения из заключения он страдал от ужасного расстройства пищеварения, болей и тошноты. Дни шли, но казалось, что ему совершенно не становится лучше. Предполагалось, что это было результатом острой индивидуальной непереносимости жутких условий заключения в тюрьме.

У Ошо стало слабнуть зрение, походка стала менее твердой, и, что странно, у него продолжали выпадать волосы. Помимо всего остального состояние его организма свидетельствовало еще кое о чем. В то время как физические недомогания были налицо, недоставало каких-то обычных «психологических» составляющих, которых обычно испытывают люди. Коль скоро он был вне психологии, было очень трудно оценить, какую боль и дискомфорт он испытывает. Внешних признаков было немного. Физические признаки, однако, были очень понятны. Кулу-Манали было не то место, где можно было получить компетентное

медицинское обследование, однако Ошо полагал, что боли и дискомфорт пройдут, и беспокоиться не о чем. Но плохие предчувствия о здоровье Ошо продолжали только расти. Его врач и камердинер наблюдали за ним со все возраставшей тревогой.

Почти каждый день его посещали представители средств массовой информации, как национальных, так и международных. В другие дни он беседовал со своими учениками и отвечал на их вопросы. Были также планы купить курортную гостиницу в качестве места, где Ошо мог бы продолжать свою работу.

Но их ожидала еще одна неудача. В декабре 1985 г. правительство Индии дало ясно понять, что зарубежным ученикам Ошо не разрешат посещать его в Гималаях. Это было начало всемирной охоты за ведьмами, огромный масштаб которой смогут по-настоящему оценить только последующие поколения. Тем временем ученики Ошо пригласили его посетить Непал. Он принял приглашение. В Катманду он остановился в отеле «Соултри Оберой», и вскоре к его утренней прогулке собралась огромная толпа, так же, как к его вечерней беседе. Ошо понравился Непал, он почувствовал, что неплохо было бы здесь остаться. Были налажены отношения с королем Непала, а друзей попросили подыскать подходящее место.

Хотя состояние здоровья Ошо оставалось неважным, по крайней мере, казалось, оно перестало ухудшаться. Ему как-то удавалось поддерживать вес тела, но он потерял много волос. Несмотря на это, он вел свой обычный образ жизни: ел свою простую еду, немного спал после обеда, сидел в своем кресле, общался со своим секретарем и по вечерам проводил беседы.

Потом было отказано в непальской визе первому зарубежному санньясину. Информация была получена через неофициальные политические каналы с указанием на то, что неизбежно повторение недавних событий в Индии. Не важно, насколько сильно непальцы хотели видеть у себя Ошо, в целом дело обстояло так, что Индия потребовала у Непала четко определиться по отношению к Ошо. До секретаря Ошо дошли приводящие в замешательство слухи о его возможном аресте. За дымовой завесой разглагольствований о свободе, демократии, правах человека и тому подобного истина была проста: кто силен, тот и прав. Вот что говорит Ошо по этому поводу:

> «Я покинул страну (Индию) и уехал в Непал, потому что это была единственная страна, куда я мог поехать без визы; в противном случае индийское правительство проинформировало бы все посольства, чтобы те не выдавали мне визу, и я не мог покинуть Индию. У них

был договор с Непалом, и визы туда не требовалось.

Но Непал маленькая и очень бедная страна, беднейшая, и находится под огромным влиянием Индии… Индия может захватить ее в любой момент. Там нет ничего даже похожего на армию.

Когда это выяснилось из надежных источников и стало абсолютно точно известно, что они вынудят непальское правительство или арестовать меня, или выслать меня назад в Индию, мне пришлось покинуть Непал».

Король Непала тоже отвернулся от Ошо, но по совсем другой причине. Ошо объясняет:

«Король Непала был готов предоставить здесь место для моего проживания и общины, но при условии, что я не стану выступать против индуизма. Непал — индуистское королевство, единственное индуистское королевство в мире. Я отказался. Я сказал: „Я никогда не планирую, что говорить и чего не говорить. Я не могу обещать. И если я вижу нечто неправильное, будь то в индуизме, или в христианстве, или в магометанстве, я буду выступать против этого“».

По счастливой случайности от сына греческого премьер-министра, члена кабинета, прибыл один из учеников с известием, что Ошо будут рады видеть в Греции. Это было очень своевременно. Однако арендованному для Ошо самолету было запрещено приземляться в Катманду, потому что в стране с визитом находилась английская королева! Время было решающим фактором; среди друзей Ошо нарастало беспокойство, что непальское правительство может помешать его выезду.

Кругосветное путешествие

В течение двух последующих лет Ошо опять много путешествовал. Он вылетел из Катманду в Таиланд. Однажды в Бангкоке не удалось забронировать для Ошо билет на стыковочный рейс. В Германии его санньясины яростно названивали по телефону по всему миру, стараясь заказать ему место. Где бы его имя ни появлялось в компьютере, авиакомпании просто отклоняли запрос. Наконец санньясинам удалось найти на другом краю света одного служащего по бронированию и ухитриться таким образом передать по буквам имя Ошо, чтобы оно было принято. Таиланд не был тем местом, где людям, путешествовавшим вместе с Ошо, было приятно находиться. Однако распорядок его дня оставался прежним: спать в свое удовольствие, есть простую пищу и просто сидеть в зале ожидания. Благодаря активным межконтинентальным звонкам в конечном счете удалось подтвердить вылет Ошо в Абу-Даби, ближайшую точку, где можно было пересесть на его частный самолет.

Хотя в Абу-Даби ситуация складывалась не лучшим образом. Время, необходимое для дозаправки топлива, пришлось провести в комнате отдыха первого класса аэропорта.

Ученики Ошо выглядели подозрительно из-за ожерелий мала на шеях и их одеяний. Арабы, наоборот, были одеты в традиционные белые одеяния дишдаш, с вспотевшими от волнения лбами и платках-куфиях на головах. Можно было просто кожей ощутить неприязнь по отношению к мала, «религиозному символу» — сначала со стороны христиан, потом индуистов, теперь — мусульман.

Ошо снова вылетел с этой своей пестрой компанией, в этот раз на остров Крит, где ему было гарантировано разрешение на посадку. Все были рады услужить ему; багаж был проведен через таможню отдельно и затем доставлен в дом на юге острова, куда пригласили Ошо. Хозяином дома был Михаэль Какояннис, режиссер фильма «Грек Зорба». Вряд ли можно было найти более подходящее и красивое место.

У Ошо было разрешение оставаться здесь в течение одного месяца. Санньясины заново покрасили дом и подготовили его к приезду Ошо. Как обычно, Ошо обошел дом и оглядел его в поисках места, годного для проведения бесед.

Но сразу же начались проблемы. В результате хорошо срежиссированной кампании все афинские газеты были завалены грязными домыслами относительно Ошо. Публиковались

историйки, сфабрикованные для того, чтобы опорочить его самого и его людей. Ничего из того, что говорил он, не было опубликовано; печаталось только то, что говорили о нем.

Ошо не обращал на это внимание и провел серию прекрасных бесед, вперемешку с ответами на вопросы европейской прессы. Он обсуждал проблемы молодежи, пожилых людей, каждого аспекта жизни современного общества. Он говорил о Сократе и о том, что главная тема его бесед — наследие любого просветленного человека.

> «Сократ — один из самых любимых мною персонажей. И, прибывая сюда, я испытывал огромную радость, потому что я сейчас дышу тем же воздухом, которым, возможно, дышал Сократ, это та же земля, по которой он, возможно, ступал, те же люди, с которыми он, должно быть, беседовал и общался.
>
> Для меня Греция без Сократа — ничто. С Сократом — это все. В тот день, когда Афины решили отравить Сократа, они отравили весь дух Греции.
>
> Никогда снова Греция не поднимется до тех же высот. Прошло двадцать пять столетий, но ни один человек не смог достичь той же славы, того же света, тех же озарений. Убив Сократа, Греция совершила самоубийство.
>
> И это легко увидеть. Если бы Сократа слушали, а не травили бы его, избавлялись бы от условностей, как он просил, Греция оказалась бы выше всего мира в развитии интеллекта, сознания, в поисках истины. Но люди остались глухи.
>
> Их следовало бы простить, но забывать об их поступке нельзя. Если мы забудем о нем, то обязательно совершим такую же ошибку снова. Простите людей, отравивших Сократа, но не забывайте об этом, иначе это совершится снова…
>
> То, что Сократ делал двадцать пять веков назад, я делаю сейчас…
>
> Двадцать пять веков прошли без изменений для человечества… Три раза меня пытались убить… три попытки в течение моей жизни. Всеми доступными способами те самые люди, которых я пытался научить быть свободными, которых я пытался избавить от цепей, готовы убить меня. Человечество не изменилось. Оно по-прежнему будет делать то же самое.
>
> Но то, что не способен был сделать Сократ, смогу

сделать я.

Он всю жизнь прожил на маленькой территории Афин, даже не во всей Греции. Афины были городом-государством, и он оставался афинянином на протяжении всей его жизни. Я же принадлежу всему миру».

Нападки на Ошо усиливались. Епископ местной церкви начал нагнетать напряженность вокруг Ошо, говоря, что ему нельзя позволять выступать. Удивительно то, что церковь выдвинула против него такое же обвинение, согласно которому в Афинах двадцать пять веков назад был приговорен к казни Сократ: растление молодежи. Епископ даже угрожал подорвать дом Ошо динамитом! Ошо в своих беседах с юмором обличал лицемерные призывы епископа и иже с ним к нравственности, описывая, что за реальность скрывается под покровом их респектабельности.

Вот в пересказе Ошо история, случившаяся 5 марта 1986 г.:

«Они выдали мне визу на пребывание в Греции в течение четырех недель, но архиепископ Греции поднял невероятный шум, посылая телеграммы президенту и премьер-министру, а угрожающие письма — владельцу того дома, где я остановился, говоря, что если он хочет сохранить свой дом, меня следует выкинуть вон. Поэтому, если меня не выкинут в течение тридцати шести часов, дом сожгут дотла вместе со всеми находящимися в нем людьми, их сожгут живьем. И это — архиепископ самой древней из христианских церквей. Он представляет самого Иисуса Христа!

Правительство было испугано. У них не было повода… потому что две недели я даже не покидал дома. Я спал, когда днем пожаловала полиция. Моя штатная секретарша, Амандо, говорила полицейским: „Присядьте, выпейте чаю, а я пока разбужу его“. Но они сбросили ее с крыльца в четыре фута высотой на гравий, отволокли по гравию к полицейской машине и забрали в полицейский участок — она-де пыталась помешать правительственной акции.

А я, когда меня разбудил Джон, услышал шум, будто взорвался динамит. Полиция принялась швырять камни в дом со всех сторон, ломая прекрасные старинные окна и двери. Они сказали: „Или вам придется разбудить его прямо сейчас, или мы взорвем дом динамитом“.

Ни ордера на арест… никакой причины быть такими озлобленными… просто потому, что архиепископ сказал

правительству, что, если я останусь в Греции, мораль, религия, культура — все будет в опасности. За какие-то две недели я якобы смог бы смутить умы молодежи…

Вот что меня удивляет — они выстраивали эту мораль, эту религию и эту культуру более 2000 лет… и что это за культура, и что это за мораль, которые за две недели может разрушить один-единственный человек? Она недостойна существования, если она так слаба, так беспомощна».

Ошо спокойно оделся, и его отвели к ожидавшей полицейской машине. Полицейские разрешили врачу Ошо сопровождать его. Ошо молча сел на заднее сиденье. Через несколько миль неожиданно машина съехала с дороги и остановилась. Полицейские сунули Ошо лист бумаги и сказали: «Вот, подпишите здесь». Но Ошо оттолкнул его. Тем временем несколько санньясинов на мотоцикле, один с видеокамерой, подъехали к этому месту и стали снимать действия полиции. Это осложнило ситуацию для полицейских, которые сначала хотели прогнать человека с камерой, но потом оставили это занятие и поехали дальше.

Ошо доставили в полицейский участок для туристов, где продержали несколько часов. Оказалось, христиане поставили политикам ультиматум. Вначале идея властей состояла в том, чтобы посадить Ошо на корабль, стоящий в бухте Ираклиона, и отправить его в Индию. Как обычно, крупная денежная сумма перекочевала в новые руки, и Ошо разрешили вылететь в Афины.

Греческий санньясин Ошо, помогший ему прибыть в Грецию, вспоминает депортацию Ошо в следующих словах:

«Это был первый случай в истории, когда все греческие газеты сошлись в одном — все они были против Ошо. Местный епископ греческой православной церкви также решительно выступил против присутствия Ошо. Я пошел к нему на прием, надеясь договориться с ним, но безрезультатно. Трясясь от злобы, епископ сказал, что сжег бы дом, где жил Ошо, и угрожал, что „прольется кровь“, если Ошо не покинет остров. В его глазах я видел тот же страх, ту же самую фальшь, то же самое отношение, с которым христианские священники поносили (Никоса) Казантзакиса, создателя (романа) „Грек Зорба“.

По прибытии на Крит Ошо предупредил меня, что ему будет очень сложно оставаться в Греции дольше пятнадцати дней. В тот момент это показалось мне очень

странным, потому что у меня была гарантия греческого правительства, что он может оставаться здесь по крайней мере месяц. Но Ошо оказался прав. 5 марта 1986 г. полиция ворвалась на виллу и арестовала Ошо без ордера и увезла его в порт Ираклиона, где только немедленная взятка в 25 000 долларов убедила власти не сажать его на судно, отправляющееся в Индию…

Я приложил все усилия, чтобы встретиться с греческим премьер-министром в надежде приостановить высылку, но мне только обещали встречу, которая так и не состоялась. Потом от своих личных друзей в правительстве я узнал, что решение о депортации Ошо было ответом на давление администрации Рейгана через посольство США в Афинах».

В Афинах Ошо снова встретил отряд вооруженных людей в мундирах. Вид ружей вокруг этого человека, у которого в руках не было даже ножика для разрезания страниц, напоминал кадр из сюрреалистического фильма. Ошо прошел в зал, где его поджидали несколько представителей прессы. Он вошел в здание из бетона и мгновенно был окружен людьми с камерами, телерепортерами и журналистами.

Ошо дал пресс-конференцию. Это был весьма значимый момент. Неожиданно, как в дни своей юности, Ошо дал яростный отпор этому фашистскому правительству, которое не сделало никаких выводов из убийства Сократа, говорил, что оно чудовищно нецивилизованно, высказал абсолютно правильные вещи о политиках, известные каждому умному человеку, но высказать которые у кого-то вряд ли достанет смелости.

Внезапно старший офицер полиции в низко надвинутой фуражке на манер восточногерманских полицейских вышел вперед и потребовал, чтобы Ошо прекратил критиковать власти. Ошо обернулся, его глаза расширились. Громко, властным голосом Ошо сказал: «Тише, вы! Это моя пресс-конференция. Не вмешивайтесь!» Крупный, агрессивно настроенный человек, едва сдерживая злость, исчез в толпе как громом пораженный.

Больше Ошо не прерывали, и он стал говорить о том, что Греции, как родине демократии, должно быть стыдно скатываться к фашизму. Тем временем Ошо ожидал его самолет. Но существовала одна проблема: лететь было некуда.

Закончив пресс-конференцию в Афинах, Ошо пошел по бетонному летному полю назад, к своему самолету. Потом он заметил, что греческие чиновники сделали пометку в его паспорте «депортирован». «На каком основании? — спросил он у

находившегося рядом таможенника. — За разговоры? За то, что я турист, который ни разу не покинул своего жилища?» Реакция Ошо была яростной. Он просто схватил ручку и зачеркнул запись о депортации и потребовал, чтобы таможенник заверил ее печатью. Ошо знал, что таможенник ни на шаг не отойдет от своего бюрократического стиля поведения, если только не встряхнуть его как следует. Это как раз и была энергетика Ошо — его глаза, его мощь, повелительный голос. Таможенник поспешно поставил печать в паспорте и исчез. Это была странная ситуация. Вся команда, путешествовавшая с Ошо, была ошеломлена той неосмотрительностью, с которой греческое правительство капитулировало перед кампанией архаичной православной церкви против Ошо. На тот момент уже был поздний вечер, и наконец самолет взлетел в темное небо, чтобы отправиться в никуда.

Самолет направился в Ниццу и приземлился там глубокой ночью. Уже шли переговоры с французским правительством о предоставлении Ошо убежища. Однако было понятно, что здесь не удастся остаться надолго. Но куда лететь? Самолет приземлился на бетонную дорожку, а уже делались телефонные звонки, чтобы выяснить, куда еще можно было бы отвезти Ошо.

6 марта было решено отправить Ошо в Швейцарию. По прибытии туда и после прохождения таможни Ошо и его спутникам разрешили остаться там на неделю, однако дежурному таможеннику пришло сообщение, что этот человек является персоной нон грата. И куда теперь? В Лондон? Германское правительство уже отказало Ошо в праве приземляться на его территории и даже заправляться здесь топливом, так что следующей целью стала Швеция. Опять же, едва спутники Ошо прошли таможню, как прибыла до зубов вооруженная полиция. Снова та же история. Снова было объявлено, что Ошо представляет собой угрозу национальной безопасности, и ему было приказано немедленно покинуть страну.

Что дальше? Лондон. На то время было не так много возможностей выбирать, потому что по правилам самолет может находиться в воздухе без обязательного перерыва на отдых не больше определенного количества часов. В Лондоне Ошо уже ожидали люди, готовые оказать ему помощь в решении всех возможных проблем. Таким образом странная компания изгоев снова была в пути — мистик, его секретарь, его повар, его камердинер, его врач… в самом деле, очень опасная шайка!

Лондон, казалось, был готов к его прибытию. Как только Ошо в его кресле-каталке подвезли к таможенному терминалу, стало ясно, что принимать его по-дружески никто не собирался. Тех, у

кого были британские паспорта, пропустили, но к остальным отнеслись, как к террористам. Американскому врачу, который летал вместе с Ошо, отказали во въезде в страну. Австралийскому адвокату устроили перекрестный допрос, как преступнику. Еще одному американцу также отказали в разрешении остаться. Ошо не разрешили въезжать в страну. Вместо этого он вместе с двумя его спутниками должен был провести эту ночь в тюрьме.

Но, возразили члены команды, они даже не хотели там оставаться. Они находились там проездом, просто сидя в зале ожидания, когда у пилотов закончится обязательное время отдыха. Но им запретили даже это, потому что власти утверждали, что зал ожидания предназначен только для пассажиров с билетами. Члены группы Ошо показали свои билеты первого класса и спросили, почему они не могут воспользоваться для отдыха залом первого класса? Невероятно, вопреки всякой логике им сказали, грубо и резко, что это против правил и они должны отправляться в тюрьму.

В конце концов Ошо и двое американских санньясинов оказались запертыми в маленькой, грязной камере, забитой беженцами. Остальные члены группы отправились в гостиницу, ожидая, когда отдохнут пилоты и можно будет двинуться дальше. Вот что рассказывает Ошо о смехотворном поведении руководителей британского аэропорта:

> «Я попросил только о том, чтобы задержаться в международном зале ожидания аэропорта на шесть часов, потому что закончилось то время, в течение которого мой пилот мог управлять самолетом. По закону ему полагался отдых.
>
> Из зала ожидания посереди ночи в течение шести часов — как бы я мог разрушить британский характер, мораль, религию? Я и понятия не имел — иначе не просил бы разрешения остаться, даже если б имел на это право, — что британская мораль, характер и религия — все поместились в зале ожидания международного аэропорта».

На следующее утро группа была готова снова отправиться в путь, на этот раз на Карибские острова, где, возможно, были бы рады видеть Ошо. Тем временем руководство Хитроу[65] выразило ясное желание посадить Ошо на рейсовый самолет, вылетавший днем в Индию. С индийским правительством, не дававшим разрешения на въезд его западным ученикам с одной стороны, и со всем остальным миром, по собственному желанию или под давлением отказывавшим Ошо во въезде в свои страны с другой

стороны — все это вместе представлялось очевидным и однозначным планом лишить его возможности говорить. Последовали бесконечные задержки с доставкой багажа и оформлением бумаг, необходимых для вылета, а в это время британская сторона пыталась создать хотя бы видимость предлога не отпускать Ошо из Великобритании в пределах оговоренного законом времени, в течение которого он должен был быть насильно отправлен дневным рейсом на родину в Индию.

Для группы учеников, путешествовавших с Ошо, идея находиться отдельно от их мастера была не только болезненной, но также наносила удар по его работе. Продолжительная эмоционально-травмирующая ситуация, через которую этим людям пришлось пройти, возможно, трудна даже для понимания постороннего человека. Для них смысл жизни заключался в развитии их собственной осознанности и в том, чтобы находиться рядом с просветленным мистиком, который мог помочь им в этой работе, что было редкостью во все века, в любое время. Не исключено, что последним таким мастером двадцать пять веков назад был Гаутама Будда. Это было болезненнее любой обычной разлуки.

Наконец 7 марта 1986 г. все вопросы были решены и самолет вылетел, в этот раз — на Карибские острова. Первой остановкой была Ирландия и спокойный аэропорт Шеннон. В аэропорте Ошо и его спутникам с трехнедельной визой на руках удалось легко пройти через таможню. Они добрались до ближайшего отеля и поселились там, когда прибыла полиция, чтобы объявить их визы недействительными. Вся драма повторилась с начала до конца. У ирландских властей было достаточно времени, чтобы подхватить эстафету последних событий. Санньясины, к этому моменту уже прекрасно знакомые с подобными политическими выходками, решили оспаривать законность этих действий в суде. В конечном счете была достигнута договоренность о том, что группа не будет депортирована насильно. Британцы тем временем были заняты тем, что использовали «дипломатию» Содружества[66] для того, чтобы, если остров Антигуа в Карибском архипелаге вздумает оказать Ошо хоть какое-то гостеприимство, немедленно отозвать такое решение.

Это давало драгоценное время, — необходимое людям, находившимся в поисках клочка земли на планете, где бы Ошо позволили сидеть и беседовать с его друзьями. Было удивительно видеть мир, кичившийся своим дружелюбием и равенством, в котором не находилось свободного места. В самом деле, древняя оскорбительная фраза «и не нашлось для них места в гостинице»[67] приобрела новое звучание в современном мире, и

даже в гораздо большем масштабе.

Похоже, испанское правительство было не против позволить Ошо остановиться в своей стране. В Мадриде, несмотря на закулисное давление, все это время предпринимались лихорадочные действия для обеспечения приезда Ошо.

В это же самое время старалось что-то предпринять и правительство Уругвая. Взбудораженные теми потенциальными выгодами, которые может принести международная популярность Ошо, уругвайские власти были готовы рассмотреть возможность его пребывания в их стране. Людям из окружения Ошо вся эта сага дала возможность увидеть воочию ту реальность, в которой они существовали: мир тотального лицемерия.

В это время санньясины в разных уголках мира усиленно прорабатывали вопрос, где найти для Ошо место, и каждый пребывал в иллюзии, что по крайней мере его страна не будет такой негостеприимной, как другие, и что их политики не будут такими же коррумпированными, как остальные. Итальянские санньясины проводили такую кампанию, испанские санньясины прилагали усилия, датские и шведские тоже старались. Это был славный урок для всех, кто любил Ошо, для его друзей во всем мире. Каждый по очереди приходил к одному и тому же открытию: в сегодняшнем мире много безобразия и злоупотреблений. Для них это был жизненный опыт того, что Ошо обличал в течение десятилетий. Теперь они сами получили знание об этом из первых рук.

По мере того как там или здесь один политик за другим потирал руки в надежде получить плату за то, чтобы он смягчил свои предубеждения против пребывания Ошо и использовал для этого свое влияние, настроение людей из окружения Ошо начало становиться все более безнадежным и в то же время более зрелым. По мере того как шансы на успех уменьшались с каждым поворотом политической игры, в равной мере усиливалось их понимание предвидений Ошо о лучшем мире, о лучшем человечестве будущего.

Канада к этому моменту уже отказала в разрешении на посадку самолета Ошо для дозаправки, необходимой для полета на Антигуа в Карибском архипелаге. Этот неслыханный отказ в праве на дозаправку горючим был сделан, несмотря на обязательство от Ллойда в Лондоне[68], которое гарантировало, что Ошо не будет выходить из самолета. Таким образом, с условием, что не будет никаких публичных выступлений, которые могли бы смутить власти, ему разрешили задержаться в Ирландии до того, как будут достигнуты какие-то иные договоренности. В течение срока ожидания Антигуа отозвала

разрешение Ошо переехать туда. Голландия на запрос тоже ответила отказом. Германия уже издала «предварительный указ», отказывавший Ошо во въезде в их страну. В Италии дело о предоставлении ему туристической визы было положено в долгий ящик.

19 марта 1986 г. призрачное путешествие в Испанию было согласовано, и компания путешественников приготовилась покинуть Ирландию. Но сомнение насчет того, что им разрешат там остаться, висело в воздухе. Все казалось сомнительным до самого последнего момента. Они уже были готовы к вылету, как на борт поднялся чиновник из посольства Уругвая и передал Ошо въездную визу в эту страну. Короткая остановка в Дакаре, столице Сенегала, только добавила компании путешествующих с Ошо чувства полной изоляции и отчуждения от остального мира, чего они раньше не испытывали. Пришлось дать взятку, чтобы пройти через таможню, и потом, чтобы устроиться в ближайшем отеле.

В течение всего этого периода времени Ошо напоминал молодого человека, находящегося на каникулах, полных приключений. Он продолжал есть простую пищу, спать каждый раз после обеда, разговаривать со своим секретарем и сидеть в своем кресле. Когда все вокруг него сходили с ума, стараясь спасти положение, казавшееся всем абсолютно безысходным, Ошо посылал узнать больше об одном красивом замке в Ирландии, который, возможно, можно было бы купить.

Во всем мире его люди были глубоко озабочены и обеспокоены, не зная, где он находится, как он и увидят ли они его когда-нибудь еще. Как зона тишины в центре циклона, Ошо был самим воплощением спокойствия; он, казалось, наслаждается всем этим веселым приключением, в то же время сообщая свою энергию другим, чтобы подтолкнуть их к еще большим усилиям. Даже покидая Раджнишпурам, и без сомнения навсегда, он пожелал, чтобы там было высажено больше деревьев. Это была его невероятная способность жить в настоящий момент — не принимая во внимание то, что прошло, и никогда не возвращаться вспять, и не готовиться к завтрашнему дню, который никогда не приходит. Это было всегда сегодня, как он постоянно повторял. Все его внимание было сосредоточено на текущем моменте, на смену которому приходил следующий.

Состояние его здоровья, однако, хорошим не было, но как обычно, он мало показывал свои недомогания. Волосы у него выпадать перестали, но походка оставалась неуверенной, и, казалось, зрение так и не восстановилось, отчего ему было очень трудно читать. Он перестал читать книги несколько лет назад; сейчас он едва различал заголовки бесконечных газетных вырезок

о нем самом, которые его секретарь обычно приносил для просмотра. Он просто бросал на них взгляд, так, будто они были о ком-то другом.

После длинного перелета через Атлантику самолет Ошо приземлился в Ресифе, морском порту на северо-востоке Бразилии. Власти захотели немедленно опрыскать самолет в целях дезинфекции, что означало для Ошо попасть в облако химических веществ. Из-за его склонности к астме и неважного на тот момент состояния здоровья спутники попытались избежать опрыскивания.

«Мне притвориться мертвым?» — спросил он и с удовольствием присоединился к игре, надев кислородную маску и прибор для измерения кровяного давления, чего было достаточно для того, чтобы остановить человека с распылителем. Как он сказал в одной из бесед, состоявшихся в Катманду: «Я не благостный святой». Весело поблескивая глазами, он всегда казался готовым к какой-нибудь веселой выходке, шутке и использовал любой случай создать возможно больше ситуаций для того, чтобы окружающие смогли пережить какие-то новые ощущения.

Наконец он прибыл в Монтевидео, столицу Уругвая. Один друг уже поджидал его, чтобы помочь пройти через таможню. Ошо быстро привезли в красивый дом в Пунта дель Эсте, известный морской курортный город, любимый богатыми аргентинцами[69]. Почти сразу он начал проводить беседы. В течение следующих трех месяцев он говорил дважды в день с примерно двадцатью людьми. Эти беседы повлияли на положение вещей самым невероятным образом.

Все это время правительство США пыталось вынудить Уругвай отменить вид Ошо на жительство, а люди Ошо боролись против всех трудностей, играя в серьезные игры, влиянием и интригами стараясь найти своему мастеру дом в этом большом мире.

По всей видимости, американские чиновники говорили президенту Уругвая Сангинетти, что Ошо анархист, он чрезвычайно умен и обладает способностью менять сознание людей. Если их страна (США) не смогла совладать с ним, откуда у него (Сангинетти) такая возможность?

Но, поскольку в том же городе, Пунта дель Эсте, проходил уругвайский раунд переговоров о Генеральном соглашении по таможенным тарифам и торговле (GATT), США выдвинули ультиматум: или Ошо уезжает, или США потребуют вернуть займы, предоставленные Уругваю. В течение этих последних дней в Уругвае полиция скрытно наблюдала за домом. К этому дню

сопровождавшие Ошо привыкли к жизни самых последних бродяг.

Маленький голубой «фольксваген» всегда был готов к отъезду — за исключением тех моментов, когда он совершал регулярные объезды дома. Это было постоянным напоминанием о том, что разрешение на проживание Ошо в этой стране было весьма ненадежным. В конце концов пришло сообщение — ему следует уехать. Самолет уже ожидал разрешения приземлиться и получил посадку в местном аэропорту, минуя Монтевидео. Полиция также была в пути. Ошо и его спутники немедленно выехали.

Когда прибыла полиция, им сообщили, что все отправились в Монтевидео. Это дало возможность Ошо и его спутникам остановиться на взлетной полосе, танцуя под песню музыкантов, которые повсюду его сопровождали. В час ночи 18 июня 1986 г. самолет взлетел в темное небо, не имея места, куда направиться. Через день после того, как Ошо заставили покинуть страну, было объявлено, что Уругвай получил новые американские займы. В некотором смысле вся одиссея стала для Ошо способом ясно показать своим людям, что не в порядке с этим миром и почему необходим новый взгляд на него.

Ошо описывает неправедные способы, примененные против него, чтобы выдворить из Уругвая:

> «Американское правительство продолжало твердить всем правительствам в мире, что меня нельзя допускать в их страны, даже как туриста. Одна маленькая страна, Уругвай, в Южной Америке, была очень счастлива, что я туда приехал, потому что тамошний президент читал мои книги и даже не мечтал о том, что я могу когда-нибудь посетить Уругвай. Поэтому он сказал: „Мы приложим все усилия, чтобы дать вам землю, где бы вы могли создать общину. Не только потому, что мы будем получать доход от присутствия здесь вас и ваших учеников, но и от того, что тысячи пилигримов станут сюда приезжать; мы — бедная страна, для нас это будет также и финансовой поддержкой“. И он немедленно предоставил мне годичную визу.
>
> Но когда президент Рональд Рейган узнал об этом, он стал угрожать президенту Уругвая: „В течение тридцати шести часов Ошо должен покинуть страну. Иначе придется вернуть все те займы, которые мы предоставили вам в прошлом, а те займы — миллиарды долларов, — которые мы намеревались выдать вам в течение следующих двух лет, предоставлены не будет.

Так что выбирайте“.

Сейчас Уругвай не способен возвратить деньги и не может позволить себе в следующие два года не брать взаймы, поскольку все планирование основано на этих миллиардах долларов. Вся экономика страны потерпела бы крах. Президент Уругвая со слезами на глазах сказал мне: „Ваш приезд в нашу страну дал мне, по крайней мере, осознание того, что мы зависимы. До этого момента мы жили в заблуждении. Вам придется уехать. Это незаконно — у вас есть действующая годичная виза, и вы не совершали никаких тяжелых преступлений — единственное основание, по которому ваш вид на жительство мог бы быть аннулирован“. А я пробыл там всего один месяц. И он сказал: „Мне очень грустно, что приходится это делать. Я совершаю это против моей совести“.

Но даже этого американскому президенту было мало — чтобы я просто покинул страну. Мой самолет уже находился в аэропорту… Я сказал: „Никаких проблем — я могу уехать. Я ни за что не поставлю вашу страну в такое рискованное положение“.

Он сказал: „Американский президент настаивает на том, чтобы вы были депортированы; вы не можете покинуть страну без того, чтобы вас депортировали. Меня вынуждают совершать преступления: во-первых, сообщить вам, что вы безо всяких причин должны выехать из страны, хотя вы ничего плохого не совершили. Во-вторых, депортировать вас. Но я совершенно беспомощен. Но все же я хочу, чтобы в вашем паспорте не стояла печать о высылке из Уругвая. У нас есть небольшой аэропорт — переведите ваш самолет в этот аэропорт и вечером отправляйтесь, не информируя нас, так что мы можем сказать — он улетел, не сообщив нам. У нас не было времени депортировать его“.

Но он ошибся. Как только мой самолет перелетел в тот маленький аэропорт — должно быть, американское посольство наблюдало за происходящим, — американский посол был там с печатями и тем чиновником, который отвечает за депортацию людей. Меня доставили туда, потому что им нужно было заполнить все формуляры, и, покидая страну, я сказал — это не имеет значения… На самом деле мой паспорт превратился в исторический документ: меня высылали

из стольких стран без малейшей причины.

Когда я уехал из Уругвая, президента немедленно пригласили в Америку, и президент Рейган в качестве „жеста дружбы“ выдал ему тридцать шесть миллионов долларов. Это была награда за то, что меня вышвырнули за тридцать шесть часов: точно тридцать шесть миллионов долларов, по миллиону за час! В самом деле, мне можно начинать взыскивать процент с тех правительств: вы благодаря мне получаете миллионы долларов, — должен же я иметь с этого хоть два процента».

Но сердце Ошо оставалось полным сочувствия и доброй воли по отношению к США. В Уругвае, вечером 6 июня 1986 г., отвечая на вопрос, он заявил:

«Несмотря на то что по отношению ко мне и моим людям Америка вела себя очень плохо, я все же придерживаюсь девиза Гурджиева „Браво, Америка!“, потому что американское правительство — это не Америка. Это всего лишь несколько выборных глупцов. Америка в целом сильно отличается от них с их флером. Она гораздо более простодушна, чем другие страны, поскольку много моложе других стран. И это простодушие есть необходимая основа для просветления… И народ Америки — самый простодушный, неиспорченный, молодой и способный дать жизнь новому человеку».

Незадолго до выезда из Уругвая остров Маврикий известил Ошо, что там будут рады его видеть. Два человека вылетели в эту маленькую страну в Индийском океане только для того, чтобы узнать, что на самом деле тамошнее правительство имело в виду: премьер-министр предложил рассмотреть разрешение Ошо приехать сюда взамен на сумму в два миллиона долларов!

В конечном счете Ошо приехал в курортный городок Монтего Бэй на Ямайке. Визы были выданы группе без каких-либо затруднений. Все договоры были заключены, и, казалось, проблем не будет. Однако почти в то же самое время там приземлился самолет военно-морских сил США, его офицеры в гражданской одежде и с тяжелыми портфелями проскользнули в здание администрации. Среди спутников Ошо пробежала волна беспокойства, и они, скрестив пальцы, стали ждать в надежде, что с ними ничего не произойдет.

Скоро всех их поселили в красивом доме с видом на океан.

Ошо устроился на свой обычный послеобеденный отдых, и в первый раз за много дней спутники Ошо почувствовали себя спокойно. Но не прошло и нескольких часов, как в их дверь постучали. Это была полиция. Все визы были аннулированы «по соображениями национальной безопасности». И всех попросили покинуть страну в течение двадцати четырех часов.

Последней возможностью обрести покой стала Португалия. Были предприняты попытки получить для Ошо разрешение на короткую остановку в этой стране. Вообще, единственный способ пересечь Атлантику — это долететь до Канады и затем лететь в Португалию. Но Канада уже запретила любому самолету с Ошо на борту приземляться даже для заправки топливом, как это сделала Германия. В конце концов вопрос решили, и после дозаправки в Канаде самолет полетел назад через Атлантику. Манера Ошо путешествовать осталась прежней. Он ел свою пищу, дремал и расслаблялся. На его лице не было ни малейшего следа обеспокоенности происходившим, он всегда казался беззаботным.

После случившегося в Уругвае Ошо настойчиво требовали вернуть назад, в Индию. Но его окружение все еще пребывало в надежде найти для него пристанище где-нибудь еще. Все знали, что если Ошо вернется в Индию, они его больше никогда не увидят. Как только самолет пересек Атлантику на пути к Европе, всеми членами группы овладело чувство, что путешествие Ошо по свету подходит к концу.

20 июня самолет с его драгоценным пассажиром приземлился в Мадриде, но, как ни странно, никто не пришел встретить его. Быстрый телефонный звонок добавил к разворачивавшейся трагедии оттенок комизма: «Что вы делаете в Мадриде? Мы ждем вас в Лиссабоне!». Группа перелетела в Португалию и попыталась спрятать Ошо в отеле «Риц». По плану предполагалось позднее тайком перевезти его в другое, более тихое место. Как в театральном фарсе, его незаметно засунули в лифт и затем в автомобиль, ожидавший на подземной парковке. Но Ошо, одетого в длинное красное одеяние, круглую шапочку и с бородой до пояса, нельзя было не узнать. Даже когда он просто прошел по вестибюлю отеля, у видевших его поднимались от удивления брови.

К несчастью, новое место жительства было пыльным и почти немедленно у Ошо начался астматический приступ: весь план рухнул. Все вернулось на исходную позицию, и спутники теперь пытались тайком вселить Ошо назад в гостиницу. Никто не знал, плакать надо или смеяться, за исключением Ошо, который просто наслаждался происходящим, в особенности тем, что кто-то вообразил, что его возможно спрятать. Дом в окрестностях

Лиссабона был следующей плановой остановкой. Ошо со спутниками переехали в Синтру[70], но скоро появилась полиция. Любая попытка организовать длительное пребывание в Португалии была безнадежной.

В конце концов пришлось все-таки возвращаться в Индию. 28 июля после нескольких недель политического цирка, те, кто проехал полмира в попытках найти для Ошо дом, где бы он мог разговаривать с людьми, стояли на обзорной площадке лиссабонского аэропорта и смотрели на то, как их любимый мастер в последний раз машет им рукой на прощание из своего самолета. А потом он улетел. Для тех, кто остался, прощание обернулось слезами и глубокой печалью. По совокупности двадцать одна страна или депортировала Ошо, или отказала ему во въезде.

Доктор Амрито, личный врач Ошо, сопровождавший его во время этого путешествия, вспоминает об этом так:

> «В этом странном путешествии содержится послание для западных учеников Ошо, которые были воспитаны на вере в то, что вся холодная война, все битвы, принесшие миллионы погибших, были для того, чтобы существовала свобода, демократия, а также предполагалось, что для западных стран характерно уважение к правам человека. Они не рассматривали Ошо как угрозу обществу или террориста. Они знали, что все, что он хочет делать — это говорить. Они знали, что он лишь хочет помогать тем, кому интересно понять самого себя, быть счастливым, радостным, просто раствориться в этой прекрасной мистерии под названием „жизнь“.
>
> Попытка объявить его самым нежелательным человеком на планете никак не вяжется с этими определениями. Ученики и поклонники Ошо провели свою молодость, слушая, как западный мир собирается помочь людям жить лучшей, более свободной и счастливой жизнью. Для тех же американцев представления о счастье закреплены в их Конституции… Но некоторым образом это путешествие является уроком того, как на самом деле устроен этот мир, коль скоро пропаганда отошла на второй план. Спутники Ошо и он сам сейчас живут в мире тайных интриг и сговоров, взяток и политической целесообразности.
>
> Сподвижники Ошо были наивны; для целого западного мира оказалось просто невозможно объявить человека вне закона на основании нелепых обвинений в

нарушении иммиграционных правил — юридического эквивалента нарушений правил парковки. Они просто были неспособны разглядеть того факта, что за фасадом этой христианской демократии простирается уродливая реальность, которую они никогда не осознавали, несмотря на то что прожили в ней всю свою жизнь. Каждый город, который запрещал Ошо остаться там хотя бы на несколько дней, можно рассматривать как аномальную зону. Они сразу переезжали в другое место, полные надежд и ожиданий. Это выглядело так, будто Ошо сам избавлял своих учеников от предрассудков, давая им хорошенько изучить всю новую реальность в целом… Из первых рук понять, что значит лицемерие. Это урок санньясины Ошо после такого мирового турне не забудут никогда».

Еще одна ученица, Прем Маниша, путешествовавшая с Ошо, делится своими переживаниями:

«Все это время мы в качестве учеников Ошо хотели защитить его — понятно, только мирными и гуманными способами.

Но из этого возникла дилемма — между желанием защитить его из нашей любви и заботы и возможностью тем самым помешать его работе.

Он говаривал, что он — это его работа, он здесь только для этой работы, что его тело только для того и следует сохранять, а иначе он не смог бы работать, и его существование было бы бессмысленно. (Возможно, подобную дилемму предвидел Сократ, когда его поставили перед таким же выбором.) И он всегда говорил, что не следует что-то предпринимать из боязни; даже из опасения за его благополучие. С другой стороны, кто из нас мог бы сделать нечто, что подвергло бы его опасности?

Однажды в Катманду Хасья (секретарь Ошо по международным делам) во избежание неприятностей попросила его не высказываться по поводу убийства коров или нападать на индуизм. Она была озабочена тем, что не существовало страны, куда бы Ошо мог уехать в качестве альтернативы, если бы он испортил отношения с непальскими властями. В том случае Ошо не сказал ни слова на эти темы. („Ну не молодец я?“ — спросил он озорно у Хасьи некоторое время спустя), хотя и высказывался на эти темы, когда мы находились в

Катманду. Он просто пренебрегал последствиями. Для него было гораздо важнее говорить правду — во что бы то ни стало.

Затем и в течение всего международного турне мы могли наблюдать в действии человека, которому нечего было терять. Именно это меня и привлекало так сильно. Ему не нужно было чьего-то благоволения, чьей-то поддержки; он ни в чем не „нуждался“, потому что понял главное. Кажется, даже сама жизнь, — после его Просветления — перестала иметь существенное значение, поэтому ему нравилось рисковать этой жизнью, чтобы знать, что он действительно живет. Это даже нам трудно охватить разумом — и уж тем более нелегко понять людям, которые не являются чьими-то страстными приверженцами или не привязаны к кому-то похожему на Ошо. Потому что все мы нуждаемся в ком-то, кто бы нас поддерживал, для самоидентификации, признания.

Чтобы понять, что некто существует, будучи свободным ото всех этих потребностей, нужно увидеть, во-первых, что он действительно ни в чем не нуждается, и во-вторых, что это действительно возможно. Таким образом, у нас есть некое сопротивление к пониманию феномена, именуемого Ошо, потому что даже понять его означает признать нашу психологическую и духовную нищету, а не слишком многие из нас захотят это сделать».

Он вернулся

29 июля 1986 г. после полного приключений кругосветного путешествия Ошо достиг Мумбая и вселился на правах частного гостя в дом одного из санньясинов. Он назначил Ма Йога Нилам своим секретарем по Индии. Индийские санньясины быстро включились в работу и стали искать для Ошо дом, где он мог бы остановиться. Он больше не хотел заводить общину, но просто желал иметь дом, куда бы люди приходили его послушать. В течение нескольких дней друзья и почитатели со всех концов мира снова начали толпами собираться вокруг него. Пока продолжались поиски подходящего жилья, это число все увеличивалось. Но ни один дом не был достаточно хорош.

Из-за недовольства родных хозяин-санньясин заявил о невозможности далее принимать Ошо в качестве гостя. Надо было снова переезжать. Очевидным вариантом была Пуна, в которую Ошо впервые приехал в марте 1974 г. После обсуждения планов специально подготовленное место могло принять Ошо. Во избежание неприятностей в пути власти были также осведомлены о поездке, которую планировалось предпринять на автомашине с полицейским эскортом утром воскресенья. Неожиданно Ошо решил уехать глубокой ночью.

Все незамедлительно собрались, и караван выехал в ночь, прибыв в Пуну перед рассветом 4 января 1987 г.

Ошо наперед понял, что на самом деле таится в предложении властей обеспечить ему безопасный переезд. Они ничего похожего не планировали. Фактически, когда на следующее утро полицейские прибыли в дом в Мумбае, они были в ярости, поняв, что этот человек уже прибыл в Пуну. Власти Пуны тоже были очень рассержены. Они планировали воспрепятствовать въезду Ошо в город.

Полиция действовала совершенно безобразно. Они нагло ворвались в спальню Ошо без какого бы то ни было ордера и предъявили ему документ, запрещающий приезжать в Пуну или находиться в этом городе. Очевидно, что игра в кошки-мышки все еще продолжалась. Индийское правительство отказывало в визе любому, кто, как они думали, намеревался посетить Ошо, и вместе с тем в парламенте решительно отрицали подобные действия. Но все же тысячи гостей продолжали обходными путями приезжать: и из Индии, и из-за границы. Власти Пуны делали все от них зависящее, чтобы как-то сдержать неуклонное разрастание общины.

Несмотря ни на что, община снова начала процветать. Вся

территория была расчищена, был выстроен новый Будда-холл, расширение продолжалось по нарастающей — и Ошо снова говорил! Как напечатало еженедельное издание Asia Week на своей первой странице — «Он вернулся»!

Работа Ошо продолжала набирать невиданные обороты. Международный университет медитации Раджниша возродился под названием Многопрофильный университет Ошо (Osho Multiuniversity) с десятью факультетами. Он превратился в самую большую школу трансформации в мире, где одновременно тысячи людей могли на научной основе общаться друг с другом и обмениваться знаниями. С помощью нескольких новаторских программ и учебных курсов каждый приобретенный опыт вел к той внутренней тишине и миру, который Ошо называл медитацией. А медитация — это способ, конечная цель каждого, перерождение.

Многопрофильный университет Ошо является входом — целым набором порталов, — которому Ошо посвятил, свою жизнь и учение, делая их доступными человечеству. Согласно Ошо, в Многопрофильном университете должны быть представлены все виды духовных измерений, которые познал человек. Его задача — свести воедино все настроения и оттенки, даже если они противоречивы. Надо было разъяснить всем, что Многопрофильный университет не собирается конкурировать с какой-либо образовательной системой. Поэтому он не нуждается в признании со стороны какого-либо правительства. Он изучает то, чего не изучает ни один университет. Он изучает то, чем обычные университеты и образовательные системы не занимаются.

Десять факультетов Многопрофильного университета Ошо включают: Центр перерождения; Школу концентрации и боевых искусств Дзен; Школу творческих искусств; Международную академию целительства; Институт любви и осознанности; Академию медитации; Школу мистицизма; Институт тибетского исцеления пульсациями[71]; Клуб медитации и активного досуга. Институт осознанности в организации является новым, развивающимся факультетом.

Вскоре после возникновения община стала Меккой искусств. Ведущие музыканты, поэты, художники и танцовщики представляли свои жанры, доставляя радость тысячам гостей общины. Прославленные на весь мир артисты, включая таких как Шивкумар Шарма, Хари Прасад Чаурасиа, Закир Хусейн, Л. Субраманиам, Кю Женг Пинг из Шанхая, Сонал Мансингх, Малика Сарабхай, поэт Нирадж и многих других. Эти события напоминали раннюю эпоху индийской истории, когда музыка,

искусство и медитация представляли собой одно целое.

На территории общины произошло много других изменений. Из каких-то таинственных соображений Ошо попросил, чтобы все строения на территории общины были выкрашены в черный цвет с голубыми окнами. Когда несколько больших, пирамидальной формы зданий были покрашены в эти цвета, эффект был потрясающим. Открылись дополнительные рестораны, в которых готовили из продуктов, выращенных поблизости. Ошо Башо, факультет здоровья, планировал, что медитирующие будут заниматься плаванием, играть в теннис или волейбол или просто расслабляться, лежа в джакузи.

Открылся превосходный книжный магазин, полный книг Ошо, аудио-и видеокассет на самые разные темы. Но, возможно, самым трогательным был план, заключавшийся в создании поблизости территории общины садов Дзен, особенно для проведения медитации. Ошо поделился тем, как он представляет себе этот пейзаж — отдельные площадки, где люди могут сидеть, наслаждаясь одиночеством, которое, однако, сопровождается волнами, исходящими от земли, так, чтобы одновременно медитация могла дать чувство единения со всей Вселенной.

В ту осень Ошо добавил несколько завершающих штрихов к новой фазе его работы. Он определил, что красно-коричневые одежды должны надеваться на все время дневной деятельности общины. Он объяснил, что красно-коричневый цвет помогает общине гармонично поддерживать рабочую энергию, что это касается обращения с энергией и не несет никакой религиозной нагрузки. Он утверждал, что цвет одежды должен соблюдаться только внутри общины.

Он также основал Братство белых одежд. Наконец смогло наладиться то молчаливое общение между мастером и учениками, о котором он так давно говорил. Оно включало первоначальный этап быстрого танца, после которого все молча сидели вокруг Ошо, а он давал знаки к началу исполнения индийской музыки, перемежавшейся периодами тишины. После некоторого времени Ошо обычно вставал, делал каждому намасте и удалялся, обходя Будда-холл по периферии. Это можно наблюдать на видеозаписи, сделанной на одной из таких встреч.

Ошо был очень настойчив, подчеркивая важность этого вечернего действа. Он называл эти моменты пиком дня своих учеников, часто описывая, как глубоко теперь это молчание и как ощутимо то, что любой может войти в него и немедленно погрузиться в самые глубины. Было похоже, что он старается убедиться в том, что его люди понимают, что это является ключом к их перерождению. Он говорит, что хотел бы, чтобы все

его ученики по всему миру в семь часов вечера по местному времени садились медитировать — как всемирное Братство белых одежд.

В некотором смысле работа всей его жизни и эксперименты подходили к завершению. Его работа над личностью воплотилась через множество техник медитации, которые он построил на чисто научной основе, включая технику Динамической медитации и Кундалини-медитацию. Его работа, направленная на то, чтобы сделать медитативный опыт доступным каждому, завершилась, воплотившись в тысячи часов видеозаписей бесед, где то же самое сочетание музыки и тишины для каждого было как поворот выключателя, помогая переходу от немедитирующего человека к медитирующему. Ошо также дал миру медитативную терапию, которая прокладывает уникальный мостик между терапией и медитацией. Наиболее известную, Мистическую розу, он описывает как наиболее важный вид медитации со времен Випассаны.

Так же осторожно Ошо вносил изменения в свои способы работы с людьми. Поскольку в прошлом он говорил о пути любви и пути медитации, особенно в активной медитации, сейчас он просто говорил о созерцании. Он обратился к Дзен[72] и к демонстрации того, что сущий Будда — это созерцающее сознание. С этой точки зрения он описывает, почему у Дзен нашлось так мало чего предложить человечеству за столько веков усилий. Как это описывает Ошо, в самом деле, на сегодняшний день это было величайшей попыткой, но она не удалась. Она потерпела поражение оттого, что мастера Дзен излагали правильные вещи неправильным образом.

Мастера Дзен прошлого настаивали на том, чтобы ученик полностью расслаблялся, оставаясь в сосредоточенности безо всякого усилия. Но, как в своей неподражаемой манере указывает Ошо: «Если было возможно оставаться в сосредоточенности без усилий, вы бы уже находились в сосредоточенности без усилия». Именно это противоречие и привело к краху Дзен. Ошо описывает то, как он использовал свои слова и промежутки между словами — приходившими будто бы из его молчания, — чтобы создать среду, в которой медитирующие могут оставаться сконцентрированными без усилия. Для этого необходима сама основа предвидений Ошо о медитации на базарной площади, как у Зорба-Будды — просветленного и в то же время обычного человека.

В это же время Ошо создал три новых вида «медитативной терапии»: Мистическая роза, Без разума и Кто внутри. Они были предназначены для того, чтобы помочь обыкновенному человеку

входить прямо в медитацию без необходимой терапии. Как-то на пути назад в Катманду он неожиданно поднял глаза и спросил:

«Сколько времени мы тратим, пока доходим до терапии? Я говорил о медитации, и группа людей выполняла ее в течение двадцати одного дня, но никто из вас не участвовал… поучаствуй в той медитации, что называется Мистическая роза. В ней четыре этапа. Все они предназначены для одной определенной цели — вывести из твоего существа всю ту отраву, что накопилась за все поколения в течение веков. Первый этап — это смех. Один замечательный писатель, Норман Казинс, описал свой эксперимент, длившийся всю жизнь — каждый день он смеется двадцать минут безо всякой причины, и все его напряжение исчезает. Его осознанность возрастала, пустяки переставали его волновать.

Ты сам это увидишь; если можешь смеяться безо всякой причины, то почувствуешь внутреннее облегчение

…С самого детства тебе твердили — не смейся, будь серьезным! Но ты сможешь выйти из старого состояния подавленности.

Второй этап — это слезы. Слезы спрятаны еще глубже. Нам всегда говорили, что слезы — признак слабости, но это не так. Слезы могут очистить не только твои глаза, но также и твое сердце. Они смягчают тебя. Их биологическое назначение — очищать тебя, облегчать твое состояние. Сейчас все уже признают тот факт, что женщины сходят с ума реже, чем мужчины. А причина состоит в том, что они легче ударяются в слезы и рыдают чаще, нежели мужчины. Даже маленькому мальчику говорят: „Будь мужчиной, не реви как девчонка!“

Но если ты взглянешь на физиологию тела, то поймешь, что слезные железы у тебя такие же, будь ты мужчиной или женщиной. Установлено, что женщины совершают самоубийство реже мужчин. И, конечно, ни одна женщина в истории не была вдохновительницей насилия на религиозной почве, не развязывала войн и не организовывала массовых убийств. Если бы весь мир снова научился плакать и рыдать, это стало бы величайшим перерождением, метаморфозой.

Третий этап — это молчание. Я назвал его „Наблюдатель на вершине“. Молчи, будто находишься один на вершине Гималаев, стань бесконечно тихим и

одиноким, просто наблюдая, слушая… чутким, но молчащим. А четвертый шаг — это расслабление».

Распорядок жизни Ошо оставался почти тем же самым. Он питался простой пищей, дремал после обеда, проводил беседы, когда позволяло здоровье, а вечером общался со своим секретарем. Ему всегда было интересно просматривать новые книги, журналы и газеты, которые как никогда много издавали его ученики. Он давал рекомендации по оформлению обложек и названий, что отражало его всегдашнюю любовь к красоте и эстетике.

Но вскоре ухудшавшееся здоровье Ошо стало предметом большого беспокойства людей из его окружения. Чтобы обеспечить ему хорошее самочувствие, была построена прогулочная аллея с кондиционированием воздуха, где он мог проводить время среди зелени, которую так любил, вдали от городского воздуха, обострявшего его астму. Когда первоначальные симптомы уменьшились, стала проявляться еще более удручающая картина. Непосредственно после освобождения из тюрьмы в США основные симптомы заключались в выпадении волос, сильной ломоте в костях и проблемах с пищеварением. Теперь его стало беспокоить еще одно постоянное недомогание. Он казался более слабым, чем когда бы то ни было, часто жаловался на боли в костях и суставах, особенно в правой части тела.

С течением времени он все чаще отказывался от вечерних бесед. Потом из-за простой инфекции, поразившей ухо и не поддававшейся обычному лечению, ему в конце концов пришлось делать операцию. На этом этапе обслуживавшие его медики выслали в Лондон всю имевшуюся у них на руках информацию для помощи в установлении диагноза. Многие из лондонских экспертов утверждали, что все симптомы полностью соответствуют отравлению таллием, однако на данный момент достоверные следы исчезли, если таковые и были, а отравление, как предполагал Ошо, было организовано во время его тюремного заключения в США.

Проблемы с правой стороной тела продолжали беспокоить его вместе с периодически возвращавшимися заболеванием глаз, болями в плече и в руке ниже предплечья. Боли также распространились на челюсть. Чтобы как-то смягчить страдания, Ошо пришлось удалить все зубы на нижней челюсти с правой стороны. На некоторое время у него перестала функционировать щитовидная железа. Это дало повод подозревать, что, вероятно, проблемы с правой стороной тела могут быть последствиями

радиоактивного заражения. Ошо описывает, как в течение одной странной ночи в тюрьме Оклахомы его поместили в холодную камеру и заставили лежать без одеяла и подушки на особенном матрасе, отличавшемся от тех, которые были у других заключенных. Он подвернул конец матраса, чтобы сделать что-то вроде подушки, возможно, поместив радиоактивный материал между правой стороной челюсти и плечом вместо того, чтобы он оказался под правой стороной головы, как это можно было ожидать.

Его здоровье продолжало таять, но все же ему удавалось продолжать работу и проводить беседы на две любимые темы — о Калиле Гибране и Ницше. В дополнение он отвечал на вопросы слушателей, постепенно направляя их внимание на ужасающую обстановку в мире и настоятельную необходимость в личностном перерождении.

Хотя Ошо прекратил свои встречи с прессой, она продолжала интересоваться его взглядами на различные темы, в особенности на темы, напрямую касавшиеся Индии. Редактор «Иллюстрированного еженедельника Индии»(The Illustrated Weekly of India) позвонил, чтобы выяснить, может ли он выслать Ошо несколько вопросов для статьи, иллюстрацию к которой предполагалось разместить на обложке журнала: «Если б я управлял Индией». Статья появилась в выпуске от 8–14 октября 1989 г. Материал начинался следующими словами:

> «Некоторые видят в нем одного из величайших ныне живущих мыслителей. Другие рассматривают его как спекулирующего на доверчивости толпы мошенника, предлагающего простые решения сложных проблем. Чего, однако, никто не может отрицать, так это его магической притягательности. Крысолов[73] из парка в Корегаоне[74] по-прежнему привлекает людей со всего мира. Тысячи людей, безоглядно стремящихся послушать одного человека, которого в Индии многие из нас не стали бы принимать всерьез как шута, исповедующего иную религию. Ибо Раджниш смотрит на жизнь по-иному. Он убеждает вас взглянуть на жизнь по-иному. Увидеть вещи такими, какими вы никогда их до этого не видели.
>
> …Но каковы мысли Ошо Раджниша на эту тему? Не обсуждать проблемы духовности, но выяснить, что он думает об индийской политике».

Главный редактор Притиш Нанди заставил провидца высказать его взгляды на ключевые проблемы, касающиеся

современной страны: коррупция, коммунализм[75], политика в области образования, Рам Джанмабхуми[76]; положение женщин, социализм и, конечно, Дурдаршан[77] и свобода печати.

Но Ошо был гораздо больше озабочен духовным ростом своих людей. Он хотел продемонстрировать им все трудности такого роста и снова напомнить, как важно стало развитие личности. Вначале он сосредоточился на таких темах, как разобщенность человечества и разрушение окружающей среды — как симптомах пороков мира, в котором властвует жадность и крайнее злоупотребление властью. Также он рассматривал Михаила Горбачева как абсолютно разрушительную фигуру, которой манипулирует правительство США, чтобы развалить СССР, и которая не понимает, что разрушает. Ошо правильно предсказал присуждение Горбачеву Нобелевской премии за развал СССР, что в конечном счете навлечет на Советский Союз грандиозные опустошительные стихии с ужасающими последствиями.

В то время, когда весь мир рукоплескал Горбачеву, голос Ошо был единственным предупреждавшим об опасности. Он предвидел возвращение всех старых недугов, столкновения на религиозной почве, национальные и этнические конфликты, развал Югославии. Он говорил, что ему этот мир более не интересен сам по себе — только из-за его людей. Пока не родился тот, кого он называл «новым человеком», планета катится к разрушению, и только этот человек способен спасти ее. Именно из числа его людей появится этот новый человек.

> «Нам придется объяснить миру, какие существуют альтернативы, а таких альтернатив две. Ваш старый мир, ваша устаревшая идеология, приведшая вас к точке, за которой уже невозможно существование жизни. Мы совершенно не связаны корнями с прошлым. У нас есть только будущее и нет прошлого. У вас есть только прошлое, но нет будущего.
>
> Нам придется объяснить им то, что мы сейчас заняты созданием нового человека, потому что старый человек потерпел неудачу, абсолютно проиграл. Все его усилия никуда не привели. И по крайней мере сейчас, когда вы умираете, позвольте нам действовать, дайте нам шанс. Если мы тоже проиграем — это худшее из того, что может произойти. Но вы ничего не проиграете в любом случае — вы все равно уже на пути к гибели, и проигрывать вам нечего.
>
> Таким образом, мы хотим довести до сознания всего мира, что предлагаем альтернативу старым, прогнившим

структурам, которые приходят в упадок и каждый день разрушаются, приближаясь к собственной гибели. Перед гибелью мы можем спасти часть этой разрушающейся структуры, группу молодых интеллектуалов. Если старые люди слишком стары, чтобы измениться, не стоит об этом беспокоиться — они в любом случае идут к своей кончине, но все остальное человечество не обязано умирать вместе с ними.

Если мы можем спасти только молодежь повсюду в этом мире, этого достаточно. Только Адам и Ева создали весь этот мир. Если мы способны спасти молодежь, мы сможем опять заселить мир новыми существами, более высокоразвитыми во всех возможных отношениях. И мы не совершим тех же ошибок, которые были совершены в прошлом».

10 апреля 1989 г. Ошо закончил свою беседу, сказав мягко, но веско: «Помните, вы — Будда. Саммасати»[86]. И когда он встал, чтобы уйти, то почувствовал, что внутри его тела произошло какое-то разъединение, отчего он даже чуть споткнулся. Он медленно вышел из зала со сложенными в простом намасте руками. Никто не понял смысла этих слов. Больше он никогда не выступал на публике.

Новая большая спальня, которую строили в течение двух лет, была закончена, и он переселился туда. Но через две недели он вдруг захотел вернуться в прежнюю маленькую спальню. Это новое помещение потом использовалось для занятий по методике Мистической розы. Позже стало ясно, что на самом деле он всегда рассматривал свою новую спальню как собственное самадхи[78]. Его здоровье продолжало ухудшаться. Он все больше и больше времени проводил просто лежа в постели, ни с кем не встречаясь, вставая только на время вечерней беседы. Когда репортер местной газеты спросил его, как он, Ошо сказал, что у него осталось шесть месяцев до ухода. Репортер, однако, не придал значения этому замечанию.

Я очень живо помню один его даршан, много времени спустя после отъезда из Раджнишпурама в конце 1985 г., когда 25 июня 1989 г. встретил его одного в столовой. Ма Дева Анандо сопроводила меня в его комнату. Я низко поклонился ему. Я увидел, что он сидит на стуле, с очень нежной, прекрасной улыбкой. Его тело выглядело изможденным, но сияющим. Я услышал, как он тихо сказал: «Они разрушили мою мечту! Они попытались разрушить мое тело. У меня болят кости. Все мое тело горит! Потребуется девять лет, чтобы прошли последствия

отравления».

Потом он объяснил, что из-за того, что санньясинам злонамеренно отказывают в визах, он попросил их не надевать оранжевых одеяний и прятать мала под одеждой. Мое сердце разрывалось от боли, когда я слышал о его телесных страданиях. Он с любовью спросил, как мои дела, и сказал: «Хорошо, что ты пришел. Не надо куда-то уходить. Это твой дом. У меня есть для тебя много работы…» Потрясенный его любовью и сочувствием, я с глубокой благодарностью коснулся его ног.

К октябрю 1989 г. у Ошо уже не хватало сил, чтобы танцевать вместе с его людьми. В течение многих лет он призывал людей танцевать во имя радости и ликования и сам танцевал с ними. Теперь он направил им послание — его людям придется танцевать самим по себе, следуя за музыкой, а не за ним. С каждым днем его тело слабело. Он вступил в Братство белых одежд и стоял, сложив руки в намасте, когда его поклонники и друзья собирались в Будда-холле, радостно махая руками и пританцовывая в такт музыке. По мере того как музыканты играли все громче, зал взрывался криками «Ошо!». Потом он прошелся по краю круглого подиума, чтобы лучше видеть своих людей, и крик «Ошо!» снова взорвал тишину.

Как разъясняет Ошо, «Ошо» не только его имя, но и исцеляющий звук. За несколько месяцев до этого он удивил всех тем, с каким юмором расположил все свои старые имена. Первым по порядку было Бхагван. «Шутки кончились», — объявил он. Потом отбросил имя «Шри Раджниш». Он объяснил, что его имя «Ошо» произошло из слова Уильяма Джеймса «oceanic» (океанский), обозначающее нечто, растворяющееся в океане. «Океанский» описывает переживание опыт, говорит он, но что с тем, кто это переживание испытывает? Для этого и существует слово «Ошо». Позже он пришел к пониманию того, что исторически «Ошо» использовалось на Дальнем Востоке также в значении «благословенный, которого небеса осыпали дождем из цветов». Таким образом, все свои бывшие имена Ошо уничтожил насовсем. Остается только исцеляющий звук «Ошо», так, словно он продолжает делать лучшее из того, на что способен, вычеркивая самого себя из того невероятного сценария, которым было его пребывание на земле.

Я оставляю вам свою мечту

16 января 1990 г. Ошо вышел, чтобы посидеть со своими учениками, друзьями и почитателями все время вечерней медитации, которая стала последней. На следующий вечер Амрито в Будда-холле сделала объявление: «С сегодняшнего дня Ошо не будет сидеть с нами. Он будет приходить и приветствовать нас намасте как обычно, но затем сразу будет уходить. Он велел передать вам, что будет продолжать медитировать с нами после того, как покинет зал. Дополнительно всех просят оставаться здесь на весь вечер».

На следующий день Ошо был не в состоянии просидеть даже пятнадцать минут музыкальной медитации и тишины. Он вошел в Будда-холл, его намасте в этот вечер было медленным и неторопливым, но он постарался пройти каждый дюйм зала. Было заметно, как слабо его тело. Сходя с подиума, он был вынужден опереться о стену. Он сделал шаг в сторону и поглядел на музыкантов, сложив руки в намасте, словно желая поблагодарить и попрощаться. Как только Ошо осторожно проводили в его комнату, медитации под музыку и в тишине продолжились как обычно.

На следующий день Ошо испытывал такие боли, что ходил с трудом, и вечером не смог выйти к своим людям. Однако в своей комнате он медитировал вместе с ними, как обычно, начиная с семи часов. Таким образом вечерний даршан состоялся без него.

К утру 19 января Ошо встал утром с еще большими болями, со слабым и неравномерным пульсом. Простой сердечный стимулятор мог бы стать решением проблем с сердцем, но он отказывался от всякой специализированной медицинской помощи. «Существование само отсчитывает свое время», — сказал он своим сотрудникам.

В течение этого дня его тело продолжало медленно слабеть. Он поговорил о работе, которую следовало сделать. Он сказал, что хотел бы, чтобы община продолжала функционировать прежним образом, и выразил удовлетворение тем, как хорошо делается работа. И наконец, он объявил: «Я оставляю вам свою мечту». В пять часов вечера 19 января 1990 г. Ошо покинул свое тело.

Его санньясинов, поклонников Ошо и его друзей собрали в Будда-холле, вечером, для медитации и чтобы взглянуть на любимого мастера. Амрито вошла в зал, взяла микрофон и голосом, дрожащим от слез, поделилась этой новостью.

От шока по телам всех собравшихся в Будда-холле пробежала

дрожь. Известие распространилось по новостным каналам Индии и всего мира, как лесной пожар. Было объявлено, что люди Ошо должны собраться в Будда-холле, пока его тело будут готовить для даршана, а потом заберут на площадку для кремации на берегу реки Мула-Мутха.

Тело Ошо, прикрытое черным бархатом и усыпанное цветами, принесли в Будда-холл и оставили на десять минут на подиуме. Затем в сопровождении длинной процессии танцующих и поющих санньясинов тело отнесли на берег реки. Путь от ашрама до берега реки было запружен людьми. Полиция находилась тут же, чтобы регулировать движение и помогать сдерживать толпу. В десять часов вечера младший брат Ошо, Виджай Бхарти, поднес факел к погребальному костру. Многие оставались на берегу реки до самого утра, прославляя Ошо пением или молча.

Пока погребальный костер Ошо продолжал гореть весь следующий день, в аудитории Чуанг Цу готовилось его самадхи. Конечно, здесь были и слезы, но и очень твердое понимание и прекрасная память о том, что Ошо по-прежнему с нами. Наутро воскресенья 21 января его пепел принесли в общину, а поющие и прославляющие Ошо санньясины, выстроившись вдоль дороги, устилали дорогу лепестками роз. Пепел ныне находится в новом самадхи в аудитории Чуанг Цу под панелью, на которой значится:

> «Ошо: никогда не рождался, никогда не умирал. Только находился на этой планете между 11 декабря 1931 г. и 19 января 1990 г.».

Что происходит, когда какой-то Будда, просветленный мастер покидает тело? Умирает ли он, как всякое другое живое существо? Как мы можем понять феномен смерти просветленного существа наподобие Ошо? Он уже поделился с нами своим откровением на этот счет.

> «Если вы приходите к пониманию выражения „Я прихожу один и ухожу один“, тогда не существует прихода и ухода, потому что душа никогда не рождается, никогда не умирает. Жизнь — это вечный континуум. Она продолжается, она никогда не приходит и никогда не уходит. Тело может появиться на свет, тело может умереть, но та жизнь, энергия, само „я“, душа, либо то, что вы называете сознанием, существующим в теле, никогда не рождалось и никогда не умрет. Это сознание непрерывно. В нем никогда не бывает перерывов.
>
> …Ни один Будда не живет во времени, не живет в пространстве. Его тело передвигается, мы можем видеть

его тело, но это тело не есть Будда. Будда — это сознание, которого мы не видим. Его тело рождается и умирает; его сознание никогда не рождалось, никогда не умирало. Но мы не можем видеть это сознание, а это сознание и есть Будда. Это просветленное сознание является самым корнем всего нашего существования — и не только корнем, но также цветущим древом. Время и пространство оба существуют в этом сознании, а это сознание не существует во времени и пространстве.

Если смерть — это реальность, то существование совершенно абсурдно, существование — это безумие. Если Будда умирает, это означает, что из существования исчезает такая прекрасная музыка, такое великолепие, такая благодать, такая красота, такая поэзия. В таком случае существование очень глупо. Если так, какова цель? В таком случае возможен ли духовный рост? В таком случае как возможна эволюция?

Нет, Будда не может умереть. Он поглощается; он растворяется во всем. Он продолжается. Сейчас бесконечность бестелесна, потому что он стал так безграничен, что никакое тело не может вместить его, за исключением тела самой Вселенной. Он стал так океанически огромен, что у него не может быть маленького воплощения. Он может пребывать только по сути. Он может существовать только как аромат, а не как цветок. У него не может быть формы, он может существовать только в бесформенном разуме сущего».

Ведущий ученый сикхизма и истории и широко известный автор и журналист Кушвант Сингх выразил свои чувства по поводу того, что Ошо покинул свое тело, такими словами:

«Я был действительно огорчен, услышав об уходе Ачарья Раджниша. По моему мнению… он был наиболее оригинальным мыслителем, которого породила Индия: самым эрудированным, обладающим самой светлой головой и бывший самым большим новатором. И вдобавок он обладал врожденным даром красноречия, письменного и устного. Такого, как он, мы не увидим еще несколько десятилетий… Невозможно в нескольких словах оценить этого великого человека. Я бы посоветовал моим читателям прочесть его поучения, опубликованные в книгах. С уходом Раджниша Индия потеряла одного из величайших своих сынов. Потерю Индии по всему миру разделят все люди с открытым

разумом».

Упоминая Ошо как одного из «десяти человек, изменивших судьбу Индии», Кушвант Сингх добавляет: «Ачарья Раджниш: за освобождение умов будущих поколений от оков религиозности и конформизма. Он был глубоко духовным человеком, который осуждал все религии».

Бывший президент Индии Гъяни Заил Сингх также отдал дань Ошо:

> «Я считаю Раджниша очень образованным человеком. Я уважаю Раджниша как одного из немногих индийских философов, кто взял этот мир штурмом. Другие так называемые гуру и мудрецы-свами с удовольствием пользовались покровительством политиков, они были замешаны в таких конфликтных ситуациях, как уклонение от налогов, захват земельных участков и тому подобном. Раджниш был единственным человеком, кто всегда платил подоходный налог и руководил своим ашрамом согласно существующим законам… Раджниш был на порядок выше, потому что был образованным человеком».

11 января 1990 г. бывший премьер-министр Индии Чандра Секхар сказал на одной торжественной церемонии в Дели: «Ошо дал этой стране и всему миру мечту, которой любой народ может гордиться. Ошо дал нам великую силу. Я глубоко преклоняюсь пред его памятью за то, что он дал нам эту силу».

Известный колумнист М. В. Каматх, бывший издатель «Иллюстрированного еженедельника»(Illustrated Weekly of India), сказал: «Однажды я сказал… что Ошо был „йога пуруш“[79]… Слово „йога“ не следует понимать буквально… Что я имел в виду, так это то, что Ошо внес весомый вклад в копилку мудрости и философии нашего времени. Конечно, он выделяется как один из самых выдающихся мыслителей этого века, постепенно идущего на убыль… Говорить об Ошо можно без конца. Провокационно. С вызовом. Через сто лет книги Ошо будут печататься в еще большем количестве экземпляров, чем сама Библия, самый большой современный бестселлер».

Известная индийская поэтесса Амрита Пирам отдала должное Ошо в следующих словах: «Есть люди, которым выпало быть гениями в области мысли, искусства или науки, и изредка мир чествует их. Но Раджниш (Ошо) уникален, абсолютно исключителен. Он один из тех, само существование которых сделало честь этому миру, сделало честь этой стране». Обращаясь

к своим коллегам по Раджъя Сабха (Верхняя палата Парламента Индии), она сказала: «Ему (Ошо) всегда были дороги и Индия, и все человечество… Он один из самых великих людей, которые когда-либо появлялись в Индии».

Многие в Индии сейчас находятся в растерянности, когда мы признаем факт того, что в контексте произошедшего с Ошо на Западе вне зависимости от уровня — политического, интеллектуального или ведомственного — мало кто понимал нелепость нашей нерешительности, равнодушия и отстраненности оттого, что было, разумеется, самым ярким примером векового вклада всей страны в человеческое сознание.

Все более растет осмысление того, что Индия должна продемонстрировать, что у ее народа имеется независимое понимание своего места в сообществе наций и первичный источник собственных ценностей. Только путем таких честных попыток станет возможным признать, какой громадный вклад Ошо внес в раскрытие таких ценностей, как Сатьям, Шивам, Сундерам — истины, доброты и красоты. Следующие слова, исходившие от Ошо, говорят сами за себя:

> «Истина — это не то, что может стать общим, она остается индивидуальной. Общество в своей массе не без причины так боится человека, обладающего истиной, потому что истина не Может стать всеобщей, всеобщей может стать только ложь. Даже одного-единственного человека, исповедующего истину, довольно, чтобы поджечь целый лес лжи, потому что даже тысячи слов лжи не могут выдержать одного правдивого утверждения…
>
> Я уже говорил, что начал мое путешествие в одиночку, и сегодня мне приходится говорить, что я закончу свое путешествие в одиночку — по той простой причине, что я не могу дать вам истину. Если вы с помощью моих приемов откроете ее, вы тоже останетесь в одиночестве. Но истина сама по себе настолько сильна, что способна дать человеку столько сил, что он сможет в одиночку выстоять против целого мира».

Кажется, это начало чего-то нового. Неожиданно стало очевидным, как долго он готовил своих людей. До этого, в 1974 г., он говорил, что постепенно будет отдаляться от них. Сейчас, даже не находясь в своем теле, он присутствует здесь, и это очень ощутимо для всех. Его отказ от любого медицинского вмешательства, которое дало бы ему возможность дольше оставаться в его теле, означает, что, по его мнению, работа была

завершена.

У его людей есть все, что им когда-либо может понадобиться, чтобы продолжать поиски истины. Ошо, абсолютно современный человек, является первым в истории, кто использовал новые технологии для того, чтобы обеспечить понимание сути медитации, понимание сути просветления без физического присутствия мастера. Больше нет настоятельной необходимости искать того, кто мог бы только помочь им обнаружить, что их вводили в заблуждение. Больше нет настоятельной необходимости искать что бы то ни было. Заключительный ответ, окончательное назначение, как это всегда было, находится внутри — в самой личности. И сейчас для любого, кому это интересно, дверь всегда открыта!

Постскриптум. Встреча друзей [80]

Мы собрались здесь, чтобы рассмотреть несколько очень важных вещей.

Я не представлял, что то, что я говорю отдельным людям, когда-нибудь также будет нужно обнародовать. Я никогда не думал об этом. Я говорю с людьми в соответствии с моими возможностями и способностями о том, в чем я нахожу благодать для себя, и обо всем том, что, возможно, сможет им помочь. Но мало-помалу приобретая возможность обратиться к сотням и сотням людей, я пришел к пониманию, я начал видеть, что у меня есть собственные ограничения, и не важно, сколько я, возможно, хочу сказать — я не могу донести мои слова до всех людей, которые в них нуждаются. А многие люди испытывают огромную потребность в них. Вся страна, вся земля жаждет их, находятся в растерянности.

Даже если мы не будем принимать во внимание остальную часть планеты, эта страна сама по себе находится в духовном кризисе. Все старые ценности разрушены, исчезли уважение и внимание ко всем старым ценностям, а новые ценности еще не появились. Человек просто остановился, не имея понятия, куда идти и что делать. В такой ситуации, естественно, человеческий разум должен сильно обеспокоиться, быть очень расстроен и очень несчастен. Каждый отдельный человек несет в себе так много страданий, что если бы мы смогли открыть его сердце и взглянуть в него, мы бы потеряли дар речи. Чем с большим количеством людей я общался, тем более меня озадачивало понимание того, что человек несет в себе совершенно обратное тому, чем он кажется снаружи. Его улыбки фальшивы, его счастье призрачно, а все его так называемые радости также являются ложными. В нем сосредоточены безмерный ад, непроглядная тьма, множество несчастий и страданий.

Есть способы уничтожить эту боль, эту муку. Можно быть свободным от них. Жизнь человека может стать жизнью небесного покоя и мелодии. И с тех пор, как я начал воспринимать это, я также почувствовал, что, если мы не привнесем в жизнь человека чего-то, что приведет его к миру, мы совершаем преступление по отношению к тем, кто в этом нуждается. Сознательно или неосознанно, мы все, упуская такую возможность, совершаем грех.

Так что я пришел к убеждению, что необходимо предпринять нечто, что сможет изменить жизнь возможно большего числа людей. Но у меня есть ограничения, мои возможности и

способности имеют пределы. Один — неважно, насколько я активен, не важно, скольких людей я могу убедить, каким бы обширным ни было мое общение, понимая необъятность жизни вокруг себя, видя это общество с его глубокой неустроенностью, — я не нахожу способа обратиться к каждому в отдельности. Если капнуть краской на берег моря, можно окрасить небольшую волну, но для безбрежного океана это безразлично. И самое интересное, что небольшие волны, которые можно окрасить, через самое непродолжительное время также затеряются в том огромном океане, и цвет тоже исчезнет.

Итак, мы собрались здесь, чтобы обсудить, как этот безбрежный океан жизни, на всю его широту и глубину, можно раскрасить цветами покоя. Но вместе с этим я также понимаю, что человек, который заинтересован единственно в его собственном покое, никогда не сможет стать умиротворенным в истинном смысле этого слова, потому что забота только о себе самом — это одна из причин болезни.

Эгоистичность является одной из основных причин болезни. Человек, который сосредоточен на самом себе и интересующийся только собой, не замечающий чего-то вокруг себя, похож на того, кто построил красивый дом и не хочет возиться с кучами мусора вокруг него. Он может для собственного удовольствия разбить красивый сад, не заботясь о том, что кучи мусора вокруг его дома распространяют зловоние. Если все окрестности утопают в грязи, его сад, его цветы, их аромат будут значить не слишком много. Это зловоние проникнет в его дом и заглушит аромат его цветов.

Человек не должен быть заинтересован только в самом себе, но также в том, что его окружает. Религиозный человек сосредоточен не только на себе, он также интересуется всем вокруг него. Я также убежден, что не достаточно заботиться о своем собственном покое, необходимо беспокоиться о том, чтобы дыхание мира доходило до всех разумных существ, с которыми мы взаимодействуем, с которыми мы связаны. Это также должно нас интересовать. И человек, который искренне стремится и жаждет привести все в жизни вокруг себя к покою, обнаружит, может ли он или не может добиться успеха в умиротворении других, но благодаря самим этим усилиями сам обязательно обретает умиротворение.

В жизнеописании Будды есть такая притча. Возможно, это вымышленная история, но она очень красива. Когда Будда достиг нирваны, окончательного освобождения, он подошел к двери мокша, вечного спасения, и привратник открыл ворота. Но Будда стоял спиной к ней. Привратник спросил: «Почему ты стоишь спиной к мокша?» Будда ответил: «За мной есть много людей, и

пока они все не достигнут мокша, я буду стоять здесь и ждать. Я не настолько бессердечен, подл и жесток, чтобы войти во спасение в одиночку. Весь тот покой, которого я достиг, просто говорит мне, что я должен быть последним человеком, который войдет в мокша, первыми должны войти другие».

Это очень красивая история: предание гласит, что Будда все еще ждет у ворот мокша, так что все остальные могут войти первыми, а сам он хочет войти в последнюю очередь.

Сердце того, в ком пробудилось такое чувство, уже достигло мокша, ему не нужно входить в какие-либо ворота мокша. Для него все понятия о мокша становятся безразличными. Только на тех людей снисходит мир, в чьей жизни возникает сильное стремление распространять мир вокруг себя.

Я убежден, что те друзья, которые заинтересовались этим направлением, не должны сосредотачиваться только на себе, но должны интересоваться другими людьми, а также тем, что их окружает. Потому что этот интерес может принести пользу другим, и даже если это не так, это все равно будет очень значимо для них самих; это поможет им глубоко войти в великий покой и в великое блаженство, потому что одна из причин болезни состоит в эгоизме. А тот, кто избавляется от эгоизма, обращается к окружающим, сам начинает двигаться по направлению к покою.

Мы собрались здесь, чтобы я мог обсудить с вами, каким образом послание любви, мира и сострадания можно будет донести до возможно большего числа людей. Какие методы мы можем подыскать, чтобы убедиться, что сообщение доходит до них? Возможно ли это? Это не должно быть пропагандой, не должно быть созданием культа, для этого нет необходимости создавать организацию или группу. Нам не нужно создавать центр, который бы стал влиятельным сам по себе, но мы, не становясь группой, не создавая культа, не становясь организацией, без создания какой-либо централизованной власти должны распространить это послание как можно шире, и это следует очень хорошо обдумать.

Если кто-то хочет создать культ, то много думать об этом не нужно; если кто-то хочет создать организацию, об этом много думать не нужно — все в мире знают, как создавать группы и организации. Уже созданы тысячи культов. Мы не собираемся создавать еще один культ вдобавок ко всем этим культам. Вот почему необходимо все тщательно продумать — так, чтобы не создать культ или организацию — и все же иметь возможность поделиться со всеми тем, что мы любим и что мы считаем для нас благословенным.

Мы не хотим стать пропагандистами, и в то же время такое имеет право на существование для распространения наших идей. Следовательно, это очень деликатный вопрос, и он должен быть продуман очень тщательно и с большой чуткостью. Это как ходьба по канату. Один из вариантов — не распространять идеи совсем, потому что существует опасность создания культа. Это означает, что мы просто не доведем послание до кого-либо вообще. А вторая альтернатива заключается в том, что мы распространяем послание, но в конечном итоге создаем культ. Эта опасность тоже существует.

Мы должны распространить послание, но абсолютно необходимо позаботиться о том, чтобы не создать культ. Так что это вопрос — как сделать распространение возможным без пропаганды, без того, чтобы стать культом или организацией, так, чтобы необходимая передача, жизненно важное послание достигло максимального числа людей. Это то, ради чего вас пригласили сюда, на это обсуждение.

На следующих встречах я постепенно расскажу вам о том, как представляю себе эти вещи. И я также ожидаю, что вы сосредоточите ваши мысли в том же направлении. Я расскажу вам о нескольких основных вещах так, чтоб вы могли их обдумать. Первое: наша встреча друзей сегодня не так велика, как само послание. Организация не нужна, необходимы только встречи. Второе: следует четко понимать разницу между организацией и встречами. Встреча означает, что каждый свободен, он пришел по собственному выбору и может свободно уйти. Смысл встречи заключается в том, что все равны, никто не может стоять выше или ниже, никто не включен в какую-либо иерархию, никто не является последователем, никто не является лидером. Вот в чем значение встречи.

Нам необходимо создать сбор друзей, а не организацию, в которой есть руководители, иерархии, высшие и низшие члены. И организация имеет свою инфраструктуру, существует иерархия от низа к верху, есть ранги и должности, а вместе с этим приходит политика. Потому что политика обязательно появляется везде, где есть статус и положение. Те, кто занимает какое-то положение, боятся, что кто-то может их заменить. Те, кто не занимает какого-то положения, стремятся его занять. Так что у организации есть свои собственные риски.

В союз каждый человек должен вступать только по соображениям своей любви. У него не должно быть каких-то иных побуждений, кроме любви; нет других заповедей, которым он должен следовать, и не существует каких-либо клятв и обещаний, которых он должен придерживаться, и при этом нет никаких

обетов и заповедей, которые он исполняет. Он присоединился к нам только исходя из своей любви и свободы личности, и он может покинуть встречу в тот момент, когда он захочет так поступить. И даже тогда, когда он является частью союза, он не связан какой-либо догмой или идеологией; даже тогда он свободен иметь отличное от чужого мнение, иметь свои собственные мысли, следовать своим собственным убеждениям, руководствоваться своей собственной мудростью. Он здесь не для того, чтобы быть чьим-то последователем. Так сбор друзей, Дживан Джарути Кендра, может стать явью; мы должны думать примерно так.

Конечно, правила, по которым формируется союз друзей, отличаются от правил, по которым формируется организация. Союз друзей — именно то, что мы можем назвать анархическим образованием. Организация является хорошо спланированной системой, связанной обязательными правилами, принципами и законами. Я не хочу связывать людей законами, правилами или принципами, потому что я постоянно борюсь против самых этих вещей. Такие организации уже существуют по всему миру. У нас нет цели создавать еще одну из многих.

Конечно, организация более эффективна, такой эффективности в союзе быть не может. Но получать эффективность за счет свободы — это слишком дорого. Демократия не так эффективна, как диктатура. Однако их эффективность может быть принесена в жертву, свободу же приносить в жертву нельзя. Встреча друзей означает добровольное общение свободных индивидуумов. Если там будут существовать хоть самые минимальные законы и внутренняя система, они будут в подчинении людей, а не над ними. Они будут функциональны, они не смогут быть целью. Мы будем вольны приостановить их действие в любой момент. Они никогда не смогут управлять нами. Закон будет для нас, а не наоборот. Важно иметь это в виду.

Сейчас некоторые из друзей считают, что у нас должен быть устав. Конечно, некий устав должен быть, но не такой, какой бы мог быть у организации. Он должен быть оформлен с учетом того, что он делается для союза друзей. Он будет очень функциональным, он будет практичным и должен быть создан с учетом определенной цели, но никто не будет настаивать на точном его соблюдении. Он может быть отброшен и отменен в любой момент. И важно иметь в виду то, что, каким бы ценным устав ни был, наши друзья, каждый в отдельности, являются более ценными, чем он, потому что этот устав был создан ради этих друзей, а не они собрались здесь ради устава. Таким

образом, мы должны создать такой союз друзей, где сохраняется ценность и достоинство каждого человека. Очевидно, что чем больше будет людей, тем разнообразнее будет их мышление и понимание. Чем больше число друзей, тем больше различий, среди них, естественно, будет.

Итак, мы не должны пытаться внести единообразие, в противном случае появится организация. И чем больше мы будем стараться создать единообразие, тем скорее начнет разрушаться индивидуальное в человеке, его достоинство и его свобода. Речь идет не об однородности, но об уважении всех друзей, даже за различия в их мнениях. Потому я предвижу, что свободомыслие в этой стране может появиться повсеместно. Тогда не возникнет опасности, что люди, которые хотят появления свободомыслия, сами попадут в ловушку контроля за мышлением. Так, даже по отношению ко мне это собрание друзей не должно испытывать особого почтения. По отношению ко мне также не должно возникать чувство особого благоговения. По отношению ко мне также должен существовать рациональный, продуманный подход. Если то, что я говорю, кажется вам правильным, если оно вам подходит, если представляется полезным, только тогда вы должны довести это до сведения людей. Не совершайте ошибку, донося до людей то, что я говорю, только потому, что я это сказал.

Союз друзей не должен концентрироваться вокруг какого-либо отдельного человека. Потому что этот человек, я или кто-либо другой, может стать предметом поклонения. У нас не будет никакого преклонения перед кем-либо, и у нас не будет никаких последователей, а также не будет какого-либо лидера. Мы все вместе влюблены в провидение, в послание и чувствуем, что, если донести его до людей, оно принесет им пользу; поэтому мы, друзья, собрались здесь, желая донести это провидение до людей.

Поэтому прежде всего мы немного поговорим об организации. Мы не хотим создавать организацию — только собрание друзей. И мы постараемся понять тонкое различие между этими понятиями. Оно будет состоять в ответственности каждого человека, который будет стараться сохранить собрание друзей от превращения в организацию. Я не способен делать это в одиночку. Я могу только говорить об этом, но в одиночку делать это я не могу. И если мы не будем очень бдительны, то существует опасность, что наш союз может стать организацией. Поэтому необходимо быть очень бдительными. И это должен быть очень осознанный эксперимент — такой, чтобы союз не превратился в организацию.

Есть несколько малоизвестных способов, при помощи

которых формируется культ; культ начинает формироваться прежде, чем мы осознаем это. Поэтому мы должны быть осторожны и в этом отношении. И если мы заранее осознаем подобное, тогда, возможно, мы сможем организовать все таким образом, чтобы этого не произошло. Это один из вариантов. А другая возможность заключается в том, что, опасаясь, что это может стать организацией или культом, мы совсем ничего не будем делать.

Это другая опасность: если ничего не будет делаться, то послание, которое необходимо распространить, не будет распространяться. Таким образом, эта тяжесть ложится единственно на мои плечи, заставляя работать так много, как я только могу, чтобы донести до людей это послание. Я буду продолжать делать это в любом случае, для меня это не имеет значения. Но то же самое послание может дойти до гораздо большего числа людей. Чем больше друзей будет работать вместе, тем дальше оно сможет дойти, тем легче его будет распространять. И сегодня наука изобрела так много модернизировавших общество технических средств, что было бы глупо ими не воспользоваться. Мы сделаем ошибку, если не используем их.

Например, в том случае, если бы я говорил здесь без помощи микрофона, этого было бы вполне достаточно. Даже если мой голос доходил бы до вас не слишком ясно, все равно это было бы достаточно. Когда здесь находится меньше людей, они меня слышат, но если бы здесь было больше народа, то мой голос не услышали бы те, кто сидит довольно далеко. При использовании микрофона мой голос может дойти куда дальше. Сегодня доступно так много технических средств, что при использовании их всех один человек может в своей жизни сделать много больше, нежели успели бы Будда и Махавира за двадцать жизней, захоти они прожить столько.

Будда и Махавира находились в невыгодном положении. Используя те средства, что имелись в их распоряжении, они сделали более чем достаточно. Но если кого-нибудь попросили работать таким же образом в настоящее время, это было бы сущей глупостью. Сегодня доступно много технологий, из которых можно извлечь пользу. И один человек может сделать гораздо больше за одну свою жизнь, нежели он мог бы успеть, проживи он даже четыреста лет без современных технических средств. Поэтому мы должны использовать все возможности этих технологий. Очень важно думать об этом. Я не в силах сделать это в одиночку. Для этого необходимо много больше друзей, нужны самые разнообразные друзья. Кто-то может заниматься

физическим трудом, кто-то может использовать свой интеллект, кто-то может помочь деньгами, кто-то может помочь каким-то иным способом — как он сам то понимает, соответственно своему характеру и тому, чем он располагает.

Важно также помнить, что чем шире круг друзей, тем лучше, потому что чем больше разных людей приходят, внося каждый свой особый вклад, делая различные виды работ, предлагая различные виды помощи, тем более насыщенной становится работа.

Часто бывает, что друзья боятся допускать посторонних в пределы своего круга. Они боятся, что, коль скоро появился незнакомец, он принесет с собой разные неприятности. Так оно, как правило, и случается всякий раз, когда собирается вместе группа друзей, образовывая свой круг, а затем опасаясь присоединения к ним новых друзей. Опасения заключаются в том, что новичок может создать помехи. И такой страх также естественен. Защитная реакция не такая уж плохая вещь, но давние друзья, знающие друг друга лет двадцать пять и опасающиеся одного-единственного новичка — это признак величайшей слабости. Надо думать, что мы, двадцать пять человек, изменим новичка, а не новичок вместо этого изменит нас, двадцать пять человек! И если мы, двадцать пять человек, настолько слабы, что только один новичок может нас изменить, то нас следует изменить; какой от этого вред? Что в этом такого плохого?

Всегда бывает так, что каждый раз, когда собирается группа, она начинает очерчивать свой круг. Затем создается дистанция между ним и людьми за пределами этого круга. Это происходит неосознанно, никто не делает это сознательно. Это естественное свойство ума.

Если вы идете в какую-то неизвестную деревню и с вами есть несколько друзей, то, возможно, вы ни с кем в этой деревне не подружитесь. Вы останетесь в кругу тех немногих друзей и не выйдете из него. В ситуации, когда вы окажетесь в неизбежном одиночестве, все будет совсем по-другому; вы, может быть, подружитесь с кем-нибудь. По-иному вы себе нового друга не найдете.

Таким образом, каждая группа имеет тенденцию к самоограничению; есть тенденция замыкаться в себе. И это ограничение является основой некоторой безопасности; все известно, все спокойно; все, что нравится нам, остальным нравится тоже. Кто-то чужой, явившись, может сказать что-то новое и может все нарушить. Мы должны отбросить этот страх. Если мы наметили распространить нашу работу возможно шире,

страх этот должен быть отброшен. Акцент должен быть сделан на том, чтобы оставаться уживчивыми, наши сердца должны быть такими огромными и открытыми, наши руки должны простираться настолько далеко, чтобы мы могли привлечь в наши ряды даже людей совершенно противоположных по природе. Ни один не должен оставаться в стороне. Мы должны создать внутри себя пространство даже для тех, кто отличается от нас, и мы должны выяснить, какие навыки из имеющихся у него могут быть для нас полезными.

В связи с этим в последние годы в Индии Махатма Ганди проводил великий эксперимент. Он собрал вместе много людей разных, даже взаимоисключающих взглядов. Абсолютно непохожие друг на друга люди, между которыми никогда не могло быть достигнуто единогласия, шли под одним знаменем, став орудием в этом эпическом начинании.

Когда же кто-то думает, что людей разных взглядов, идей и личных качеств не следует привлекать к какому-то отдельному начинанию, потому что это начинание не может завершиться успехом, оно останется очень ограниченным. Оно будет подобно речке, думая, что: «Не все реки и речушки, прибегающие из других отдаленных мест, должны вливаться в меня; кто знает, какую грязь и мусор, какие вещества и минералы они могут принести с собой, и хороши или плохи их воды». Если река начинает думать подобным образом, то она останется ручейком; она не сможет стать великой рекой, наподобие Ганга. А если она хочет стать Гангом, она будет вынуждена принять их всех. Мы должны обладать этой способностью — принимать всех.

Необходимо подумать о том, как привлечь возможно больше людей. Нам необходимо создать пространство. Медленно, постепенно мы должны понять, как дать людям возможность присоединиться к нам, как мы можем найти для них работу и как помочь им участвовать другими способами.

Так много людей со всей страны приходят и говорят мне, что хотят помочь в работе, и еще больше пишут мне письма, спрашивая, что они могут сделать, чтобы помочь в работе. Ваш долг — дать простор всем этим друзьям, чтобы они смогли внести свой вклад. И вы должны полностью отбросить мысль, что там появится кто-то, кто не сможет принести хоть какую-то пользу. Такого человека на земле не существует. Что говорить о людях, если даже животные и птицы становятся полезными. Даже от них есть польза…

Нет абсолютно никого, от кого-то нельзя получить хоть какую-то помощь — ни один человек на этой земле не бесполезен.

Так что мы должны смотреть на то, чем лучше занять того, кто заинтересован в сотрудничестве. Если мы ограничиваем себя представлениями о том, что этот человек такой, а тот сякой, то это будет очень сложно, вы не можете себе представить, сколько работы придется отложить.

Раньше один человек часто приходил к ашраму Ганди… Люди жаловались, что на самом деле он был аморален, что был пьяницей, что он делал то, что он делал это, но Ганди просто продолжал слушать все это. Все друзья были очень обеспокоены тем, что Ганди не запрещал этому человеку приходить к ашраму, напротив, он все больше приближал его к себе, пока наконец однажды, когда его страхи исчезли, этот человек нахально вошел в ашрам.

Однажды некоторые из приближенных Ганди сказали ему, что эта ситуация зашла слишком далеко; в тот день они своими глазами видели, как этот человек сидел в баре; и это совершенное позорно и бесчестно, когда такой человек пил вино, одетый в кхади, белую одежду, как у самого Ганди, и что это очень неуместно, если такой человек приходит в ашрам и что для ашрама это будет позором.

И Ганди говорил: для кого бы я открыл этот ашрам? Для хороших людей? Куда в таком случае пойдут плохие люди? А тем, хорошим людям, зачем им идти в ашрам? Для чего и для кого же я здесь в первую очередь? А во-вторых, вы говорите, что он сидел в баре, одетый в кхади, и что подумают люди? Если б я увидел его, то бы прижал его к сердцу. Потому что прежде всего я мысленно удивился — кажется, мои слова уже стали проникать в массы; даже пьяницы начали носить кхади. Вы видите, что кто-то, носящий кхади, пьет вино — я бы увидел, что кто-то, кто пьет вино, начал носить кхади. И в таком случае, недалек тот день, когда этот человек может бросить пить вино. Этот человек начал перерождаться. Он проявил мужество, по крайней мере, он носит кхади. В его сердце зародилась любовь, в нем началось перерождение.

Так вот, этого человека можно рассматривать с двух сторон: то, что он пьет вино, будучи одет в кхади; тогда вашему рассудку захочется выбросить его из ашрама. Но это можно рассматривать и с другой стороны: что пьющий человек был одет в белое кхади. Тогда вы примете его, приветствуя его в ашраме с ликованием.

Если необходимо расширить границы этого ашрама и если он должен дойти до масс, тогда придется принять вторую точку зрения, а не первую. Тогда кто бы ни приходил к нам, мы будем видеть в нем только хорошее и то, каким образом он может быть нам полезен. И также я хотел бы сказать вам, что мы собираемся

отдавать несметные количества драгоценной энергии и стимул к тому, чтобы быть хорошим человеку, на которого мы посмотрим с любовью.

Если двадцать хороших людей начинают принимать плохого человека как хорошего, ему становится трудно продолжать быть плохим. Но когда весь мир начинает называть кого-то плохим, ему становится просто стать или продолжать быть плохим. Если кто-то является вором, а другой человек выказывает к нему доверие, так, как будто он не вор, его наклонность воровать и вероятность того, что он будет красть, ослабнет. Потому что нет никого, кто бы не уважал добрые чувства другого сердца.

Если вор придет сюда, в нашу среду, мы все должны будем доверять ему, как будто он был хороший человек, тогда он не будет в состоянии воровать здесь. Такое идет вразрез с общепринятыми законами, но становится невозможным. Потому что то, что так много людей выказывают уважение и доверие к нему, гораздо ценнее, чем то, что он мог бы украсть, и он не сможет противостоять этому.

Все и каждый имеют склонность к тому, чтобы быть хорошим, но проблема в том, что никто не готов принять их. И когда они встречают кого-то, кто готов принять их как хороших, вы не можете себе представить, что просыпается и поднимается в них.

Может быть, вы слышали имя американской актрисы Греты Гарбо. Она родилась в бедной семье в маленькой европейской стране. И до девятнадцати лет она за крошечную плату работала в качестве помощницы в парикмахерской.

Американский турист, бороду которого она намыливала, увидел ее лицо в зеркале и сказал:

> «Очень красивое, у вас очень красивое лицо».

Грета сказала ему:

> «О чем вы говорите? Я делаю эту работу шесть лет, и никто никогда не говорил мне, что я красивая. О чем вы говорите?! Я действительно красивая?!»

Американец сказал:

> «Вы очень красивая. Я редко видел такую красивую женщину».

И Грета Гарбо написала в своей автобиографии:

> «В тот день я стала красивой в первый раз. Один

человек назвал меня красивой. Я и сама этого не знала. В тот день, когда я вернулась домой и, стоя перед зеркалом, поняла, что я стала совсем другой женщиной».

Эта девушка, которая была помощницей в парикмахерской до девятнадцати лет, впоследствии оказалась величайшей американской киноактрисой. И все это только благодаря тому, что клиент в первый раз сказал ей, что она красива.

Она утверждала:

> «Если бы этот человек не сказал мне эти несколько слов, я бы, наверное, осталась помощником парикмахера до конца жизни. Я понятия не имела, что я красивая. Вполне возможно, что он сказал это просто так. Возможно, это была лишь вежливость. И вполне возможно, что этот человек даже не осознавал, что он говорит; это, возможно, было мимолетное замечание. И он, возможно, даже не почувствовал, что его простое утверждение породило в женщине ощущение собственной красоты, каким-то образом пробудив то, что спало доселе».

Необходимо пробуждать то, что спит в людях, для которых вы хотите что-то сделать. Поэтому необходимо делать упор не на то, чем или кем они являются, но более на то, кем они могли бы стать.

Крипалани[81] долго работал поваром в ашраме Ганди. Один американский журналист, живший в ашраме, спросил: «Этот человек, который готовит для вас еду, кажется Дж. Б. Крипалани?» Крипалани, который мыл тарелки, сказал: «Этот старик удивляется! В самом деле, мне было только и дано, чтобы быть поваром, а этот человек разбудил во мне что-то неописуемое».

Пробуждение может произойти даже в самом ничтожном человеке. Когда мы обратимся к нему и вызовем то, что спит в его душе, когда мы поверим в него, обратимся к нему и вызовем отклик в том, что спит в нем, из него многое может получиться. Можно деморализовать даже величайшего человека; если вы скажете величайшему человеку, что он ничтожество, и если он услышит такое несколько раз и от разных людей, будьте уверены — он станет ничтожеством.

Таким образом, этой стране необходима духовная революция в самых крупных масштабах, необходима обязательно. И если мы сможем лишь проложить для нее путь, этого тоже будет достаточно, потому что кто-то другой завершит наше дело. Какая

разница, чьими руками это осуществляется? Дело не в том, что это должно произойти только с нашей помощью. Нет, если мы можем проложить путь для того, чтобы потом, когда-нибудь, революция смогла бы пойти нашим путем, этого более чем достаточно; об этом мы уже позаботились.

Таким образом, если мы решили это сделать, должна быть собрана очень внушительная группа. Организация никогда не сможет стать всесторонней. Группа друзей может быть очень полноценной, очень всесторонней, потому что в ней есть приятие разнообразия. Никто никого ни к чему не принуждает, никто никем не руководит. В рамках группы каждый является свободным и никто не находится под контролем. Ведь если умный человек начинает чувствовать, что находится под контролем, это беспокоит его. Ни один мыслящий человек не переносит неволи.

Людям с комплексом неполноценности хочется находиться под контролем; только тот, кто ощущает собственную неполноценность, предпочитает оковы; никто, кроме них, таковыми не отягощен. Поэтому группа должна быть настолько открытой, что, когда кто-то приходит в нее, он не должен даже почувствовать, что он пришел туда, где его могут унизить. Он должен чувствовать себя свободным. Приходит ли он или выходит из группы, он не должен чувствовать себя в ней чужим или то, что его приход внес какую-то рознь.

Я бы хотел появления такой всесторонней группы друзей. Потому что люди, которые первоначально собрались для подготовки революции, не представляют, насколько большой эта революция будет. Соратники Ленина и понятия не имели, какой масштаб примут события 1917 г. Вольтер и его друзья тоже понятия не имели, что принесет Французская революция. Ганди и его соратники также не знали, что произойдет или не произойдет. Христос совершенно не знал, чему он положил начало… У Христа было всего восемь друзей, и они все были не слишком образованными людьми, простыми крестьянами, кто-то был плотником, кто-то был сапожником, кто-то рыбаком — необразованные люди. Христос никоим образом не мог себе представить, что произойдет такая всеобъемлющая революция и в один прекрасный день половина мира узнает о его послании. Он не мог даже представить себе подобное.

Никто из тех, кто сначала сеет семена, не представляет себе, насколько большими будут деревья. Будь это так, работа бы стала невероятно прекрасной.

Встречаясь со все большим и большим числом людей по всей стране, я начал понимать, что эта работа может разрастись до

размеров огромного баньянового дерева. Тысячи людей смогли бы найти тень под этим деревом. Оно могло бы стать неисчерпаемым источником, способным утолить жажду миллионов. Но это еще непонятно тем друзьям, кто впервые присоединился к нам здесь. Если они способны осознать это, тогда, возможно, смогут приступить к работе организованно.

Недавно я прочел одну научную книгу. В России, прокладывая дороги, планируют, сколько народа будет использовать эти дороги через сто лет и затем строят их соответственно. А вот мы здесь, в нашей стране, тоже прокладываем дороги, но даже не принимаем во внимание то, сколько народа будет ездить по ним в течение хотя бы двух лет. Поэтому каждые два года дорога нужно раскапывать снова, чтобы сделать их шире. И каждые пять лет мы понимаем, что трафик увеличился и дороги уже не соответствуют ему. Подобно слепцам, мы не можем даже оценить, сколько людей будет использовать эти дороги!!! Но эти удивительные люди могут спроектировать, сколько людей будет в данном городе через сто лет, и сколько народа будет пользоваться дорогами через сто лет, и насколько широкими дороги должны быть через сто лет, а потом решить, как лучше, соответственно, сейчас их строить[82].

Труд тех, у кого имеется такой перспективный проект, становится легче, а периодически возникающих трудностей — меньше.

Непосредственно сейчас группа друзей невелика, но через десять лет она может стать много больше, чем вы можете себе представить. И мы должны работать, имея в виду: дорога должна делаться достаточно широкой, чтобы соответствовать такой возможности. Через десять лет по этой дороге будут ходить незнакомые люди, а вас здесь не будет, и меня здесь не будет, здесь никого из нас может не быть, но кто-то будет ходить по этой дороге. Поэтому, работая, мы должны держать это в уме. И мы должны помнить также, что мы не представляем собой ценности; тот путь, который мы создаем и которому мы посвятили наши жизни, — вот что дорого. Если он велик и достаточно широк, то послужит многим и многим людям.

Нам необходимо рассмотреть эти моменты подробно. Я уже упоминал несколько вещей, касающихся предмета, который мы рассмотрим в ближайшие дни. Необходимо детально рассмотреть каждый из этих пунктов, чтобы понять, что с ними можно сделать. Мое понимание этих деталей очень ограничено. Вы понимаете в этих вещах больше, чем я.

Я могу рассказать вам о некоторых главных пунктах, которые необходимо обдумать. Но у меня почти нет понимания деталей

того, как все это должно быть сделано, сколько человек нужно, чтобы это выполнить, сколько денег потребуется, как много труда потребуется вложить. Все это вы, наверное, знаете лучше, чем я. Какую придать этому практическую форму и как приняться за это, вы, конечно, знаете лучше, чем я. Я не знаю даже азбуки этого.

Вот почему я решил рассказать вам о моих идеях, а также хотел бы выслушать ваши идеи. И между этими двумя наборами идей, в их слиянии, возможно, что-то появится на свет. Я могу рассказать вам кое-что о небе, но я не знаю о многих земных вещах. И разговоры о небе сами по себе не имеют большого значения. Корни должны идти в землю. Из земли они должны брать воду и питание. Поэтому я буду говорить о том, как может дерево разрастись до самого неба и как оно может дать цветы, но вам придется немного подумать о корнях. И помните, цветы не так важны, как корни. Цветы зависят от корней.

Словом, какими корнями мы можем обеспечить эту работу так, чтобы дерево могло расти? Я приложу все мои силы и энергию, вырастет ли оно или нет — я все равно буду их прилагать. Для меня это не работа, это моя радость, блаженство. Не имеет никакого значения, будут ли у меня соратники или нет, она пойдет тем же путем. Но если у меня будут товарищи, работа станет масштабной и дойдет до множества людей.

Я рассказал о своих соображениях. Теперь обдумайте их; подробно; что можно сделать, как это можно сделать. Обдумайте это с абсолютно открытым разумом, потом мы это здесь обсудим. Я буду ждать вас с вашими мнениями завтра утром; выражайте их, обсуждайте их и затем вырабатывайте решение.

Встреча, что я здесь провожу, невелика. Но потом можно разработать идею, как устроить сбор для всех моих друзей со всей страны, заинтересованных в этой работе. Эта встреча экспериментальная, потому что чем меньше людей, тем легче они смогут прийти к соглашению. С большим числом людей это, возможно, не будет так просто.

Поэтому мы должны поразмыслить, а затем снова провести сбор, в котором смогут участвовать люди со всей страны. Им всем необходимо встретиться друг с другом, необходимо познакомиться друг с другом. Они делают работу в своих местностях. Для их работы необходимы ваше сотрудничество и поддержка. Они не должны чувствовать себя одинокими. Они должны чувствовать, что у них есть больше друзей по всей стране, что они не одиноки, что у них есть попутчики, и что, в случае необходимости, все они будут с ними, посоветуют, или, если будет работа, они придут и помогут.

Недавно друзья в Раджкоте рассказали мне, что хотят

донести мое послание в те города и места, где я еще не был. И они хотят создать там базу, так чтобы я мог приехать туда.

Такая необходимость назрела. Когда я приезжаю в новый город, несколько сотен или несколько тысяч человек приходят, чтобы послушать меня. Если некоторая подготовка работы будет сделана заранее, меня смогут услышать десять тысяч, пятьдесят тысяч человек.

Друзья в разных местах приходят ко мне с различными предложениями. Их предложения очень важны, очень полезны. Все эти друзья могут встретиться, чтобы обсудить ситуацию. Эта встреча станет основой для дальнейших действий. Поэтому сейчас я не буду больше ничего говорить. С завтрашнего утра мы начнем обсуждать детали. И имейте в виду, что вы приехали сюда не для того, чтобы послушать меня. Это собрание не ради моих бесед. Я говорил ровно столько, сколько говорил, и вы также можете высказываться. Я не произносил речь, все это было просто для того, чтобы побудить вас думать и обсуждать.

А идея заключается в том, что за эти два дня совместного обдумывания и размышления мы пришли бы к некоторым выводам, так, чтобы двигаться вперед, основываясь на твердых решениях. И это, в свою очередь, позволит нам выполнить некоторую часть работы.

Динамика отношений гуру — шишья (учитель — ученик)

В историческом и социальном отношении гуру всегда занимал очень заметное и высокое место в индуистском обществе. Его идентифицировали с Божественным началом: ачарья дево бхава. Почти в каждой индуистской семье был гуру, который действовал как проводник, советчик и мотиватор. В глазах членов этой семьи его статус был очень высок.

В широком смысле мы можем рассмотреть гуру в трех различных ролях.

• Как семейный гуру: он также обладал религиозной властью, был главой религиозной секты. Тот, кто мог выполнять ритуалы, руководить радостными событиями, такими как празднество по случаю рождения в семье ребенка, заключения брака и другими торжествами.

• Как формальный учитель и воспитатель: он обучал и передавал знания в школьной обстановке.

• Как самореализовавшаяся личность, которая много познала: как созерцатель, понимающий внутреннюю связь между различными вещами. Он тот, кто узрел, или познал, истину. Тот, кто разрешил все противоречия жизни и достиг душевного равновесия; высшего состояния осознанности — самадхи. Однажды достигнув этого состояния, он может стать затворником и уйти из общества, наслаждаясь свободой в состоянии блаженства. Или он, если изберет сам, может остаться в обществе и помогать ищущим в их духовном росте. Одно его присутствие божественно, харизматично, что проявляется в сочувствии, любви и благословенности.

Мы рассмотрим в динамике отношения гуру — шишья, имея в виду гуру как уважаемую, значимую персону и ученика как искателя истины. Сначала (хотя невозможно дать оценку описания гуру) мы можем взглянуть на его мистическую природу следующим образом:

• Гуру — это явление, а не человек. У него нет личности.

• Гуру — это реальное существо с его собственной индивидуальностью.

Гуру находится за пределами двойственности.

Он не является мыслителем или философом. Он — провидец, драшта. Он предвидит все благодаря высочайшему уровню сознания.

Он не учит; он указывает, как указывают дорогу путнику,

сидя на вершине холма.

Он также не учитель и не проводник, но катализатор, само присутствие, слова, жесты которого могут принести перерождение в жизнь человека.

Он ничего не ожидает от кого-либо и не оправдывает чьих-либо ожиданий.

Гуру действует скорей как психотерапевт — главным образом как целитель. Будда называл себя вайдья, врачеватель. Гуру диагностирует нашу внутреннюю болезнь, дает прогноз, а также лекарство (настоящую медитацию) для исцеления и восстановления здоровья искателя.

Гуру не тот, кто изменяет, он тот, кто перерождает. Измененный человек может вернуться к своим слабостям или совершить грех, перерожденный человек неизменен. Если гуру выбирает пребывание в обществе, он в таком случае врачует общие недуги — болезни и недомогания, распространенные в обществе. В этом отношении он действует как бунтарь — бескомпромиссный разоблачитель, часто шокирующий и принимаемый за сумасшедшего.

Такого гуру могут любить или ненавидеть, но его невозможно игнорировать.

Подлинный гуру — садгуру — не творит чудес, но чудеса творятся вокруг него.

Народ приходит к нему со всевозможными вопросами; гуру отвечает, но на самом деле не дает «ответа», но скорее помогает снять вопрос в целом. Таким образом он подводит спрашивающего к точке, где тот начинает настоящие поиски, исследование, изучение и не зависит от данного ему или готового ответа.

В ходе поисков истины гуру вовлекает искателей, учеников в творческий диалог. Путем напряженного энергетического процесса словесного и несловесного обмена гуру раскрывает глубочайшие тайны жизни и окружающей нас Вселенной. Замечательные примеры подобного диалога имеются в «Упанишадах» между Господом Кришной и великим воином Арджуной в «Бхагавад Гита», диалоги между Сократом и Платоном и другими: беседы между Гаутамой Буддой и его учениками; известный диалог между мудрецом Аштаквакрой и царем Джанакой. В теперешнее время подобные диалоги и беседы проходили с участием Свами Рамакришны Парамхамсы[83], Махавши Раманы, Дж. Кришнамурти и Ошо.

Современный просветленный мистик Ошо излагает следующий взгляд на понимание места и роль гуру:

«Роль гуру состоит в том, чтобы дать вам яркий взгляд на реальность — не обучением, но пробуждением. Гуру не учитель; он тот, кто пробуждает. Он не должен давать вам доктрины. Если он дает вам доктрины, он — философ. Если он говорит вам о мире, как иллюзии, обсуждает и доказывает, что мир иллюзорен, если он обсуждает, спорит, если он глубокомысленно преподает вам доктрину, он не гуру, он не мастер.

Он, возможно, учитель, учитель определенной доктрины, но он не мастер. Он не гуру.

Гуру не тот, кто преподает доктрины. Он тот, кто дает метод — тот метод, который поможет вам проснуться ото сна. Вот почему гуру всегда разрушитель ваших снов, с ним всегда нелегко. Всегда очень легко общаться с учителем, потому что он никогда не смутит вас. Скорее, он повышает скорость поглощения вами знаний. Он поможет вам стать еще большим эгоистом, он заставляет вас стать более осведомленным. Ваше эго все больше раздувается, теперь вы знаете больше, вы можете лучше спорить. Вы можете заниматься самообразованием, но гуру это всегда нарушитель спокойствия. Он разрушит ваши сновидения и лишит вас сна…»

Один суфист говорит: «Когда ученик готов, появляется мастер». Искреннее желание расти духовно и чувство глубокой сопричастности — вот что отличает того, кто желает сделаться учеником. Когда в глубине своего естества человек приходит к пониманию, что ему необходимо найти путь к выходу из своей несознательной и полной условностей жизни, мистическим способом появляется личность, чтобы стать его проводником и показать ему дорогу. Когда некто начинает задавать вопросы и выяснять, с этой точки начинается прогрессивное развитие. В нем есть три этапа: первый — это заинтересованность, второй этап — ученичество, на третьем этапе человек становится приверженцем. Заинтересованный учится только умственно, он общается только на уровне интеллекта — но это лишь начало. Если у них возникли интеллектуальные взаимоотношения, у студента может возникнуть доверие к гуру. А когда они смогут общаться эмоционально, это сделает его учеником. А когда он может общаться с гуру эмоционально, доверяя ему, человек превращается в приверженца. Между гуру и учеником устанавливается глубокая связь.

Будучи студентом, он рассматривает гуру как учителя.

Становясь учеником, он признает в гуру мастера. Когда устанавливается глубокая связь, теперь на эмоциональном уровне, возникает уникальный вид любви. Искатель уже вступил на тропу. Студент не осознает, что он студент. Он может думать, что он ученик, он может думать, что он приверженец, но его действия абсолютно неосознанны. Студент оперирует логикой. Ученик руководствуется любовью. Приверженец действует по доверию. Доверие — это высшее проявление любви. Ошо разъясняет:

> «А третьим и наивысшим состоянием является приверженность. В этом состоянии мастер и ученик уже не существуют раздельно: союз состоялся — не просто связь, но союз, вид единства. Таков был наш путь на Востоке. Искатель приходит как студент, влюбляется в мастера и делается учеником, однажды его любовь созревает, мастер и ученик нашли друг друга, по-настоящему нашли. В результате этой встречи на свет появляется приверженец. Потом мастер уже более не человеческое существо, о нем уже думают как о божестве. Вот почему мы всегда называли Будду „Бхагван“».

Это не христианское значение слова «Бог». Здесь смысл в том, что приверженец подошел к некой точке, с которой он видит, что его мастер только живет в своем теле, но он сам — не это тело. Теперь он может видеть трансцендентную энергию мастера. Мастер — это воплощение Бога на земле. Мастер — это вторжение в потустороннее, неведомого в знакомое.

Ученичество изначально — это расположение и признательность. Гуру показывает неосознанное и ущербное состояние ученика; он разоблачает ученика таким образом, чтобы человек смог узреть истину, настоящее лицо — как это делают мастера Дзен. Отношение ученика — это всецелое восприятие и глубокая благодарность гуру за показанный им путь, разгадки тайн и указание истины.

В действительности нет «взаимоотношений» гуру — ученик как между двумя реально существующими людьми. Кто-то может сказать, что это отношения без связи, потому что они основаны на полной свободе. Гуру — это, конечно, свободная личность, но он также ничем не связывает ученика, и тот может делать, что пожелает — расти, искать, находить. Взаимоотношения предполагают зависимость. Подлинный гуру никогда не пожелает, чтобы ученик стал от него зависим. Величайшая радость гуру — это смотреть, как ученик находит свою

собственную тропу и двигается по ней — абсолютно один. Это дорога от одинокого человека к одинокому. Это единственная любовь, исходящая от ученика, и благодать от гуру.

Беседа с Ма Йога Нилам

Было яркое солнечное утро, когда в отделении «Ошо Фаундейшн» в Нисарге, Дхарамшала, в ущелье Гималаев, у меня состоялась приятная, свободно протекавшая беседа с Ма Йога Нилам. Я близко знал ее с 1988 г. и с тех пор с удовольствием с ней работал.

Ма Нилам является сооснователем «Ошо Фаундейшн» в Нисарге. С начала работы ее вдохновение, энергичное и заботливое участие сделало это место раем для поклонников Ошо и искателей из Индии и всего мира. Она представляет медитационные сборы Ошо в Нисарге, а также ее регулярно приглашают вести медитационные собрания по всей стране.

Ма Нилам была посвящена в санньясу самим Ошо 17 октября 1972 г. на медитационном сборе в Маунт Абу, штат Раджастан. В декабре 1985 г., когда Ошо вернулся из США и находился в Манали, штат Химачал Прадеш, он сказал ей: «Ты будешь моим личным секретарем». Позднее, когда он вернулся в Индию из своего кругосветного путешествия и находился в Джуху, Мумбай, некоторое время Ма Нилам также была его сиделкой. Она начала работать личным секретарем Ошо в Пуне, с января 1987 г.

Ниже я привожу отчет о том, что Ма Нилам рассказала в течение нашей беседы, в которой она с огромной любовью и радостью делится опытом своего общения с Ошо и тем, как она была неотъемлемой частью его работы. Я поместил его слова в цитатах возможно ближе к тому, что припомнила Ма Нилам.

Беседа

В течение моей работы, связанной со встречами с Ошо, я все время спрашивала, как я могу донести его послание до тех, кого он называл «моими людьми». И он отвечал: «Ты не должна беспокоиться о том, как донести его до них. Просто позаботься, чтобы их хорошо встретили, когда они приезжают сюда. Заботься о строениях и о том, чтобы их вовремя ремонтировали, убедись, что комнаты и другие помещения были удобны для посетителей». Он также добавил существенное замечание, сказав: «У существования есть свои таинственные пути. Необходимо всегда заботиться о корнях, цветок будет расти сам собой». То есть его руководство по сути состояло в следующем: «Просто присматривай за общиной в основном, на уровне фундамента. Поощряй друзей предлагать их собственные программы,

терапевтические группы, презентации». В целом я могла видеть практический подход Ошо, состоявший в росте и расширении его работы.

Он всегда приветствовал новые идеи. Например, у меня была идея организовать в одном из новых зданий на территории общины Школу искусств. Ошо идея понравилась, и он сделал меня директором Школы искусств.

У меня не было какого бы то ни было опыта в проектах по приобретению недвижимости. Но Ошо придал моему мышлению ясность и задал направление моим идеям. Он никогда не заботился о деталях. Он просто дал мне общие указания и позволял мне самой прорабатывать детали. Коль скоро указания отданы, он никогда больше не вмешивался. Он полностью доверял мне и разрешал действовать по собственному усмотрению. Он давал полную свободу действий тем, у кого был творческий потенциал и идеи. Он был всегда рад любой сделанной мной работе.

Ошо был исключительно скрупулезен в том, что касалось поддержания общины в рабочем состоянии и порядке. Он всегда напирал на то, что кухня должна содержаться в чистоте и аккуратности, качество питьевой воды должно регулярно проверяться и должны поддерживаться высокие стандарты гигиенических условий, так, чтобы посетители и искатели оставались здоровыми и не возникало заболеваний. Таким образом, я стала отвечать за порядок во всей общине сразу. Иногда я говорила ему, что «подчас я не знаю точно, как поступить и выполнить эту работу». А он отвечал: «Хорошо! Я покажу тебе. Ни о чем не беспокойся». Общий подход был таковым, что не следовало создавать унифицированные удобства, доступные всем и каждому. Скорее все мои усилия были направлены на то, чтобы обеспечить всем необходимым соответственно потребностям каждого.

Как у секретаря Ошо одной из сфер моей деятельности были связи с общественностью. Объясняя особенности этой работы, он говорил:

> «Представляйся моим секретарем. И делай эту работу, будто это игра, не воспринимай ее слишком серьезно. Просто расслабься и делай эту работу играючи. Обратись к местным гражданам Пуны и пригласи их на наш фестиваль и культурные программы. Мои двери всегда открыты для художников, прессы и местных друзей общины».

Это был замечательный опыт — приглашать известных на

весь мир артистов и устраивать их выступления в Будда-холле. Артисты были очень счастливы, хотя за выступления им не платили никаких денег. Как объяснял Ошо, артисты мечтают найти такое место, где они повстречаются с разнообразием понимающей национальной и международной аудитории. Вот такое это место. Они делились своим искусством, мы делились своей медитацией, молчанием, любовью, покоем и благодарностью.

На определенном этапе Ошо сказал:

> «Уберите ярлык „секс-гуру“, он сослужил свою службу. Для этого мы пригласили прессу, пригласили поэтов, писателей, художников для того, чтобы они смогли увидеть наши медитации, наш творческий подход, мир и любовь, которые царят в нашей общине. Ошо назначил Свами Ананд Татхгад ответственным за ашрам. Он был невероятно полезен в организации замечательных встреч с общественностью, визитов и программ. Меня в такой же мере поддерживали и вы (Свами Сатья Ведант) как глава Многопрофильного университета Ошо, руководитель пресс-службы общины.
>
> Как личный секретарь Ошо я получала от него важные указания относительно наших изданий, их распространения и продвижения.
>
> Я была обязана распространять Rajneesh Times Fortnightly Newsletter (информационный бюллетень, выходивший каждые две недели), содержавший записи бесед Ошо и новости о деятельности общины. Публикация его книг была большим творческим вызовом, что меня бесконечно радовало. Сам он с удовольствием вникал в детали — обложку, дизайн, бумагу и макет. Он не позволял никакого смягчения его слов, в содержании, которое делалось с расшифровки его устных бесед, не должно было делаться никаких изменений. Он объяснял мне, что его слова предназначены не столько для передачи какой-то информации, сколько для стимуляции внутреннего роста и перерождения.
>
> Много внимания уделялось его фотографиям на обложке книги. Я активно работала, чтобы быть уверенной, что отобранные им фотографии были четкими и с ясным выражением. Его глаза, в частности, были мощным средством связи с сердцем искателя — пустота и сияющая мощь, исходившая из его глаз, несла

непосредственную нагрузку. Однажды Ошо сказал: „Мой портрет на обложке книги сделает свою собственную работу“».

Руководство Ошо распространением и продвижением его книг было одинаково полезным; для меня это было совершенно новым опытом. Выставки книг Ошо проводились в разных городах Индии. Планировали и организовывали их центры медитации Ошо. Одного или двух санньясинов посылали представить общину и предоставить необходимую помощь в проведении выставки и тем самым обеспечить ее успех. Связь с общественностью представляла собой неотъемлемую часть таких выставок. Выдающиеся представители в своих видах деятельности приглашались открывать такие выставки или в качестве почетных гостей.

Ошо верил, что, кроме центров медитации, в разных городах следует открыть информационные центры. Такие центры могли бы снабжать информацией об общине и ее деятельности, о медитации, о книгах Ошо и его аудио-и видеобеседах. Что касается центров медитации, Ошо поддерживал открытие такого центра, если набиралось хотя бы десять человек. Он поощрял создание более двух центров медитации в большом городе. Он не возражал, если такие центры встречались через каждые пять километров. Основной целью таких центров было сделать Динамическую медитацию доступной тем людям, которые идут на работу. А потом, вечером, возвращаясь с работы, можно было бы погрузиться в Кундалини-медитацию, послушать беседу Ошо, а потом отправиться домой.

Работы в Индии прибавлялось, в разных городах требовали все больше и больше медитационных сборов. Поэтому я помогала Ошо организовывать медитационные лагеря. Свами Ананд Свавбхав был назначен Ошо его дхармадутом (послом), чтобы проводить эти сборы. Указание Ошо заключалось в том, чтобы организовывать эти медитационные лагеря не слишком далеко от местожительства участников так, чтобы люди могли добираться до них и посещать эти сборы.

Иногда до моего сведения доводили, что некоторые люди не упоминают имя Ошо в связи с проводимой ими медитацией. Когда я сообщила это Ошо, он заверил меня в том, что не следует делать из этого проблему. Он просил меня послать таким людям правильную информацию, основанную на его руководстве, и оставить все как есть. Для него сам факт проведения медитации представлял гораздо большую важность. Для него это означало, что человек достаточно смел, чтобы быть рядом с ним и его

именем. Для санньясина имя Ошо работает скорее как орудие, помогающее быть твердым в его приверженности.

Я бы также упомянула здесь, что он никогда никого не отговаривал от использовании его имени — даже если оно использовалось в связи с наименованием магазина или предприятия. Я нахожу здесь важный смысл, потому что была проделана большая работа по регистрации авторского права в отношении использования имени «Ошо» и видов медитаций, изобретенных им. Я нахожу это обстоятельство совершенно противоречащим провИдениям Ошо, его работе и его указаниям.

За этим тянутся еще несколько вопросов, таких как: может ли существовать авторское право на слова Ошо? Не лучше ли, чтобы шесть миллиардов человек Земли имели прямой доступ к его беседам и медитационным техникам безо всяких фильтров или каких бы то ни было ограничений или разрешений от разного рода властей? Какая опасность от того, если все его книги находятся в бесплатном пользовании? Защищены ли эти книги от издания и искажения, если авторское право будет принадлежать какому-то фонду? Будут ли в таком случае его книги издаваться чаще? Будет ли знание любого рода расти и процветать, если его будут контролировать?

Для меня здесь возникает фундаментальная проблема значения свободы от контроля. Необходимо знать, в чем состояло провидение Ошо относительно контроля за его движением и каким он хотел видеть рост его движения. Каков его посыл санньясинам? Разрешите мне процитировать выдержки из одного моего письма, адресованного санньясинам и общественности, хорошо знакомым с этой проблемой. Как я замечаю в этом письме:

> «В конце шестидесятых и начале семидесятых годов Ошо разработал множество медитационных техник. Никогда в его жизни он не выражал желания сделать эти медитации торговой маркой, потому что считал, что медитации — это дар Пробужденных и предназначены для того, чтоб поднимать осознанность человечества. Он ясно заявил об этом в одной из своих бесед в Будда-холле: „Многое может быть предметом авторского права, мысли не могут быть предметом авторского права, и, разумеется, медитация не может подлежать авторскому праву. Это не предметы торговли на рынке. Никто ничего не может монополизировать. Но, возможно, Запад не может понять разницы между ширпотребом и внутренним переживанием“».

Когда у него спрашивали, как защитить чистоту медитации, он давал очень простой рецепт: «Делайте мои медитации возможно более доступными, чтобы миллионы людей приходили, чтобы научиться им напрямую. Это единственный положительный способ; в противном случае вы просто потратите время и деньги, борясь с людьми». Это было предельно ясно заданное направление и это было то, чего он хотел.

Что до того, чтобы поделиться тем, что изменилось в моей жизни, когда я стала работать с Ошо и под его руководством, то я бы могла рассказать о многих моментах и ситуациях, повлиявших на это изменение. Но сейчас, просто в качестве примера — во время пребывания на ранчо (Раджнишпурам) мы работали почти по двенадцать часов в день, и я часто уставала. Во время работы мои мысли путались от тоски по семье, по людям, с которыми я была разлучена, я чувствовала внутренний разлад. Я обратила внимание Ошо на это обстоятельство.

Очень деликатно, с огромной любовью он отвечал:

> «Когда работаешь, всю энергию целиком бери из самой работы. Когда ты разрываешься или разбрасываешься, тогда ты устаешь. Например, когда ты моешь пол шваброй, всецело отдавайся этому занятию. Будь цельной, будь одним целым с работой, и ты всегда будешь чувствовать себя энергичной».

Это озарение, это указание совершенно изменили мою жизнь. Я просто перечеркнула мои привычки, мои ограничения, мои стереотипы. Он говорит:

> «Будь одним целым с работой».

И с тех пор и навсегда это стало для меня сутрой[84].

Во время бесед с Ошо ко мне на ум приходили различные идеи, или я неожиданно припоминала какие-то детали работы, которые упустила, или что-то, не относящееся к предмету беседы. Вот я и подумала, что неплохо иметь с собой небольшую записную книжку, и, присутствуя на беседе, стала делать беглые пометки. Потому что иначе к моменту окончания беседы я забывала все, что помнила во время беседы. Я спросила у Ошо, могу ли я, слушая его беседу, делать небольшие пометки.

> «Когда ты со мной, расслабься. Только расслабленный ум вернет тебе все те вещи, что ты пытаешься нацарапать в качестве заметок на память».

И он поделился со мной настоящим откровением, я бы сказала, чем-то вроде медитации. Он сказал:

> «Когда к тебе на ум приходит такая идея, прикажи ей вернуться к тебе, например, в десять часов вечера. Идея обязательно придет в это время, и ты ее запишешь».

Это озарение работало как волшебство! Все эти годы, прошедшие с того момента, в разных ситуациях, я применяла эту хитрость, и она всегда срабатывала.

С благодарностью в сердце я завершил нашу беседу, и обнявшись, с любовью, мы отправились на ланч.

Внутренний круг и Президиум

Вернувшись из своего кругосветного путешествия и проведя шесть месяцев в Мумбае, Ошо окончательно поселился в Пуне. Однако, будучи прагматиком и вполне отдавая себе отчет о том, насколько должен увеличиться объем работы, в декабре 1989 г. он создал принципиально новый аппарат руководства, в котором ни один человек не должен был иметь полного контроля над рабочей частью управления. Он устранил самую возможность полного сосредоточения власти в одних руках. Также он четко применил к руководству понятие Meritocracy («правящей элиты»), чтобы вклад отдельных людей точно соответствовал их способностям, опыту и прежним заслугам.

Ошо создал два функциональных органа: во-первых, Внутренний круг из двадцати одного санньясина для наблюдения за ежедневной деятельностью международной общины Ошо; во-вторых, Президиум, небольшую группу санньясинов для наблюдения за расширением и ростом его работы в международном масштабе. Он пояснил, что в обоих случаях важна деятельность, а не личность. Каждый человек был обязан просто вносить значимый вклад, а решения при необходимости должны были приниматься единодушно. Не предполагалось, что эти два органа могут вступать в какую-либо философскую дискуссию; поскольку Ошо сказал, что он провел их уже достаточно. От них требовалось только следить за воплощением в жизнь его предвидений и работать.

Двадцать один первоначальный участник Внутреннего круга, назначенные Ошо:

- Свами Амрито
- Свами Амитабх
- Ма Анаша
- Ма Анандо
- Ма Авирбхава
- Свами Читен
- Ма Гаримо
- Ма Хасья
- Джайантибхай (Свами Сатья Бодхисатва)
- Свами Джайеш
- Ма Кавиша
- Ма Мукта
- Ма Нилам
- Ма Нирвано
- Свами Плотинус

• Свами Прасад
• Свами Сатья Ведант
• Свами Татхагат
• Ма Турья
• Свами Йоги
• Ма Зарин

Ошо. Краткая биография

1931–1953 гг. Детство и юность.

11 декабря 1931 г. Ошо родился в Кучваде, маленькой деревне, в штате Мадхья Прадеш в Индии.

21 марта 1953 г. Ошо в возрасте 21 года, специализируясь на изучении философии в джайнистском колледже г. Джабалпура, становится просветленным.

1953–1956 гг. Получение образования.

1956 г. Ошо получает с отличием степень магистра гуманитарных наук в университете г. Саугара.

Он становится Всеиндийским чемпионом по философским дискуссиям и получает золотую медаль при окончании колледжа.

1957–1966 гг. Преподаватель университета и общественный деятель.

1957 г. Ошо назначается преподавателем в Санскритский колледж в г. Джайпура.

1958 г. Ошо назначается преподавателем философии в университете г. Джабалпура, где он преподает до 1966 г.

Сильный и страстный оратор, он также путешествует по всей Индии, беседуя с обширной аудиторией и бросая вызов ортодоксальным религиозным лидерам в публичных дебатах.

1966 г. После девяти лет преподавания он покидает университет, чтобы полностью посвятить себя повышению человеческого сознания. Четырежды в год он проводит напряженные десятидневные медитационные сборы.

1969–1974 гг. Мумбай.

Конец 1960-х гг. Его беседы на хинди становятся доступными в переводе на английский язык.

1970 г. 14 апреля он представляет свою революционную медитационную технику, Динамическую медитацию.

В июле он переезжает в Мумбай, где живет до 1974 г.

Ошо — которого в это время называют Бхагван Шри Раджниш — начинает посвящать искателей в нео-санньясу, или ученичество, путь активного самопознания и медитации, которое не включает в себя отказ от мирского или чего-либо еще. Он продолжает проводить медитационные сборы в Маунт Абу в Раджастане, но прекращает принимать приглашения выступать где-либо в стране. Он направляет свою энергию единственно на то, чтобы быстро увеличить группу санньясинов, окружающих его.

В это же время приезжают и принимают посвящение в нео-санньясу первые люди с Запада. Среди них находятся ведущие психотерапевты из гуманитарных движений Европы и США,

ищущие следующих шагов в их собственном внутреннем росте. С Ошо они испытывают новые для современного человека, оригинальные медитационные техники, включившие в себя мудрость Востока и науку Запада.

1974–1981 гг. Ашрам Шри Раджниша в Пуне.

В течение семи лет почти каждое утро он дает полуторачасовые полемические беседы, каждый месяц меняя язык выступления с хинди на английский. В его беседах он предлагает новый взгляд на большинство духовных путей, включая йогу, Дзен, даосизм, тантру и суфизм. Он также высказывается о Гаутаме Будде, Иисусе, Лао-цзы и других мистиках. Эти беседы были собраны в более чем 600 томов и переведены на пятьдесят языков.

В эти годы по вечерам он отвечает на вопросы о таких личных темах, как любовь, ревность, медитация. Эти даршаны собраны в шестьдесят четыре Darshan Diaries («Дневники даршанов»), сорок из которых опубликованы.

Община, которая выросла вокруг Ошо в это время, предлагала широкий выбор терапевтических групп, совмещавших техники восточной медитации и западную психотерапию. Туда приезжают физиотерапевты со всего мира, и к 1980 г. международная община приобретает репутацию «лучшего в мире центра терапии и духовного роста». Каждый год почти миллион человек проходят через ее ворота.

1981 г. У Ошо развивается тяжелое заболевание. В марте 1981 г., проведя ежедневную беседу из тех, которые он давал последние пятнадцать лет, Ошо входит в трехлетний период добровольного публичного молчания. Ввиду возможной необходимости немедленного хирургического вмешательства и по рекомендации личных врачей Ошо выезжает в США. В этом же году его американские ученики приобретают 64 000 акров земли в штате Орегон и приглашают его в гости. Со временем он принимает приглашение остаться в США.

1981–1985 гг. Раджнишпурам.

В центре орегонской пустыни из развалин возникает образцовая сельскохозяйственная община. Тысячи акров вытоптанной скотом экономически несостоятельной земли возвращены к жизни. Город Раджнишпурам дает кров 5 000 постоянных жителей. Проводятся ежегодные фестивали, привлекающие до 15 000 гостей со всего мира. Очень быстро Раджнишпурам становится крупнейшим духовным сообществом, когда-либо возникавшим на земле США.

Октябрь 1984 г. Ошо заканчивает добровольный период молчания, длившийся три с половиной года.

Июль 1985 г. Он возобновляет свои публичные беседы каждое утро с тысячами искателей истины, собравшимися в зале для медитаций площадью в два акра.

Сентябрь-октябрь 1985 г. Конец Раджнишпурама в Орегоне.

14 сентября. Личный секретарь Ошо Ма Ананд Шила и некоторые члены управления общиной неожиданно покинули Раджнишпурам. Ошо пригласил силы правопорядка расследовать преступления Шилы. Власти, однако, использовали это расследование как золотую возможность сровнять общину с землей.

28 октября. Без предъявления ордера федеральные и местные власти арестовали Ошо и других в г. Шарлотт, штат Северная Каролина. Когда других отпустили, его продержали еще двенадцать дней, не выпуская даже под залог. Пятичасовое возвращение в Орегон заняло четыре дня. Последующие события показали, что во время содержания в тюрьме он был отравлен таллием.

Ноябрь. Опасаясь за его жизнь и за благополучие санньясинов в неспокойном Орегоне, адвокаты согласились на Alford Plea, документ, по которому Ошо согласился с двумя из тридцати пяти выдвинутых против него обвинений. Соответственно этому соглашению обвиняемый считается невиновным, но признает, что существуют доказательства, достаточные для его осуждения. Ошо и его адвокаты отстояли его невиновность в суде. На него наложили штраф в 400 000 долларов и депортировали из США.

Стало совершенно очевидно, что федеральные власти и правительство штата намеревались разрушить Раджнишпурам.

1985–1986 гг. Кругосветное путешествие.

Январь — февраль. Ошо направляется в столицу Непала Катманду и выступает дважды в день в течение следующих двух месяцев. В феврале непальское правительство отказывает в визах его гостям и приближенным лицам. Он покидает Непал и отправляется в кругосветное путешествие.

Февраль — март. На первой остановке, в Греции, ему гарантируют тридцатидневную визу. Однако всего через восемнадцать дней, 5 марта, греческая полиция вламывается в дом, где он находится, арестовывает его и под прицелом депортирует. Греческие СМИ пишут о том, что вторжение полиции спровоцировало давление со стороны правительства и церкви.

В течение следующих двух недель он посещает или запрашивает разрешения посетить семнадцать стран Европы и обеих Америк. Все эти страны или отказывают предоставить ему гостевую визу, или отзывают визу по прибытии и заставляют

уехать. Некоторые страны отказывают даже в разрешении приземлиться самолету.

Март — июнь. 19 марта Ошо вылетает в Уругвай. 18 июня ему приказывают покинуть эту страну.

Июнь — июль. В течение следующего месяца его депортировали с Ямайки и из Португалии. В целом двадцать одна страна отказала ему во въезде или депортировала после приезда. 29 июля 1986 г. он вернулся в Мумбай, в Индию.

1987–1989 гг. Международная община Ошо.

Январь 1987 г. Он возвратился в ашрам в Пуне, Индия.

Июль 1988 г. Ошо начинает, впервые за четырнадцать лет, лично проводить медитацию в конце каждой своей вечерней беседы. Он также представляет новую революционную медитационную технику, называемую Мистическая роза.

Январь — февраль 1989 г. Он перестает пользоваться именем Бхагван, оставив себе только имя Раджниш. Однако его ученики просят его называть себя «Ошо», и он принимает эту форму обращения. Ошо объясняет, что это имя является производным от слова Уильяма Джеймса «oceanic» (океанский), что означает «растворяющийся в океане». «Океанский» описывает переживание, опыт, говорит он, но что с тем, кто это переживание испытывает? Для этого и существует слово «Ошо». В то же время он пришел к пониманию того, что исторически слово «Ошо» использовалось на Дальнем Востоке также в значении «благословенный, которого небеса осыпали дождем из цветов».

Март — июнь 1989 г. Ошо постепенно выздоравливает от последствий отравления, которое до этого момента сильно влияло на его здоровье.

Июль 1989 г. Его здоровье становится лучше, и он дважды появляется на молчаливых даршанах во время Фестиваля, теперь именуемого «Праздник полнолуния Ошо».

Август 1989 г. Ошо начинает ежедневно появляться в Будда-холле на вечерних даршанах. Он назначает особую группу санньясинов, одетых в белые одежды, называемую Братство белых одежд. Всех санньясинов и несанньясинов, присутствовавших на этом вечернем даршане, попросили надеть белые одежды.

Сентябрь 1989 г. Ошо отбрасывает имя «Раджниш», символизируя этим полный разрыв с прошлым. Теперь его знают просто как «Ошо», и ашрам переименовывается в «Международную общину Ошо».

1990 г. Ошо покидает свое тело.

Январь 1990 года. В течение второй недели января тело Ошо значительно слабеет. 18 января он настолько физически слаб, что не может прийти в Будда-холл. 19 января его пульс становится

прерывистым. Когда врачи спрашивают, надо ли им готовиться к реанимации в случае остановки сердца, Ошо говорит: «Нет, просто дайте мне уйти. Существование само отсчитывает свое время». Ошо покидает свое тело в пять часов вечера. Двумя днями позже его пепел был принесен в Международную общину Ошо и помещен в его самадхи в Аудитории Чуанг Цу под плитой с надписью:

«Ошо: никогда не рождался, никогда не умирал. Только находился на этой планете между 11 декабря 1931 года и 19 января 1990 года».

Рекомендуемая литература [85]

Appleton, Sue. Was Bhagwan Shree Rajneesh Poisoned by Ronald Reagan's America?

The Rebel Publishing House. 1986.

Appleton, Sue. Bhagwan Shree Rajneesh. The Most Dangerous Man Since Jesus Christ. The Rebel Publishing House. 1987.

Braun, Kirk. Rajneeshpuram. The Unwelcome Society. Scout Creek Press. 1987.

Forman, Juliet. Bhagwan: The Buddha For The Future. The Rebel Publishing House. 1989.

Forman, Juliet. Bhagwan: Twelve Days That Shook The World. The Rebel Publishing House. 1989.

Jyoti, Ma Dharm. One Hundred Tales from Ten Thousand Buddhas. Diamond Pocket Books. 1988.

Meredith, George (Dr.) Bhagwan: The Most Godless Yet The Most Godly Man. The Rebel Publishing House. 1988.

Muiphy, Dell. The Rajneesh Story: The Bhagwan's Garden. Linwood Press. 1993.

Shay, Ted. Rajneeshpuram and the Abuse of Power. Scout Creek Press. 1985.

Shunyo, Ma Prem. My Diamond Days With Osho. The New Diamond Sutra. Full Circle Publishing Ltd. Publishing House. 2000.

Thompson, Judith and Paul Heelas. The Way of the Heart: The Rajneesh Movement. Aquarian Press. 1986.

notes

Примечания

1

Зорба — герой романа Никоса Казанзакиса и фильма продюсера и режиссера Михалиса Какояниса «Грек Зорба», живущего незамысловатой жизнью «здесь и сейчас», внутренне свободного от комплексов и запретов. Зорба, слуга богатого человека, показывает своему не умеющему получать от жизни удовольствие хозяину, что на свете есть радость и веселье, свобода выбора и пр. Зорба-Будда — это найденный Ошо синтез человека свободного от каких-либо искусственных запретов (Зорбы) с человеком просветленным (Буддой). Традиционные моральные устои для него неважны, но при этом он поступает нравственно, в согласии с совестью и свободой воли.

2

Лила (leela) — самая популярная в Индии настольная игра, направленная на сосредоточение и установление контроля над разумом, подготовительный этап к медитации. Игровое поле игры состоит из 72 клеток (72 изначальных состояний бытия, «периодическая система элементов сознания»). Клетки определенным образом соединены стрелами и змеями. Стрелы возносят на верхние уровни, змеи возвращают к началу. Цель игры — попасть на клетку под номером 68, клетку Космического Сознания.

3

Кабир Дас (1440–1518) — средневековый индийский поэт-мистик, святой, занимающий уникальное место в религиозной мысли Индии, покровитель универсальной религии, или религии Человека. Противник всех видов общественной дискриминации. В настоящее время в мире проживает до 1 млн его последователей.

4

Мира, Мирабай (Meera, Meerabai, 1499–1547) — великая индийская святая и поэтесса-мистик, виднейшая представительница кришнаитской поэзии. Основная тема творчества поэтессы — ее всепоглощающая любовь к Кришне. (Примечание переводчика.)

5

«Сат Чит Ананд» — название одной из книг Ошо. На санскрите соответственно обозначают «бытие», «знание» и «блаженство». В различных школах индуистской философии сложное слово «сатчитананда» используется для описания природы безличного бога — Бхагвана. Каждый из атрибутов бога считается тождественным трем другим, а их разделение в человеческом сознании уводит от божественного понятия красоты в сторону ее материального понимания.

6

Кришнамурти, Джидду (1895–1986) — известный оратор, выступавший на философские и духовные темы. В их число входили: психологическая революция, природа сознания, медитация, межличностные отношения, пути достижения позитивных изменений в обществе. Провел жизнь в путешествиях, выступая перед различными аудиториями. Он неоднократно подчеркивал необходимость революции сознания каждого индивида и то, что такие изменения не могут быть достигнуты с помощью внешних сил — будь то религия, политика или общество.

7

Махавира, Джина Махавира (599–527 г. до н. э.) — старший современник Будды Гаутамы, основатель джайнизма и джайнистской философии, проповедник. Джайнизм проповедует непричинение вреда всем живым существам. Философия и мораль джайнизма основаны на самосовершенствовании души для достижения всеведения, всесилия и вечного блаженства.

8

«Ом Мани Падма Хум» — название одной из книг Ошо, одна из самых известных — т. н. «шестислоговая» — мантр в буддизме, особенно тибетском. Означает «О, жемчужина, сияющая в цветке лотоса!». Считается, что в ней содержатся все вибрации Космоса, и даже тот, кто произносит эту мантру механически, в следующей жизни окажется в Западном Раю Высшего блаженства.

9

Дхарма (санскр.) — религиозный термин, использовавшийся в древней и средневековой индийской литературе для выражения разнообразных понятий: закон, религия, долг, справедливость, обычай, т. е. совокупность установленных норм и правил. Одно из важнейших понятий в индийской культуре.

10

Лао-цзы — автор древнекитайского даосского трактата «Дао дэ цзин». Согласно традиции, Лао-цзы в VI–V вв. до н. э. был архивариусом при чжоусском дворе, но большинство современных ученых считает, что это легендарная фигура, а трактат написан в конце IV — начале III вв. до н. э., хотя и содержит некоторые более ранние материалы. Основное понятие мировоззрения, изложенного в трактате, это Дао, недоступное познанию и невыразимое в словах начало, воплощающее единство бытия и небытия, в котором разрешаются все противоречия.

11

Гурджиев Георгий Иванович (1866? 1872? 1877? — 1949) — философ-мистик, оккультист, путешественник, посвятивший свою деятельность саморазвитию человека, росту его сознания в повседневной жизни. Уделял внимание также физическому совершенствованию. Пытался основать в разных странах Институт гармонического развития человека.

12

Санньясин — в индуизме человек, принявший санньясу, духовный обет. Подробнее см. главу 4.

13

Динамизм в философии — учение, рассматривающее материю как форму проявления действующих сил; также социальная философия культурных изменений, индивидуального выбора и открытого общества. В психологии Г. Сэлливана динамизм — особое энергетическое образование в психике личности, обеспечивающее удовлетворение потребностей и проявляющееся в межличностных отношениях.

14

Нанак — Гуру Нанак Дев (1469–1539) — основатель религии сикхизма и первый из десяти гуру сикхов.

15

Конгресс — Индийский национальный конгресс, партия Конгресса — самая большая политическая партия Индии, основанная в 1885 г. В 20-х гг. XX в. перешла к активной борьбе за национальную независимость и стала массовой партией.

16

Сарвепалли Радхакришнан (1888–1975) — индийский философ, религиовед, представитель неоиндуизма. Автор двухтомной «Индийской философии» (1923–1927). Книга «Индийский образ жизни» (1927 г.) предназначалась для западной аудитории. Общественный деятель. В 1949–1952 гг. — посол Индии в СССР. В 1952–1962 гг. — вице-президент Индии. С 1962 по 1967 год — президент Индии.

17

Рабиндранат Тагор (1861–1941) — первым из неевропейцев стал в 1913 г. лауреатом Нобелевской премии по литературе.

18

Гудия (хинди) — малышка, куколка.

19

Самадхи (означает на санскрите «целостность, завершение») — в индуистской и буддистской медитативной практиках конечное состояние, при котором исчезает само понятие о собственной индивидуальности (но не сознание) и возникает единство воспринимающего и воспринимаемого. В этом смысле самадхи есть синоним просветления, достигаемого медитацией и подводящего человека вплотную к нирване.

20

Ашока, или сарака индийская, — растение, распространенное в тропической Азии, в Индии встречается повсюду и ценится за красоту листьев и оранжево-красных цветов. Выращивается в монастырях, используется для убранства храмов. По легенде, под этим деревом родился Гаутама Будда, а его название в переводе с санскрита означает «беспечальное, приносящее радость». Является символом любви и стражем девственности.

21

Молшри, мимусопс или испанская вишня, — лекарственное растение, широко известное на Цейлоне и в Индии благодаря плодам — сочным фруктам, хорошо укрепляющим ткани зубов и десен. Хорошо приживается в домашних условиях.

22

Анатта — буквально «не-я», один из важнейших понятий буддизма, то, что соответствует всему проявленному миру, как объективному, так и субъективному. Понятие используется как невраждебная в жизненных проявлениях противоположность высшему «Я», утверждающая отсутствие атмана — «Я» или самости, цельности сознания и бессознательности индивида.

23

Патанаджали — живший во II в. до н. э. основатель философско-религиозной школы (даршаны). Проповедовал необходимость благочестивых упражнений для управления деятельностью ума и достижению соединения живого духа с Богом, обретения просветления и нирваны. Считается составителем «Йога-сутры», базовый текст которой оказал решающее влияние на понимание йоги как в Индии, так и во всем остальном мире.

24

Дхамма — дхамма чакра, главный символ буддизма, «Колесо закона» с восемью спицами, символизирующими восьмеричный путь спасения, который должен привести к обретению просветления и избавлению от перерождений. Дхамма также символизирует этот фатальный круговорот перерождений и циклический ход истории в буддизме..

25

Тао представляют собой комплексы упражнений, развивающие в человеке гармонию движений, дающих ему навыки самозащиты и способность оставаться в покое в любой ситуации. Все Тао — это коды, несущие в себе заряды энергии.

26

Шри Ауробиндо Гхош (1872–1950) — индийский философ, поэт, революционер, йог, гуру и основатель интегральной йоги. Шри Ауробиндо стремился к синтезу традиций индийской и европейской мысли.

27

Калил Гибран (1883–1931) американский поэт, философ и художник, ливанец по происхождению, наиболее известен сборником своих духовных поэм «Пророк», вышедшим в 1923 г. Одно из главных достоинств его творчества — органичный сплав восточных и западных философских доктрин. Его произведения являются бестселлерами наравне с Шекспиром и Лао-цзы.

28

Успенский Петр Демьянович (1878–1947) — русский философ, теософ, журналист и писатель, математик по образованию. Одним из первых высказал идею плодотворности психологии и эзотерики как способа достижения более высокого уровня осмысленности жизни человека. Известен также как сподвижник Г. И. Гурджиева и соавтор их общего учения о саморазвитии. Последняя книга Успенского «Фрагменты неизвестного учения» была опубликована Гурджиевым под названием «В поисках чудесного».

29

Бхагавад Гита (на санскрите — «Божественная песнь») — памятник древнеиндийской литературы, часть «Махабхараты», состоящей из 700 стихов, один из священных текстов индуизма, содержащий основные положения индуистской философии. Считается, что «Бхагавад Гита», будучи одним из самых значимых памятников мировой духовной сферы, вполне может служить практическим руководством для повседневной жизни. Содержание «Бхагавад Гита» представляет собой философскую беседу между Кришной, к которому обращаются как к Бхагвану, т. е. Богу, и Арджуной перед началом битвы между кланами двоюродных братьев — Кауравами и Пандавами.

30

Рамана Махариши — Шри Рамана Махариши (1879–1950) — индийский философ и мудрец. Настоящее имя — Венкатараман Айяр, однако ученики называли его Махариши, что означает «великий мудрец», а имя Рамана — это сокращение от его полного имени. В 16 лет через переживание смерти пришел к просветлению, покинул дом и до конца физического существования жил у священной горы Аруначале, где впоследствии вырос его ашрам.

31

Мехер Баба (Сострадательный Отец) — настоящее имя — Мерван Шериар Ирани (1894–1969) — индийский мистик и духовный учитель, в 1954 г. публично провозгласивший себя воплощением Бога (аватаром), который принял человеческий облик только из сострадания к людям. Его учение включает в себя элементы суфизма, индуизма, теософии и оригинальную космогоническую теорию. Гробница Мехер Бабы до сих пор является предметом паломничества.

32

Санньяса (с деванагари дословно — «отречение») — в традиционном понимании период в жизни индуиста, характеризующийся отречением от материального мира и сосредоточением на духовной стороне жизни. Человек (обычно женатый мужчина, уже воспитавший детей), принявший санньясу, называется санньяси или санньясин. Он отказывается от отношений с женщинами, ведет жизнь странствующего монаха-проповедника, носит одежду оранжевого цвета и кормится подаянием. Конечная цель санньясы — освобождение (мокша или мокти), т. е. выход из круговорота рождений и смертей и всех страданий материальной жизни.

33

Риши, иногда рши, в индуизме — провидцы, мудрецы, которым боги открыли ведийские гимны.

34

Випассана — одна из древнейших техник медитаций, которой обучал сам Гаутама Будда. Она основана на самонаблюдении, не привязана к какой-либо из религий и ставит своей задачей искоренение умственных загрязнений и достижение высшего счастья полного освобождения. Випассана устраняет три основных причины несчастий человека — влечение, отвращение и неведение — и ведет к полному просветлению. Надабрахма — старая тибетская техника, которая раньше выполнялась в ранние утренние часы, но ею можно заниматься в любое время суток, как индивидуально, так и в группе.

35

Суфи (буквально «одетый в шерсть», от арабского «суф» — грубая шерстяная ткань, власяница, отличительный знак аскета) — это человек, верящий в возможность непосредственного приобщения к Всевышнему, Богу, и стремящийся к этому приобщению. Жизнь, подчиненная определенной цели, часто ассоциируется с дорогой, и суфии именуют себя «людьми пути», имея в виду дорогу к Истине. Суфии следуют правилу «жить в миру, но не от мира». Первоначально носителями суфизма были дервиши- странники. Исторически суфизм связан с исламом, который стал мостом между христианским и западным миром.

36

Дхаммапада — сборник из 423 изречений Будды Шакьямуни, произнесенных им по разным поводам.

37

Киртан (от санскритского «повторять») — религиозная практика, состоящая из группового пения имен Бога. Применяется в некоторых течениях буддизма, сикхизма и других традициях, а также является одним из методов медитации и йоги.

38

Сикхизм — религиозно-реформаторское движение, затем религия, возникшая в Индии в шт. Пенджаб как одна из сект бхакти. Ее основателем был гуру Нанак (1469–1539). Сикхизм, будучи монотеистическим учением, сочетал многие положения индуизма с идеями бхакти и заимствованиями из мусульманского суфизма. В основе сикхизма лежит вера в единого Бога (или божественного начала), выраженного во всем сущем, идея равенства всех людей перед Богом, вне зависимости от касты, материального и социального положения. Также сикхизм отрицает сложную обрядность, аскетизм и внешние формы почитания Божества.

39

Клубы Лайонз (Lions) и Ротари (Rotary) — созданные в США в прошлом веке закрытые клубы, объединяющие успешных бизнесменов, влиятельных политиков и пр. Цель клубов — осуществление благотворительных проектов, культурных программ и т. п.

40

Патель Валлабхаи (1875–1950) — деятель Индийского национального конгресса, представитель его правого крыла. Получил юридическое образование в Великобритании. В 1916 г. познакомился с М. К. Ганди и включился в национально-освободительное движение Индии. В 1931 г. был президентом ИНК. После завоевания Индией независимости (1947) — заместитель премьер-министра и одновременно министр внутренних дел индийского правительства.

41

Бхакти (на санскрите «преданность, любовь к Богу») — религиозно-сектантское движение в Индии XII–XVII вв. В основе учения бхакти лежит одна из религиозных доктрин индуизма, сформулированная в «Бхакгиратнавали» — произведении конца XIV в. Последователи бхакти считают, что для спасения человека достаточно лишь беспредельной любви к Богу без почитания жрецов и выполнения обрядов. Движение бхакти провозглашало равенство всех людей перед Богом, отрицало кастовое деление. Одной из позднейших форм бхакти явился сикхизм.

42

Тантра (на санскрите — «непрерывность», «связь», «нить») — в буддизме совокупность эзотерических учений о двуединой природе мира, включающей мужское и женское начало в их неразделимом союзе. В тибетской терминологии тантра определяется как система практик для достижения высшей реализации. Разнообразные толкования слова «тантра» различными школами и течениями нередко приводят к недоразумениям, поскольку даже в Индии и в Тибете этим термином обозначают совершенно разные понятия, от обычной магии до пути к просветлению.

43

Даршан — это встреча с мастером, погружение в его мир, передача знаний и других важных составляющих его учения. Совсем не обязательно такая встреча должна состояться на физическом уровне. Это может быть даршан во сне, даршан, случающийся во время медитации на фотографию мастера, простое прикосновение к любой вещи, к которой он прикасался, даже повторение его имени может дать даршан.

44

Чуанг Цу, Чжуан-цзы или Чжуан Чжоу (369 до н. э. — 286 до н. э.), — выдающийся китайский философ, разделявший взгляды Лао-цзы, но критиковавший конфуцианство; энциклопедист, композитор, писатель.

45

Холистический, холизм (от греч. холон — целостность, цельность) — научно-философский подход, базирующийся на постулате нераздельной целостной взаимосвязи духовного и материального, в силу чего живая материя постоянно обновляется и преобразуется из одного вида в другой. Ключевое понятие холизма — целостность всего сущего — была основной в Средневековье и в эпоху Ренессанса. Позднее сторонники эмпирического метода заклеймили холизм как антинаучное направление, не могущее доказать на экспериментальном уровне свой главный тезис. Холизм был возрожден в начале XX в. южноафриканским ученым Яном Смэтсом, который в книге «Холизм и эволюция» провозгласил целостность как высшее философское понятие. Согласно Смэтсу, носителем всех физических качеств любого материального объекта является нематериальное — «тонкое» — психоэнергетическое поле.

46

Гештальт, гештальтпсихология (от нем. Gestalt — целостная форма, образ) одна из крупнейших школ зарубежной психологии первой половины XX в., выдвинувшая в качестве антрального тезис о необходимости проведения принципа целостности при анализе Сложных психических явлений.

47

Диалог с голосами (Voice Dialog) — психология субличностей, разработанная в 70-х гг. XX столетия калифорнийскими психологами Хэлом и Сидрой Стоун. Базовая предпосылка этого направления состоит в том, что восприятие человека самого себя как единого и неделимого целого в корне неправильно. Они считали, что «Я» человека состоит из множества субличностей, каждая из которых имеет в психике свой голос, свою историю, чувства и даже претензии к основной личности.

48

Фриц Перлз (настоящее имя — Фредерик Соломон Перлз, 1893–1970) — выдающийся немецкий врач-психиатр, психотерапевт, основоположник гештальттерапии. Вместе с П. Гудменом и Р. Хефферлином в 1951 г. написал труд «Гештальттерапия, возбуждение и рост человеческой личности»). Основным те: ретическим принципом Перлза является убеждение, что способность человека к саморегуляции ничем не может быть полноценна заменена.

49

Рэйки, рейки (от япон. рэй — «вселенский» и ки — «жизненная энергия», т. е. «универсальная жизненная энергия», — вид восточного целительства, в котором используется техника так называемого «исцеления наложением рук». Также считается духовной практикой. В ней знания и способность исцелять передаются от мастера к ученику. Основана в 1922 г. японских буддистом Микао Усуи. Считается, что практикующие рэйки могут передавать пациентам исцеляющую энергию «ки» посредством своих рук. Для этого они создают медитативную атмосферу и располагают руки в определенных местах тела пациента.

50

Биоэнергетика — наука, изучающая механизмы преобразования энергии в процессах жизнедеятельности организмов. Биоэнергетика стоит на стыке нескольких наук и является частью молекулярной биологии, биофизики и биохимии. Все исследования в области биоэнергетики основываются на научной точке зрения, согласно которой к явлениям жизни применимы законы физики и химии, а превращения энергии в живом организме соответствуют основным законам термодинамики.

51

Рольфинг, или структурная интеграция, — глубокий массаж соединительных тканей и мускулатуры тела, который разработала доктор наук, биохимик и физиолог Ида Рольф. Она считала, что оздоровление должно быть целостным, как на физическом, так и на психическом уровнях.

52

Сарахапа, Тилопа и Канхапа — выдающиеся учителя тибетского буддизма X–XI вв.

53

Сахасрара, седьмая, коронная чакра, — расположена на макушке. В переводе с санскрита «сахасрара» означает «цветок лотоса с тысячей лепестков». Коронная чакра — центр совершенства человека — является хранилищем всех знаний, а возможности ее развития бесконечны. Она символизирует просвещение и связь с высшими уровнями духовного осознания. Эта чакра отвечает за способность принимать божественные и космические идеи, а также подключаться к вселенскому знанию, свету и вселенской любви.

54

Дза-Дзен (япон. «сидячая медитация») — основная медитативная практика дзен-буддизма, целью которой считается не достижение сатори (т. е. природы Будды), но успокоение тела и проникновение в сущность вещей. Полагают, однако, что при длительной практике Дза-Дзен может привести к просветлению.

55

Аджна (санскр. «приказ, команда») — шестая, межбровная чакра, «третий глаз», отвечающая за силу воли, физическую гармонию, сверхъестественные способности, озарение, вдохновение.

56

Тай-чи — неверная транслитерация с английского, тайцзицюань (кит. «кулак великого предела»), разновидность ушу, триединство боевого искусства, медитации и оздоровительной практики, дающее не только физическое, но и духовное совершенство. Представляет собой совокупность стоек, плавных движений и медитативных техник, напоминает своеобразный танец.

57

Сатсанг (хинди, «сат» — истина, «санга» — собрание) — в индийской философии общение с мастером, гуру, собрание учеников вокруг просветленного с целью услышать истину, говорить о ней.

Свами Сатья Ведант — автор книги доктор Васант Джоши.

59

Кришнамурти, Джидду (1895–1986) — известный оратор, выступавший на философские и духовные темы. В их число входили: психологическая революция, природа сознания, медитация, межличностные отношения, пути достижения позитивных изменений в обществе. Провел жизнь в путешествиях, выступая перед различными аудиториями. Он неоднократно подчеркивал необходимость революции сознания каждого индивида и то, что такие изменения не могут быть достигнуты с помощью внешних сил — будь то религия, политика или общество.

60

Дал, дхал (хинди) — традиционный вегетарианский суп из чечевицы, красной фасоли или других бобовых, приправленный обжаренными помидорами, луком, лимонным соком, специями. Подается с теплыми лепешками.

61

Биг Мадди (Big Muddy, англ.) — «Большая Грязнуля» (прозвище реки Миссури).

62

Пурам (санскрит) — город, дворец, резиденция.

63

«Мирные силы» — игра слов на английском языке — peac, police.

Alford Plea — по настоянию адвокатов Ошо подписал этот абсурдный по сути документ, согласно которому он не признает себя виновным, но соглашается с тем, что существуют доказательства, достаточные для его осуждения.

65

Хитроу (Heathrow) — один из двух лондонских аэропортов, крупнейший международный аэропорт, печально известный своими многочисленными неурядицами. В 2007 г. признан худшим из международных аэропортов мира.

66

Содружество наций, ранее Британское Содружество наций — организация, в которую входит Соединенное Королевство (Великобритания) и страны — бывшие колонии Британской империи, сохраняющие дружественные отношения и деловые связи.

67

Намек на то, что для Святого Семейства, беременной Марии и Иосифа, также не нашлось места на постоялом дворе в Вифлееме.

68

Ллойд (Corporation of Lloyd's) — авторитетное британское страховое объединение, одна из важнейших монополий, тесно связанная с крупными промышленными фирмами и банками. Возникло в конце XVII в. и получило название от имени Эдварда Ллойда, владельца кофейной в Лондоне, где заключались сделки по страхованию кораблей и их грузов.

69

Уругвай граничит с Аргентиной по суше, также эти страны расположены по разным берегам залива Ла Плата.

70

Синтра — небольшой город в 23 км северо-западнее Лиссабона.

71

Искусство исцеления пульсациями появилось в тибетских монастырях и многие тысячи лет оставалось скрыто от европейцев. В семидесятые годы его переоткрыл бывший бездомный Свами Шантам Дирадж, из бесед с монахами и собственного опыта собравший по крупицам приемы работы с телом и объединивший его в комплекс. Ошо, с которым Дирадж встретился через несколько лет, одобрил этот эксперимент и назвал этот метод «тибетскими пульсациями».

Дзен-здесь как школа мистического созерцания.

73

Крысолов из Гамельна, гамельнский дудочник — намек на известную немецкую средневековую легенду о крысолове, увлекшим звуками своей дудочки всех детей этого городка в неизвестном направлении, причем ни один из детей так и не вернулся назад.

Корегаон — небольшой город в 120 км от Пуны.

75

Коммунализм — принцип общинной организации общества; теория управления, предоставляющая широкие полномочия общинам.

76

Рам Джанмабхуми — святилище, считающееся местом, где родился Рама. На момент выхода интервью с Ошо было местом долгого межконфессионального раздора. Находится в г. Айодхья, штат Уттар Прадеш.

77

Дурдаршан («Doordarshan») — государственная индийская телекомпания, основанная в 1959 г.

В данном случае — место последнего успокоения.

79

Пуруш, точнее пуруша (др. — инд. «человек, мужчина, дух») — в индийской мифологии существо, из тела которого была создана Вселенная.

80

Беседа, проведенная Ошо 23 декабря 1967 г. в Лонавале.

81

Крипалани, Дживатрам Бхагвандас, Ачарья Крипалани (1888–1982) — индийский политик, социалист, мистик, борец за свободу. Известен в основном потому, что был председателем партии Индийский национальный конгресс во время обретения Индией независимости в 1947 г.

Очевидно, что Ошо подпал под социалистическую пропаганду, очень интенсивно осуществлявшуюся в Индии, и переоценил преимущества планового ведения хозяйства в СССР.

83

Рамакришна Парамхамса, настоящее имя — Гададхар Чаттерджи (1836–1886), индийский мистик, считавший, что Индии и всему человечеству для возрождения необходима единая религия. Родившийся в небогатой брахманской семье и не получивший серьезного образования, он тем не менее до сих пор считается одной из самых выдающихся духовных личностей Индии. Согласно Рамакришне, основное требование религиозной этики — это не отречение от мира, а выполнение своих обязанностей. Вследствие особой чувствительности к красоте и гармонии природы обладал способностью впадать в экстатические состояния, в течение которых и получил свои духовные прозрения.

84

Сутра, или сутта (санскр. «нить») — в древнеиндийской литературе лаконичное высказывание, афоризм, позднее — сборник таких афоризмов. В Древней Индии сутрами излагались все отрасли знания и почти все религиозно-философские учения. Свиток с сутрами используется как атрибут божества, являясь символом мудрости, а на алтаре символизирует дхарму.

Полный список работ Ото вы найдете на сайте www.osho.com.

86

Саммасати — по преданию, последнее слово, сказанное Буддой Шакьямуни. Означает понятие Дзен-вспоминание своей окончательности, бессмертия, своей божественности.

В данном случае — место последнего успокоения.